

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

JEWES AND THE JEWISH PEOPLE

JEWISH SAMIZDAT

**JEWISH ALMANAC
OF LENINGRAD**

Editor Yuri Kolker

Vol. 27

The Hebrew University of Jerusalem
The Centre for Research and Documentation
of East European Jewry

JERUSALEM 1992

ЕВРЕИ И ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД

ЕВРЕЙСКИЙ САМИЗДАТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редактор Юрий Колкер

Том 27

Еврейский университет в Иерусалиме

Центр по исследованию и документации
восточноевропейского еврейства

ИЕРУСАЛИМ 1992

This publication is supported by the Memorial Foundation
for Jewish Culture, New York and the Society for Research on
Jewish Communities, Jerusalem.

ISSN 0334—438X

P.O.B. 7422, Jerusalem 91073

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	VI
Предисловие. М. Бейзер	VIII
Publisher's Note	X
Preface by M. Beizer	XI
Выпуск 5	1
Выпуск 6	67
Выпуск 7	145
Выпуск 8	231
Примечания издателя	310

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборники *Еврейский Самиздат*, включавшие материалы, которые распространялись в еврейском Самиздате в Советском Союзе, и попали на Запад, наряду со сборниками документов *Петиции, письма и обращения евреев СССР* и издаваемыми два раза в году сборниками *Материалы из советской печати*, входят в серию *Евреи и еврейский народ*, издаваемую Центром по исследованию и документации восточноевропейского еврейства Еврейского университета в Иерусалиме. Целью *Еврейского Самиздата*, как и прочих публикаций серии, является создание наиболее полной картины жизни евреев в СССР: с одной стороны, как она представлена в официальной советской прессе, отражающей политику советских властей по отношению к еврейскому вопросу и государству Израиль; с другой стороны, как сами евреи видят сущность еврейства, историю своего народа и его культуру, как выражают свое отношение к государству Израиль.

Лишенные доступа к источникам, носящим в себе объективную информацию, а также средств выражения своих насущных проблем через печать, евреи СССР обращались к самиздату. В самиздате нашли отражение глубокие изменения в жизни евреев Советского Союза, особенно после Шестидневной войны, пробуждение и рост национального самосознания, принявшего форму солидарности с Израилем и борьбы за выезд, оценка исторического прошлого, Катастрофы и другие проблемы.

Первый сборник самиздата появился в Риге в феврале 1970 г.. С 1972 г. в Москве группой еврейских активистов издавался журнал *Евреи в СССР*. До настоящего времени нами опубликовано 26 томов *Еврейского Самиздата*.

В начале 1980-х годов, в качестве одного из центров еврейской активности, выдвинулся и Ленинград. Здесь в сентябре 1982 года был составлен и размножен первый выпуск *Ленинградского еврейского альманаха* (ЛЕА).

Теперь, в свете происходящих в последние годы изменений в Советском Союзе, создания в разных городах обществ еврейской культуры, многие из которых издают свои печатные органы, Еврейский самиздат утратил свой неподцензурный характер, его издатели и авторы не подвергаются преследованиям. Несмотря на это, для авторов, занимающихся ис-

следованиями в области еврейской истории и культуры, возможности публикации еврейских материалов ограничены.

В настоящий том включены четыре выпуска (NN5—8) *Ленинградского еврейского альманаха* (ЛЕА). Примечания, составленные Ю.Колкером, помещены в конце тома и обозначены надстрочным номером в тексте. Все редакционные вставки и все подстраничные ссылки сделаны в Ленинграде.

При издании мы старались с возможной точностью воспроизвести не только тексты, но и облик, и стилистические, и даже графические особенности этого машинописного альманаха, меняющиеся от выпуска к выпуску вместе с изменением состава редакционной коллегии. Поэтому пунктуация, написание имен и названий иногда отличаются от нормативных.

В настоящий том не включены переводы статей, опубликованных в западных публикациях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике опубликованы четыре выпуска (NN5—8) "Ленинградского еврейского альманаха" (ЛЕА). Они вышли в свет в Ленинграде в течение года, с декабря 1984 по декабрь 1985. Это был трудный год в жизни еврейского национального движения в СССР. Выезда из страны практически не существовало, пресса и телевидение яростно нападали на Израиль, отказников, еврейскую культуру; аресты активистов следовали один за другим. Каждый новый арест, будь то в Ленинграде, Москве или Риге, мгновенно становился известным. В кругу еврейских активистов возникла атмосфера пессимизма и подавленности. Еврейский периодический самиздат в стране заглох.

В Ленинграде с перерывом в полгода власти арестовали Надежду Фрадкову (декабрь 1984), Роальда Зеличенка (июнь 1985), Владимира Лифшица (январь 1986). В городе провели ряд обысков, десятки людей были привлечены к следствию, запуганы на "беседах" с работниками КГБ.

Трудности испытывала и редакция альманаха, где после отъезда Ю.Колкера (во время подготовки №4) не осталось ни одного человека, имевшего опыт работы над журналом. В создавшихся условиях члены редакции стремились прежде всего продлить существование ЛЕА — первого за полвека ленинградского периодического издания для евреев.* Неудивительно поэтому, что редакция избегала прямой конфронтации с властями. Статьи по желанию авторов публиковались под псевдонимами. Анонимным был и состав редакции. Большие работы с продолжением почти не печатались, т.к. было не ясно, выйдет ли следующий номер и, если да, то попадет ли он в руки тех же самых читателей. Но положительным фактором, несомненно, являлись регулярность появления ЛЕА и его сравнительно высокий тираж — 70—100, а иногда и более экземпляров.

Благодаря налаженной системе распространения, которое в тот период осуществлял Я.Городецкий, с ЛЕА познакомились не только ленинградцы, но и читатели из Москвы, Риги, Вильнюса, Таллина, Киева, Одессы, Кишинева, Хмельницкого, Тбилиси, Еревана и др. городов СССР.

*В 1985 г. ЛЕА был единственным еврейским периодическим самиздатом в СССР.

Одной из труднейших проблем был сбор материалов для публикации, что объяснялось, по меньшей мере, двумя обстоятельствами:

— из-за анонимности редакции авторы не всегда знали, куда передавать работы;

— многие боялись поместить в ЛЕА даже самую невинную заметку, хотя бы под псевдонимом. Последнее особенно относилось к тем, кто имел или надеялся получить возможность опубликовать что-либо в официальной советской печати.

Проблема решалась с помощью участников ленинградского исторического семинара. Из 26 различных материалов, составивших NN 5—8 альманаха, 13 статей (т.е. почти все оригинальные работы, занявшие три четверти его объема) — это доклады, читавшиеся и обсуждавшиеся прежде на семинаре.

Большинство статей альманаха посвящены прошлому евреев России. Важное место занимают работы Д. Романовского о Катастрофе. Ряд заметок прямо или косвенно касается актуальных вопросов еврейской жизни в СССР. Перевод очерка И. Беношофской "Путеводитель по еврейскому музею в Будапеште", так же как и речь министра иностранных дел Румынии, были включены в альманах, чтобы показать читателю, что даже в странах социализма возможно терпимое отношение к еврейской культуре и к Израилю.

Письмо Р. Зеличенка А. Белову, опубликованное за полгода до ареста автора, — пример предвидения "антисемитской" тенденции развития писателей-"деревенщиков".

Заметка М. Бейзера "О критическом отношении к еврейской истории" высмеивает заявления Антисионистского комитета советской общественности на примере аналогичных заявлений евреев в нацистской Германии. Материалы для заметки предоставил Д. Романовский.

Сообщение "Тому, на чьем месте мог быть и я" посвящено возникшей в Ленинграде в 1982 г. традиции отмечать на кладбище День памяти жертв Катастрофы.

Автор этого предисловия вместе с Семеном Фрумкиным участвовал в составлении и редактировании всех номеров альманаха, вошедших в данный сборник. Литературная редакция осуществлялась Риммой Запесоцкой. В подготовке материалов к изданию большую помощь оказала Вероника Горбунова.

PUBLISHER'S NOTE

The volumes of *Jewish Samizdat* which include material reaching the West from the Jewish *Samizdat* disseminated unofficially in the Soviet Union, form a part of the series *Jews and the Jewish People*, published by the Centre for Research and Documentation of East-European Jewry at the Hebrew University of Jerusalem. Other publications in the series are *Petitions, Letters and Appeals from Soviet Jews* and the biannual *Excerpts from the Soviet Press*. This series aims at creating the fullest possible picture of Jewish life in the USSR. Excerpts from the official Soviet press reflect the Soviet authorities' policy towards the Jewish question and towards the State of Israel. Other sources reveal how the Jews themselves view the nature of their Jewishness, the history of their people and their culture, and how they express their attitude towards the State of Israel.

Deprived of access to reliable sources of information and of means of expressing their basic problems in print, the Jews of the USSR turn to *Samizdat* to fill this gap. The *Samizdat* publications reveal the awakening and growth of national consciousness of the Jews in the Soviet Union, particularly after the Six-Day War, which took the form of solidarity with Israel and the struggle to emigrate, an evaluation of the historical past, of the Holocaust and other problems.

The first collection of *Jewish Samizdat* appeared in Riga in February, 1970. Since 1972, a group of Jewish activists have been publishing the journal *Jews in the USSR*. Twenty-six volumes of Jewish *Samizdat* have been published by the Centre comprising the material that reached Israel since then.

In the early 1980's Leningrad became one of the most active Jewish centres. The first issue of the *Jewish Almanac of Leningrad* was prepared and distributed in September 1982. The present volume contains four issues (Nos.5-8).

The recent changes in the Soviet Union have led to the establishment of Jewish cultural centers in many cities. Many of these centers have their own publications.

Jewish Samizdat has now lost its unique status of being the only uncensored Jewish publications, and its writers are no longer persecuted. Despite this, however, there are still not enough possibilities for the publication of studies in Jewish history and culture.

PREFACE

The present publication comprises four issues (Nos. 5 to 8) of the *Leningrad Jewish Almanac* (LJA) which appeared in 1985. That year was a difficult one for the Jewish national movement in the USSR. Very few Jews were allowed to emigrate, the Soviet press and television launched vicious attacks against Israel, Jewish culture and 'refuseniks'. Arrests of activists were frequent. Each new arrest immediately became known, wherever it took place — in Leningrad, Moscow or Riga, etc. Jewish activists were plunged into a mood of pessimism, even despair. The activity of Jewish *Samizdat* periodicals came to a standstill.

In Leningrad, the authorities arrested, with half-year intervals, Nadezhda Fradkova (December 1984), Roald Zelichenok (June 1985), and Vladimir Lifshits (January 1986). Searches were conducted in the city, dozens of people were called for investigation and were intimidated during 'talks' with KGB officials.

Difficulties were also experienced by the Almanac's editorial board. After the departure of Yuri Kolker (when the fourth issue was being prepared) there was not a single person left with enough experience to run the magazine. Under the resulting conditions, the editors felt it their task to keep LJA, the first Jewish periodical in Leningrad in a half century, alive as long as possible. Thus it is not surprising that the editors avoided direct confrontation with the authorities. Articles were published under pseudonyms. The editorial board was also anonymous. Lengthy works that could only be published in instalments were not accepted for publication since no one knew whether the next issue would see the light of day or, if so, whether it would reach the previous readers. A positive factor, however, was the fact that LJA came out on a regular basis and that the number of its copies was relatively large: at least 70 to 100.

Owing to Ia. Gorodetskii's well organized distribution arrangements, LJA reached readers not only in Leningrad, but also in Moscow, Riga, Vilnius, Tallin, Kiev, Odessa, Kishinev, Khmel'nitsky, Tbilisi, Yerevan and other Soviet cities.

Receiving materials for publications was a major problem due to at least two circumstances:

— authors did not always know to whom they were supposed to submit their works since the editors remained anonymous;

— quite a few prospective authors were afraid to publish in LJA the most innocent material, even under fictitious names. This applied in particular to those who could, or hoped to be able to, publish their works in the official Soviet press.

This problem was solved with the assistance of the participants in the Leningrad Jewish history seminar. Thirteen articles of the twenty six contributions in Nos. 5-8 of the Almanac were papers previously presented and discussed at the seminar (this included almost all the original works, which accounted for three quarters of the issues' contents).

The majority of the *Almanac* articles deal with the history of Russian Jewry. D.Romanovskii's works on the Holocaust occupy an important place in the publication. A number of communications are concerned directly or indirectly with topical aspects of Jewish life in the USSR. Translations of I. Benoschofsky's essay *A Guide to the Budapest Jewish Museum* and of a speech by the Romanian foreign minister were printed in the *Almanac* in order to show that a tolerant attitude toward Jewish culture and toward Israel is possible in socialist countries.

R.Zelichenok in a letter to A.Belov, published half a year before the author was arrested, foresaw the antisemitic direction later taken by the 'village prose' writers.

M. Beizer's short piece *On a Critical Attitude to Jewish History* ridicules declarations of the Soviet Anti-Zionist Committee by comparing them with similar declarations of Jews in Nazi Germany. Materials for this article were provided by D.Romanovskii.

The communication entitled 'I Could Be in His Place' was dedicated to perpetuating the tradition, initiated in 1982, of marking the Memorial Day of the victims of the Holocaust at a cemetery.

The author of this Preface, together with Semen Frumkin, participated in the preparation and editing of all issues of the Almanac which are included in the present collection. The literary editing was done by Rimma Zapesotskaia. Considerate help in the preparation of the materials for publication was provided by Veronika Gorbunova.

M. Beizer

Jerusalem, 1991

	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XX

XXXXXXXXXXXX
 XX
 XX
 XXXXXXXXXXXX
 XX
 XX
 XX
 XXXXXXXXXXXX XX

XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XX	XX
XX	XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX	XX
XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	
XX		XX		XX
XX		XX		XX
XX		XX		XX
XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX		XX

-----ooO^{oo} ooO^{oo}-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----oo^O O^{oo}-----

Выпуск 5

Декабрь 1984

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

О Хануке	5
Погромы и самооборона в России	
Русское общество о погромах	8
Л.СЕГАЛ:	
Погромы и еврейская самооборона	11
Литературное наследие	
Поэт Залман Шнеур	32
А.ЭЙЗЕРИ:	
Еврейский свадебный обряд	34
Ф.НУЛИН:	
Евреи — узники Шлиссельбурга	54
О критическом отношении к историческим документам ..	61
Р.ЗЕЛИЧОНОК:	
Письмо Василию Белову	64

О ХАНУКЕ

Средь испытаний и гонений,
Средь мук и тягостных невзгод
Ищи себе ты утешенья
В былом, великий мой народ.

Ханука значит *освящение*. Этот праздник будет отмечаться в 2148-й раз. Восемь дней подряд в память героической борьбы народа Израиля за свободу зажигаются в еврейских домах свечи. Вспомним исторические события, относящиеся к эпохе греческого завоевания Иудеи.

Громадная территория, завоеванная Александром Македонским, после смерти Александра распалась на ряд областей. Иудея находилась между царствами Птолемеев и Селевкидов. И те, и другие правители все более угнетали евреев. Когда же сирийским царем стал Антиох Епифан, насильственная эллинизация подвластных императору народов стала его главной политической линией. Антиох издал указ, предписывающий всем народам империи слиться в один народ и отказаться от своих родных обычаев. Евреям было запрещено исповедовать их религию и совершать богослужение в храме. Соблюдение еврейских законов каралось смертной казнью, свитки Торы сжигались, а евреев силой понуждали к идолопоклонству. Священный храм был осквернен, в алтаре воздвигли статую Зевса, перед которой совершались жертвоприношения.

Чаша народного гнева переполнилась. Все больше мужественных людей, преданных вере отцов, уходило в горы, составляя дружины для борьбы с угнетателями. Народное восстание возглавил старый священник Матитьягу и пятеро его сыновей: Иоханан, Симон, Элизер, Ионатан и Иегуда (по прозвищу Маккавей, что на иврите означает *молот*), который после смерти отца встал во главе повстанцев.

В героической борьбе Иегуда Маккавей с малочисленным отрядом разбил громадную сирийскую армию и вступил в Иерусалим. Маккавей уничтожил оскверненный алтарь и воздвиг новый. Освящение алтаря произошло в тот же 25-й день ме-

сяца кислева, когда за три года до этого язычники осквернили храм. Восемь дней еврейский народ праздновал свою победу, торжествуя и веселясь.

Талмудическое предание рассказывает, что во время освобождения храма в нем отыскался лишь маленький сосуд со священным елеем (т.е. маслом для неугасимой лампы), который не был осквернен язычниками. Содержавшегося в кувшинчике масла могло бы хватить лишь на один день горения лампы, между тем для изготовления нового еля требовалось восемь дней. И произошло чудо: это небольшое количество масла горело в течение восьми дней, пока не был приготовлен новый елей.

Религиозное и национально-историческое значение Хануки велико. Она — память о событиях, в которых видят воодушевляющее свидетельство высокой предназначенности народа, его гордости и целостности. Эти торжества — напоминание о достойном избавлении от одной из множества опасностей, угрожавших еврейской религии и еврейскому народу.

Краткий рассказ о Хануке мы завершим стихотворением С. Фруга.

СВЕТОЧИ МАККАВЕЕВ

Восемь лампадок порою ночной
Тихо и кротко горят предо мной —
Искры когда-то блестящих огней,
Грустная память торжественных дней:
Память жестоких насилий и битв,
Память горячих народных молитв,
Память минувших печалей и бед,
Подвигов громких и славных побед, —
Кротко мерцающая, порою ночной
Восемь лампадок горят предо мной.

И это — все. Ни свитков длинных,
Ни вещей песен старины,
Где хмурый бард в строфах картинных
Под мелодичный звон струны
Вещал бы внукам в назиданье,

Потомкам будущих веков,
Про славу дедов и отцов,
Про их геройские деянья
И роскошь празднеств и пиров
По возвращеньи с поля битвы,
Раздел добычи меж бойцов,
Про песни, жертвы и молитвы
У ярких, пышных алтарей
Средь ослепительных огней...

Лишь восемь крошечных светилен
Нам шлют унылый свой привет...
Но как велик, но как обилен
Их тихий свет, их чудный свет!..¹

-----ooOoo-----

ПОГРОМЫ И САМООБОРОНА В РОССИИ

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО О ПОГРОМАХ

Максим Горький:

За последние годы в стране нашей все чаще и чаще совершаются события, позорящие ее, но самое позорное дело, возбуждающее ужас, стыд и негодование — это страшное избиение евреев в Кишиневе. Люди, считающие себя христианами, люди, якобы верующие в Бога милосердия и сострадания, — эти люди, во дни, посвященные ими празднованию Воскресения Бога своего из мертвых, убивают детей и стариков, насилуют женщин, пытаются и грабят людей того племени, которое дало им Христа.

Кого винить в этом гнусном преступлении, которое ложится на всех нас, русских, кровавым пятном позора, пятном, которое и века не смоют со страниц печальной истории нашей темной страны?

М. Горький. Протест против общества. Берлин, 1903.

Лев Толстой:

Если же вы спросите меня, что по-моему нужно делать евреям, то ответ мой тоже сам собой вытекает из того христианского учения, которое я стараюсь понимать и которому стараюсь следовать. Евреям, как и всем людям, для их блага нужно одно: как можно более в жизни следовать всемерному правилу — поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и бороться с правительством не насилем — это средство надо предоставить правительству, а доброй жизнью, исключаяющей не только всякое насилие над ближним, но и участие в насилии и пользование для своих выгод орудиями насилия, учрежденными правительством.

Л. Н. Толстой. Письма по поводу Кишинева. Берлин, 1903.

В. Шульгин, идеолог черной сотни:

Уже давно мы так сидели, вдвоем. Это было в один из по-

слепогромных дней. Там же на Демиевке, — в одном из домов.

Я читал книгу, подобрившись ближе к печке. Изредка похлебывал чай. А он сидел в углу на неудобном стуле, сгорбившись неподвижно. Он внимательно смотрел вниз в другой угол — напротив. Я думал, что он следит за мышью, которая так шуршала за обоями. Это был старик еврей, седой, худой, с длинной бородой. Мы не обращали друг на друга никакого внимания и сидели так, может быть, часа два. Печка приятно трещала, в окно понемножку входили голубоватые сумерки.

Караул помещался внизу. А мне отвели помещение здесь — в комнате, которая служила и столовой и гостиной в этой еврейской семье. Старик этот был хозяин.

Наш батальон в это время охранял Демиевку и каждые сутки выставлял караул. Мы помещались в разных домах, где придется. В противоположность дням допогромным, каждый еврейский дом добивался, чтобы караул поставили у него. Принимали всегда в высшей степени радушно... В качестве войск, мы обязаны были сохранять "нейтралитет" и, спасая евреев, держаться так, чтобы русское население не имело поводов выдумывать всякие гадости, вроде "жиды купили офицеров".

Поэтому я читал, не заговаривая с хозяином. Он молчал, этот старик, и о чем-то думал. И вдруг неожиданно разразился...

— Ваше благородие... сколько их может быть?

— Кого?

— Этих сволочей, этих мальчишек паршивых...

— Каких мальчишек?

— Таких, что бомбы бросают. Десять тысяч их есть?

Я посмотрел на него с любопытством.

— Нет... конечно, нет...

— Ну, так что же!.. Так на что же министры смотрят...

Отчего же их не вывешать всех!..

Он тряс перед собой своими худыми руками. Мне показалось, что он искренен, этот старик.

— А отчего вы сами, евреи, — старшие, не удержите их? Ведь вы же знаете, сколько ваших там?

Он вскочил от этих слов.

— Ваше благородие! И что же мы можем сделать? Разве они хотят нас слушать? Ваше благородие! Ви знаете, — это чистое несчастье. Приходят ко мне в дом... Кто? — Мальчишки. Говорят: "давай"... Они говорят — "самооборона". И мы даем на "самооборона". Так ви знаете, ваше благородие, что они сделали, эти сволочи, на Демиевке? Эта "самооборона"? Бомбы так бросать — они могут. Это они-таки умеют, да... А когда пришел погром до нас, так что эта самооборона? Штрелили эти паршивые мальчишки, штрелили и убегли... Они-таки убегли, а мы-таки остались... Они штрелили, а нас бьют... Мальчишки паршивые! "самооборона"!!!

— Все-таки надо удерживать вашу молодежь.

— Ваше благородие, как их можно удерживать!.. Я — старый еврей. Я себе хожу в синагогу. Я знаю свой закон... Я имею бога в сердце. А эти мальчишки! Он себе хватает бомбу, идет — убивает. На тебе — он тебе революцию делает... Ваше благородие... И ви поверьте мне, старому еврею... ви говорите — их нет десять тысяч. Так что же, в чем дело?! Всех их, сволочей паршивых, всех их, как собак, перевешать надо. И больше ничего, ваше благородие.

С тех пор, когда меня спрашивают: "Кого вы считаете наибольшим черносотенцем в России?" — я всегда вспоминаю этого старого еврея... И еще я иногда думаю: ах, если бы "мальчишки", еврейские и русские, вовремя послушались своих стариков — тех, по крайней мере, из них, кто имели или имеют "бога в сердце"!

В.В.Шульгин. Дни. М., 1927.
(Глава "Третий день конституции".)

В.Бегун, советский историк:

Если придерживаться марксистской, а не националистической точки зрения, то в каждом случае следует спросить: какие евреи подвергались преследованиям — богатые или нищие, ростовщики и купцы или полуголодные ремесленники и ветошники? Если народный гнев обращался против еврейских ростовщиков, шинкарей, заводчиков, купцов и других эксплуататоров, то причину этого следует искать не в национальном, а прежде всего в классовом антагонизме. Ведь не ставим же

мы сегодня в упрек нашим отцам, дедам и прадедам, боровшимся за правое дело, их непочтительное обхождение со своими угнетателями, независимо от родства и национального происхождения.

В.Я.Бегун. Вторжение без оружия. М., 1974, с. 63.

Л.Сегал²

ПОГРОМЫ И ЕВРЕЙСКАЯ САМООБОРОНА (1881—1906 годы)

Одно из немногих слов, которыми великий и могучий русский язык обогатил мировую лингвистику, — *погром*, к сожалению, не является только русским явлением: достаточно вспомнить погромы в цивилизованной Франции и французском Алжире в эпоху дела Дрейфуса. Но ни в одной стране в новейшее время погромы не стали настолько обычным явлением, как это случилось в России в конце XIX — начале XX веков (за исключением, конечно, фашистской Германии). Тема этой работы не собственно погромы (их история и причины возникновения), а еврейская самооборона во время погромов, изложенная в виде хроники.

Первый погром в России произошел в 1821 году в Одессе. Поводом к нему послужила резня греков в Константинополе и убийство там православного патриарха Григория. После символических похорон Григория в Одессе под воздействием ложных слухов о том, что евреи также принимали участие в издевательствах над православной церковью и в избиении христиан, толпа греков и примкнувших к ним русских бросилась бить евреев и грабить их имущество. В этом погроме проявились черты многих будущих погромов в России. Во-первых, достаточно было любого ложного слуха о евреях, и толпа бросалась их громить. Второй отличительной чертой было сочувствие погромщикам значительной части образованного русского общества.

Евреи во время этого первого погрома вели себя по старинке и не сопротивлялись. Журнал "Еврейская старина" писал в 1911 году об этом погроме: "Мы хотим сообщить со

слов старожилов, что многие евреи в роковой день скрывались в рощах, переживая смертельный страх в ожидании грозы”.

Погромы в 1839 и 1862 годах в Одессе и Аккермане происходили в первую очередь из-за ненависти к евреям со стороны местного греческого населения. Первый погром, во время которого евреи попытались защищаться организованно, — это одесский погром 1871 года. Тогда под руководством студентов местного университета были организованы первые, пока еще очень слабые, отряды самообороны. Отношение образованной части русского общества не изменилось. Светские дамы, офицеры, интеллигенты приезжали в каретах и смотрели на погром, как на какое-то веселое зрелище.

Однако до 1881 года погромы не были постоянными. Лишь после убийства террористами Народной воли Александра II погромы приняли характер эпидемии, прокатившейся несколькими волнами. В начале 80-х годов погромы охватили почти всю черту оседлости, за исключением Литвы и Белоруссии, губернатор которых, Тотлебен, герой Крымской и Русско-турецкой (1877—78 гг.) войн, заявил, что он не допустит погромов на подвластной ему территории.

Погромы 80-х годов отличались от погромов революции 1905 года тем, что в эту первую волну погромов было сравнительно мало убийств (“всего каких-нибудь несколько десятков жертв”) и гораздо меньше зверств.

Вот как один из очевидцев писал об одесском погроме 1871 года, сравнивая его с погромами начала XX века: “Он — погром — не отличался жестокостью и дикими изуверствами грядущих погромов. До повальных убийств, до вколачивания гвоздей в черепа, до изнасилования дочерей в присутствии матерей, до распарывания животов беременных женщин тогда еще не дошло.”

Пока еще, за исключением погрома в Балте, солдаты и полиция не принимали непосредственного участия в бесчинствах, но часто они действовали недостаточно энергично и начинали разгонять погромщиков на третий, в лучшем случае на второй день погрома. В отличие от погромов 1905 года войска в ряде случаев даже применяли оружие и открывали огонь по погромщикам. Но в целом военные и полиция вели себя очень нерешительно, и это создавало у народа определенное настро-

ение, о котором один генерал-адъютант, командированный для расследования причин погрома, писал: "... у меня создалось впечатление, что если начальство не останавливает нападения на евреев, то это дозволено, разрешено самим царем." Арестованные после киевского погрома были искренне уверены, что "...дозволено трое суток потешаться над жидами, что за это ничего не будет, а поживиться нашему брату не мешает".

Первый погром 80-х годов произошел в Елисаветграде. В отчете правительственной комиссии говорилось: "К вечеру беспорядки усилились, благодаря прибытию в город целой массы крестьян из близлежащих деревень с целью поживиться еврейским добром." 15-тысячное еврейское население города совершенно не было готово к погрому, никакой еврейской самообороны еще не существовало. В отдельных случаях, когда евреи защищали свое имущество, их избивали, и на этом все кончалось. Изнасилований и убийств в этом погроме еще не было. На третий день погром был прекращен после вмешательства войск.

Всед за этим погромы вспыхнули по всей Украине. Очень часто инициаторами погромов являлись приехавшие по железной дороге великорусские рабочие и босяки, названные "босой командой". Они присоединялись к местной черни и под руководством полуинтеллигентных конвоиров, имевших заранее списки еврейских квартир и торговых заведений, устраивали погром. Ряд фактов свидетельствует о том, что "босая команда" была связана с представителями местной администрации или с влиятельными местными жителями. Например, ни один из членов "босой команды" не был арестован, хотя за участие в погроме под суд были отданы тысячи. Видимо, они всегда сразу же исчезали, предупрежденные заранее о дне, когда ожидалось вмешательство властей.

В апреле 1881 года произошел первый случай еврейской самообороны. В Бердичеве евреи подкупили местного полицмейстера, и он им разрешил организовать многочисленную еврейскую стражу, вооруженную дубинками. Отряды еврейской самообороны дважды встречали на вокзале поезда с "босой командой" и не дали им высадиться в Бердичеве.

Далеко не всегда попытки самообороны были столь успеш-

ными. Во время конотопского погрома, участниками которого были в основном железнодорожные рабочие, оборона со стороны евреев заставила толпу перейти от грабежей к убийствам. Вообще еврейская самооборона не разрешалась полицией, и во время погрома ее члены арестовывались куда более интенсивно, чем погромщики.

Завершением весенней погромной кампании был трехдневный погром в Одессе. Учитывая многотысячный одесский портовый сброд, готовый на любые зверства, погром мог иметь страшный характер, если бы не хорошо организованная еврейская самооборона под руководством студентов местного университета. Отряды самообороны смогли спасти от погрома целый ряд еврейских кварталов. Вооружены они были, в основном, дубинками и железными палками. Револьверы были у немногих. В обороне принимало участие довольно большое количество людей. Полицией было задержано 150 человек. Полиция и войска довольно энергично разгоняли толпы погромщиков, но это произошло только после вмешательства иностранных консулов, обеспокоенных угрозой жизни подданных своих стран.

Летом 1881 года погромы прокатились по небольшим городам и местечкам Украины. Кое-где погромщики переходили от грабежей к резне. Самообороны практически не было. Войска в ряде случаев действовали активно, и погромщики несли потери убитыми и ранеными, в результате чего погромы быстро прекращались.

В декабре 1881 года произошел трехдневный погром в столице Царства Польского — в Варшаве. Погром был явно организован извне. Польская общественность просила разрешить организовать гражданскую стражу, гарантируя, что они наведут порядок за один день, но это разрешение им не было дано. В целом в рамках всего города самооборона организована не была. Это был первый погром в Польше, и евреи его не ожидали. Но на улицах, густо населенных евреями, они активно защищались, и погромщики понесли потери (среди них были раненые), отступили и больше на этих улицах не показывались. По заведенному шаблону войска вмешались только на третий день, но уже было разрушено и разгромлено 1,5 тысячи еврейских квартир и торговых помещений.

Наиболее страшный погром 80-х годов — балтский погром;

который произошел в конце марта 1882 года. Он, как по своим зверствам (было убито и тяжело ранено 40 евреев, легко ранено 170), так и по прямому участию солдат и полицейских в погроме (многие из них были отданы затем под суд, а двое даже приговорены к смертной казни, правда, не приведенной в исполнение), является преддверием ужасов нашего XX века.

Еврейское население Балты втрое превышало христианское, но самооборона организована не была, так как жители опасались мер администрации и надеялись на помощь войск и полиции. Только отдельные семьи тайно договорились между собой помогать друг другу. Первая попытка организовать погром закончилась полным провалом. Быстро собравшиеся евреи заставили громил отступить и укрыться в здании пожарной команды. Но солдаты и полиция выпустили их из убежища и стали прикладами разгонять евреев. Количество погромщиков резко увеличилось. Но громить евреев в этой части города, даже под прикрытием солдат, они не решились. Вместо этого толпа направилась через мосты в так называемую Турецкую сторону, где евреев было меньше. Все три моста были перекрыты цепью солдат, пропускавших местных погромщиков и прибывших к ним на подмогу деревенских громил. А евреев, стремившихся оказать помощь своим избиваемым собратьям, они не пропускали. Турецкая сторона была разгромлена. На следующий день в город прибыли многотысячные толпы крестьян, которые вместе со значительным числом солдат и полицейских присоединились к погромщикам.

Балтский погром был одним из последних погромов 80-х годов. Напуганное бурными действиями черни царское правительство решило прекратить неофициальные погромы и мучить евреев официальным путем. Были изданы знаменитые Временные правила 1882 года, закрывшие для евреев все деревни черты оседлости.

В конце 90-х годов русским евреям вновь напомнили, что их можно душить не только официальным путем. 18 и 19 февраля 1897 года в местечке Шполе Киевской губернии и 16 и 17 апреля в местечке Кантакузенка Херсонской губернии местные жители и приезжие крестьяне полностью разгромили все магазины и дома, принадлежавшие евреям. Евреи заранее знали о погромных настроениях, но не готовились к за-

щите, связывая свои надежды с местными властями, которых они предупредили. Но губернаторы с отрядами солдат в обоих случаях прибыли слишком поздно, когда все было кончено.

В 1899 году произошел трехдневный пасхальный погром в Николаеве. Самообороны по-прежнему не было. Власти, как было принято, подавили погром на третий день. Десятитысячная крестьянская "армия" приехала на телегах для грабежа еврейского имущества. Но было уже поздно, и в город их не пустили. Крестьяне решили выместить свое зло на окрестных еврейских жителях, работавших в еврейских земледельческих колониях. Но удалось разгромить только одну колонию. В остальных физически сильные евреи отстояли себя и отогнали крестьян.

В 1901 году была предпринята попытка организовать пасхальный погром в Екатеринославе. Отряды еврейской самообороны были созданы местной организацией Поалей Цион (еврейской социал-демократической рабочей партией, примыкавшей к сионистам). Во главе самообороны стоял ее лидер Б.Борохов. После ряда стычек, которые всюду заканчивались поражением погромщиков, громилы бежали, и погром не состоялся.

Погромы XX века фактически начались со страшного кишиневского погрома в пасхальные дни 1903 года. Это один из самых диких погромов в России. Убито было 45 евреев, тяжело ранено или изувечено 86; 500 человек получили легкие ранения. Людям вколачивали гвозди в головы и выкалывали глаза. Женщинам распарывали животы и отрезали груди. Маленьких детей выбрасывали из чердаков на мостовую и разбивали им головы о камни.

Нужно сказать, что кишиневский погром вошел в историю как "образец" беспримерной жестокости русских и молдаван, с одной стороны, и еврейской трусости — с другой. Известны гневные стихи Бялика на этот счет. С.Дубнов писал по поводу кишиневского погрома: "...смертельно напуганные кишиневские евреи не решились даже в последнюю минуту оказать сопротивление убийцам и дорого продать свою жизнь." Нам такая оценка представляется неправильной.

Вот каковы факты. Погрома в Бессарабии ожидали давно. На страницах единственной официально разрешенной газеты

”Бессарабец”, которую издавал воинствующий антисемит Крушеван, велась разнузданная антисемитская пропаганда. Погром готовили как представители местной администрации во главе с вице-губернатором Устюговым, так и агенты центральной власти, которую представлял Плеве. Евреи готовились к отпору. В начале века в России действовали многочисленные сионистские организации, и они взяли организацию самообороны в свои руки. Самооборона стояла на несравненно более высоком уровне, чем в 80-е годы. Первая попытка погрома была предпринята в Дубоссарах, но погром не удался, так как еврейская самооборона сразу же разогнала громил. Руководитель бессарабских сионистов Бернштейн-Коган вспоминает о подготовке руководимого им сионистского союза к отражению погрома в Кишиневе: ”Различные еврейские группы готовятся встретить погром. Раввин с помощниками идут к главе православной церкви... Молодежь реагирует по-другому — собирается, волнуется, добывает из-под земли оружие, назначаются квартиры под штаб обороны и для ударных батальонов. Прокладывается телефонная связь. А в моей квартире главный телефон, и место встречи, и приема известий.” Полиция знала об этом и понимала, что жертвами погрома могли стать сами погромщики. Поэтому в воскресенье 6 апреля, в первый день христианской пасхи, одновременно с началом погрома, ”в четыре часа все роты самообороны были разоружены и оттеснены в большие дворы, там членов самообороны арестовали и отправили в полицию”.

Таким образом, уже в самом начале погрома евреи остались без своих лучших организованных сил. Вечером первого дня погрома группа евреев, вооружившись палками, пыталась отогнать бандитов, но войска отняли это так называемое оружие у евреев, и погром продолжался беспрепятственно. Поражает и равнодушное отношение русской интеллигенции к этим зверствам. По воспоминаниям, погода была хорошая, и вечером первого дня погрома центральные улицы были полны гуляющих чиновников, учащихся, адвокатов, врачей, но никто из них не пытался остановить погром, а некоторые даже сочувствовали бандитам.

Погром в Кишиневе отчетливо показал евреям, что они могут рассчитывать только на себя, что им неоткуда ждать по-

мощи: их не способно защитить ни царское правительство, ни общественное мнение. По всей черте оседлости начали организовываться кружки самообороны. Большую роль в их создании сыграл призыв известных писателей и публицистов, таких как Ахад-ха-Ам, Бен-Ами, Дубнов. В воззвании содержался страстный призыв к подъему национального духа и к организации самообороны. Вот выдержки из него: "Резня в Кишиневе — вот ответ на все наши слезы и мольбы. Неужели и в будущем мы решили ограничиваться только слезами и мольбой? Позорно для тысяч душ полагаться на других, подставлять шею под топор палача и кричать о пощаде, не испробовав свои силы, чтобы защитить свое имущество, честь и самую жизнь." Воззвание заканчивалось следующими словами: "Нам нужна повсюду, где мы проживаем, постоянная организация, готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы восстать перед опасностью."

Призыв был услышан. Создание самообороны пошло ускоренными темпами. Во главе этого процесса стояли сионисты и партии, примыкавшие к сионистам, — сионисты-социалисты и Поалей Цион. Начали создаваться организации самообороны. С большим трудом добывалось оружие. Действовать приходилось в необыкновенно сложных условиях. Царское правительство в лице министра внутренних дел Плеве решительно выступило против организации еврейской самообороны. Уже в конце апреля 1903 года Плеве разослал губернаторам циркуляр, в котором было сказано: "Никакие кружки самообороны быть не должны." После этого начались аресты участников самообороны с конфискацией с трудом добытого оружия.

И все-таки самооборона существовала, что и показал следующий еврейский погром, вспыхнувший в сентябре 1903 года в Гомеле. Поводом к погрому послужила базарная драка между евреями и крестьянами, во время которой один из крестьян был убит. Первыми против евреев выступили железнодорожные рабочие, к которым примкнули толпы каменщиков и босяков, возглавляемые, в частности, и несколькими студентами. На Конной площади громил встретили отряды еврейской самообороны — несколько сот человек, вооруженные револьверами и холодным оружием. Большинство отрядов самообо-

роны были организованы партией Поалей Цион. Во главе гомельских отрядов самообороны стоял И.Ханкин. По свидетельствам очевидцев, самообороне удалось бы с самого начала подавить погром, если бы на площадь не прибыли войска, которые тут же открыли огонь по силам самообороны. Сразу трое еврейских защитников были убиты и несколько человек ранено. Погром мог продолжаться только под прикрытием солдат, которые пулями и штыками отгоняли бойцов самообороны. Но там, где они прорывались сквозь солдатские цепи, они рассеивали погромщиков, нанося им потери.

Результаты погрома были далеки от кишиневских: 12 убитых и тяжело раненных евреев, 8 убитых и тяжело раненных христиан. Арестовано было куда больше евреев, чем нападавших на них русских, причем царское правительство на процессе о гомельском погроме пыталось представить дело так, будто бы евреи хотели устроить русский погром. Однако благодаря талантливым представителям защиты (на процессе был представлен весь цвет еврейской адвокатуры) из этого навета ничего не вышло. Нужно отметить, что гомельский погром надолго остался в памяти погромщиков. Вместо привычного избиения беззащитных людей, погромщиков ждал тяжелый бой, и только благодаря активной поддержке толпы войсками громилы не были сразу же разогнаны. В тогдашних газетах приводились следующие разговоры погромщиков: "Бывало, побьешь жидка или плюнешь ему в рожу — он ничего, отойдет, а сейчас смотрю, как они всякими машинками американскими бьют, только их немного заденешь." Не случайно даже в страшном для евреев 1905 году в Гомеле не было ни одного погрома, и только в январе 1906 года город был сожжен и разгромлен, но в этом погроме основную роль сыграли казачьи войска.

Перед тем как закончить рассказ о Гомеле, хотелось бы сказать, что наиболее активные еврейские бойцы во главе с И.Ханкиным уехали в Палестину и там создали первые военнизированные организации — Бар-Гиора и Ха-Шомер, взявшие на себя защиту евреев от банд арабских террористов.

Гомельский погром в еще большей степени, чем кишиневский, способствовал организации самообороны. Мужество, проявленное гомельскими бойцами, зажгло десятки тысяч людей.

В Киеве в отряды самообороны вступило 1,5 тысячи человек, в Одессе — несколько тысяч. Из-за нехватки оружия и боеприпасов всех желающих нельзя было использовать, но в этом не было и необходимости. При условии, что полиция и войска сохраняли нейтралитет, вполне достаточно было нескольких сот человек в большом городе и нескольких десятков в маленьком, чтобы подавить погром в зародыше. Но для схватки с армией и полицией сил самообороны было явно недостаточно.

Вообще при любом отпоре погромщики вели себя, как правило, очень трусливо. Вероятно, эти же люди в дальнейшем на фронтах первой мировой войны вели себя мужественно, но погромы воспринимались ими как праздник (не случайно было столько погромов во время христианской пасхи), во время которого можно удовлетворить свои агрессивные инстинкты, не рискуя жизнью. В то же время для евреев — членов самообороны — эта борьба являлась настоящим подъемом национального духа, а очень часто — и единственной надеждой защитить своих близких от избиения и поругания. Интересно, что в некоторых случаях регулярные войска предпочитали не иметь дела с силами еврейской самообороны и обрушивали свою ярость на кварталы, в которых самооборона была менее эффективной. Так было, в частности, в Белостоке, но об этом ниже.

Надо сказать, что необходимость создания самообороны после Кишинева стала понятной почти всем евреям, но инициаторами в этом деле выступили сионисты. Именно сионисты создали первые отряды самообороны, которые смогли в Екатеринославе в 1902 году и в Дубоссарах в 1903 году подавить в зародыше попытки погромов. Все писатели, кроме Дубнова, подписавшие вышеупомянутое воззвание, были сионистами. Именно сионисты на практике стали претворять в жизнь идею самообороны, апеллируя к национальным чувствам евреев, как сионистов, так и несионистов. Сионисты практически без помощи других еврейских кружков смогли создать организации самообороны в таких крупных центрах как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов, Елисаветград, Николаев, Минск, Варшава. В Киеве, Одессе, Варшаве были предприняты попытки организации обороны целого округа. Существовала даже идея создания единой всероссийской организации еврейской

самообороны. Но из-за активного противодействия полиции эта идея не была осуществлена.

До кишиневского погрома отношение Бунда, крупнейшей партии еврейских рабочих, к идее создания еврейской самообороны было резко отрицательным. Бунд считал своей основной целью борьбу с самим самодержавием, допуская еврейские погромы. Организация же еврейских отрядов самообороны была, с точки зрения Бунда, мелкобуржуазной затеей, способной привести к затуманиванию классового сознания и ослаблению классовой борьбы. Но после кишиневского погрома Бунд отказался от этой позиции и создал группы самообороны из членов своей партии, под своим партийным флагом. При этом к совместным действиям с отрядами, даже состоявшими из представителей левых рабочих сионистских партий, таких как Поалей Цион, бундовцы явно не стремились. А во время революции 1905 года очень часто вместо борьбы с погромщиками бундовцы открывали огонь по сионистам.

Изменилось отношение к борьбе с погромами и со стороны еврейской буржуазии. Если до кишиневского погрома буржуазия и слышать не хотела о пожертвовании каких-либо денежных средств на самооборону, надеясь, с одной стороны, на защиту войск и полиции и опасаясь, с другой, что эти деньги попадут в руки революционеров, то с 1905 года буржуазия начала активно участвовать в создании сил самообороны и жертвовала на них большие средства.

Следующая волна погромов прокатилась в августе-сентябре 1904 года в небольших городах Украины и Белоруссии. На этот раз погромы устраивали мобилизованные на русско-японскую войну, которые по дороге на фронт, где их ждал "враг внешний", начали громить "врагов внутренних" — евреев. Наиболее страшным оказался погром 6—7 сентября в г. Александровске Херсонской губернии. Пьяная толпа во время праздника Йом-Кипур ворвалась в синагогу, в которой было очень много народу, и зверски избила 20 человек. Некоторые из них, в том числе несколько гимназистов и студентов, вскоре умерли от ран. Самообороны при этих погромах не было.

Однако самые страшные погромы были еще впереди. Они обрушились на русское еврейство во время первой русской ре-

волюции. Царские власти явно намеревались утопить русскую революцию в еврейской крови, направив весь гнев русского народа не против действительных виновников его тяжелого положения, а против евреев. Это оказалось довольно просто сделать, так как антисемитская истерия широких слоев русского населения приняла к этому моменту гигантские размеры.

Первые попытки погромов в годы революции были предприняты 18 и 19 апреля в Мелитополе, а 22 апреля — в Симферополе. Эти попытки закончились полным провалом. Еврейская самооборона (причем в Мелитополе ей пришла на помощь и образованная русская молодежь) разогнала погромщиков. Власти поняли, что без помощи войск подавить самооборону им не удастся. Урок был усвоен, и во время следующего погрома в Житомире войска с оружием в руках выступили против самообороны. Погром длился четыре дня. Поводом к нему послужил распущенный властями слух о том, что евреи упражнялись за городом в стрельбе, используя в качестве мишени портрет царя. Группы самообороны действовали с отчаянным героизмом, проявляя чудеса храбрости, прорываясь сквозь солдатские цепи и разгоняя погромщиков. Но войска все время вели по храбрецам огонь, и подавить погром самооборона не смогла. Большинство еврейских домов было разрушено, 100 человек ранено, 15 членов отряда самообороны убито. В их числе — русский студент эсер Блинов, присоединившийся к еврейской самообороне. Он был буквально растерзан погромщиками и солдатами, кричавшими: "Хоть ты и русский, но хуже жидов..."

Страшная трагедия разыгралась в местечке Троянове под Житомиром. Здесь толпа в несколько сот человек напала на группу из 14 плохо вооруженных еврейских юношей, направлявшихся из города Чудного в Житомир на помощь своим братьям. Из 14 человек 10 были зверски убиты.

В 1908 году еврейская самооборона была организована по всей черте оседлости. Она представляла из себя внушительную силу, и ей удалось предотвратить погромы, которые царские власти и черносотенцы собирались устроить по всей черте оседлости в ответ на первомайские демонстрации. Однако силу еврейской самообороны ослабляло то, что бундовцы, кото-

рые создали многочисленные отряды самообороны, отказались действовать совместно с отрядами, созданными сионистами. Из-за этого в Минске распался объединенный комитет самообороны, куда входили отряды Бунда, РСДРП, социалистов-революционеров и Поалей Цион. Этот комитет распался после того как бундовцы заявили, что не считают для себя возможным совместные выступления с сионистами. Например, в Пинске бундовцы срывали листовки сионистов-социалистов к 1 мая. В Ченстохове был убит бундовцами сионист-социалист Буссель, в Тамашове бундовцы стреляли в окна квартиры, где проходило собрание сионистов-социалистов. Драки между рабочими-бундовцами и рабочими-сионистами происходили очень часто, причем бывали раненые с той и другой стороны. Даже советский историк 20-х годов Н.Бухбиндер, относившийся к сионистам резко отрицательно, осуждает такую позицию Бунда. Он пишет: "Непримиримой была позиция Бунда в отношении сионистско-социалистического лагеря. Это не вязалось с общей политической позицией Бунда. К 1908 году эти группы участвовали в революционной борьбе и по своей политической позиции были во всяком случае не хуже ППС*, а их ставили правее кадетов... Вместо дальнейшего вовлечения их в общую революционную борьбу, (Бунд) своей тактикой политической изоляции лишь спланивал эти элементы, задерживая процесс дальнейшего расслоения."

Летом 1905 года произошли два крупных еврейских погрома. 30 июня начался первый погром в Белостоке, после того как солдаты неожиданно открыли огонь по толпе мирных евреев, и 50 человек было убито. Через месяц в ответ на мирную политическую демонстрацию, в которой участвовала еврейская молодежь, вспыхнул погром в Керчи. Вооруженная еврейская самооборона, пытавшаяся подавить погром, была расстреляна солдатами, убившими сразу около 10 человек.

Но настоящая буря разразилась над русским еврейством после манифеста 17 октября о даровании населению основных политических свобод. Погромы прошли сразу в 660 городах и местечках, 24 из них произошли за пределами черты оседлос-

* ППС — Польская партия социалистов.

ти (правда, ряд погромов вне черты оседлости, в Твери и Томске, не был направлен против евреев). Во время погромов было убито 1000 человек и многие десятки тысяч ранены и искалечены. Тысячи женщин были изнасилованы, очень часто на глазах матерей и детей. Наиболее кровавый характер погромы носили в Одессе, Киеве, Кишиневе, Кременчуге, Николаеве.

Сценарий погромов был довольно прост. В честь манифеста прогрессивная часть общества устроила на улицах шествия, часто с красными флагами. Среди манифестантов было очень много евреев. Неожиданно им навстречу направлялись группы черносотенцев, среди которых было много переодетых полицейских. "Патриоты" кричали: "Ура, бей жидов, жиды против нашего царя, чтобы на его место жида посадить!" Черносотенцы бросались на демонстрантов, а потом начинался еврейский погром. На улицах всегда было много солдат, казаков и полиции, которые охраняли погромщиков от сопротивления еврейской самообороны.

Вне всякого сомнения, царские власти сыграли большую роль в организации еврейских погромов. В департаменте полиции работала настоящая типография под руководством ротмистра Комиссарова, которая забрасывала всю страну сотнями тысяч погромных прокламаций. Комиссаров прямо говорил: "Погром устроить можно какой угодно. Хотите на 10 человек, хотите на 10 тысяч." В речи в Государственной думе бывшего товарища министра внутренних дел и бывшего бессарабского губернатора князя С.Д. Урусова был вскрыт весь механизм организации погромов: "Помощник полицмейстера знал об этих возваниях, но не докладывал своему начальнику полицмейстеру. Приставу первого участка это доверие было оказано, но пристав второго участка этого доверия был лишен. У кого-нибудь из служащих жандармского отделения вдруг появлялись какие-то особые суммы, к нему начинали ходить какие-то неизвестные люди (черносотенцы), в городе начинали ходить тревожные слухи, жители начинали разъезжаться. Губернатор их успокаивал, но сам был не всегда уверен в том, что спокойствие будет охранено."

Однако несомненно, что департамент полиции не был таким хорошо работающим учреждением, чтобы организовать в одну

и ту же неделю погромы в 660 местах. Нужно иметь в виду, что председатель совета министров С.Ю.Витте и министр внутренних дел П.Н.Дурново были решительными противниками погромов и вообще сторонниками постепенной отмены ограничительных законов против евреев, как явствует из речи князя Урусова, да и вообще из всех свидетельств о погромах. Полицейские руководители и представители власти на местах были разные. Наряду с отъявленными погромщиками, были и другие, настроенные против погромов. Вообще распоряжения о погромах часто отдавались в обход высших эшелонов власти представителями придворной камарильи. Во главе нее стоял Ф.Ф.Трепов. По словам Урусова, "никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной Думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам лица или темные силы, стоящие за недостижимой оградой, будут иметь возможность хвататься грязными руками за отдельные части государственного механизма, изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производить какие-то политические вивисекции...".

Итак, в отношении погромов мнения администрации, как ее верхних, так и низовых звеньев, разделились: одни — *за*, другие — *против*, одни организовывали погромы, другие им мешали. При таких обстоятельствах можно было устроить погром только при том условии, что подавляющая масса нееврейского населения рвалась участвовать в погроме, избивать евреев. Там, где к этому времени еще не разгорелась ненависть к евреям, погромов не было. Например, на территории Польши не было в те годы ни одного погрома. Погромы в Белостоке не в счет, так как там в них участвовало не гражданское население, а армия. Поэтому несомненно, что без провокации властей погромы все равно имели бы место, пусть и не в таких масштабах.

Как это ни парадоксально, но по этим фактам можно заключить, что из всех свобод, дарованных русскому народу, он реализовал только одну, о которой не было ни слова в манифесте — свободу беспрепятственно резать и грабить евреев. Ответственность за страшные погромы 1905 года легла не только и не столько на администрацию, сколько на русское и украинское население черты оседлости. Армия громил в основ-

ном состояла из неквалифицированных рабочих, крестьян, босняков, подростков, но иногда в ее рядах были и люди образованные. В основном же представители русской интеллигенции вели себя пассивно, хотя в отдельных случаях они организовывали собственные дружины самообороны и стремились вместе с евреями подавить погром. Наибольшее зло, которое причинили царские власти, заключалось не в организации погромов, а в охране и защите погромщиков. Без сомнения, в большинстве случаев еврейская самооборона подавила бы погромщиков, но против регулярных войск и казачьих частей ее отряды были бессильны.

Рассмотрим ряд крупнейших погромов первой недели "русской свободы". Самым страшным был одесский погром. Примерно 300 человек убито, тысячи ранено. Погром начался сразу же 18 октября, когда публика прогрессивных взглядов, в основном состоявшая из евреев, праздновала победу над реакцией. Корреспондент консервативных "Русских ведомостей", очевидец событий, так описывал начало погрома: "Толпы хулиганов разошлись по улицам, где последовательно все опустошали, наполняя карманы и подолаы платьев награбленным добром и ломая все, чего нельзя взять с собой. Все живое, встречаемое на пути, предавалось смерти или изувеченью. Но лишь только группа самообороны начала стрелять, казаки открыли по ним стрельбу."

В Одессе были организованы еврейская самооборона и студенческая милиция, состоявшая из евреев и христиан. По свидетельству очевидцев, в первый же день погрома самооборона и милиция справились с погромщиками. Свидетель погрома, депутат 1-й Государственной думы от Одессы кадет Щепкин, говорил в Думе: "Из одесского погрома я могу привести пример, что в первые дни погрома, покуда войска не стреляли в дома, еврейская самооборона справлялась с погромщиками и вместе со студенческой милицией приостановила на целом ряде улиц погром. Только на второй и третий день погрома, когда дано было распоряжение стрелять в революционеров, то есть во всех тех, кто смел с оружием в руках обороняться, только тогда оборона и милиция должны были очистить поле действия." Корреспондент "Русских ведомостей" дополняет картину: "Целый день продолжалась по городу стрельба. Са-

мооборона преследовала хулиганов, где они появлялись. Хулиганы вооруженно отвечали на выстрелы самообороны. Студенты ловят хулиганов, арестовывают и отправляют в университет, куда доставлено свыше 200 хулиганов.” Даже действий войск и казаков в защиту погромщиков оказалось недостаточно, и власти не остановились перед тем, чтобы пустить в ход... артиллерию. Только после этого погромщики могли действовать без существенных помех.

Зверства одесского погрома напоминают ужасы нацизма: ”... в еврейских больницах лежат раненые с отрезанными частями тела. В одной синагоге на Пересыпи хулиганы распорол живот сыну служки и заставили отца облачиться в религиозные одежды и прочитать над ним молитву. Одного юношу солдаты схватили и приказали ему поднять руки и стоять прямо. Когда он это исполнил, взвод стал целиться. Проходивший мимо молодой офицер помешал расправе, но юноша в минуту пошедел. На Молдаванке хулиганы убили отца и мать на глазах единственного сына 10 лет. Мальчик сошел с ума. Попытки спастись бегством заканчивались провалом. Уезды под Одессой охвачены погромом. В поездах ехать более чем небезопасно. В одном из поездов, приехавших в Одессу, нашли 10 убитых евреев и около 20 раненых. Избивали как пассажиры, так и железнодорожники.” Попытки спастись морем часто заканчивались еще хуже: ”По известиям Фассовой газеты из Бухареста на пароходе, вышедшем из Одессы с пассажирами, бежавшими от погрома, матросы возмутились и потребовали денег от несчастных беглецов. Богатые откупились, а те, у кого денег не было, выбрасывались в море.”

Другим крупным городом юга России, в котором произошел погром, был Киев. С одной стороны, Киев был центром черносотенцев, в котором издавалась самая погромная газета тогдашней России — ”Киевлянин”, а киевская городская дума была очень реакционно настроена. С другой стороны, многотысячное еврейское население Киева организовало мощную самооборону. Депутат от Киева в 1-й Государственной думе барон Ф.Р.Штенгель говорил о начале погрома: ”В Киеве же толчком к погрому послужило обвинение евреев в том, что они будто разорвали царский портрет, и на следующий день распространилось известие: избили монахов.” Погром начался

18 октября. Местные власти в основном были на стороне погромщиков. Полицмейстер Цеховский приветствовал "патриотическую" демонстрацию и кричал: "Бейте жидов, грабьте их." Слова эти были покрыты криком "ура", и толпа стала качать Цеховского... Генерал Бессонов, начальник одного из отделов охраны, куда входили Подол и Старый Киевский Участок, говорил громилам: "Громить можно, но грабить не следует." Войска охраняли погромщиков, казаки прямо говорили: "Мы едем по улицам затем, чтобы никто не стрелял в погромщиков из окон и балконов." Но и в таких тяжелых условиях самооборона дала погромщикам упорный бой. В еврейской самообороне участвовали как бедные, так и богатые евреи. В газетной телеграмме из Киева говорилось: "В Липках один из сыновей А.Бродского, студент, выскочил на улицу, стрелял из ружья и убил погромщика. В усадьбе барона Гинцбурга также стреляли из револьверов. А.Бродский и два его сына арестованы. В доме найдено оружие: револьверы, патроны, ружья." Об эффективности самообороны в Киеве говорит тот факт, что из 70 человек убитых и умерших от ран половину составляли сами погромщики. Но справиться с погромом, когда погромщиков поддерживали войска, еврейская самооборона не могла, и огромное количество еврейских квартир было разграблено.

Далеко не во всех местах еврейская самооборона действовала настолько эффективно. В Ростове, Стародубе и ряде других мест самооборона оказалась бессильна перед погромщиками, но всегда еврейские бойцы дрались героически и сопротивлялись погромщикам, которых поддерживали войска и полиция. Сопrotивление громилам оказывали и люди, очень далекие от еврейской самообороны. В сообщении одной русской газеты о погроме в Саратове, городе вне черты оседлости, говорилось: "... а в шесть часов запылало деревянное здание синагоги, и смертельно ранен раввин, пытавшийся, как говорят, отстреливаться от дикой орды."

Интересно, что громили очень боялись бойцов самообороны, и в тех редких случаях, когда на стороне погромщиков не было поддержки войск и полиции, порядок наводился быстро. Например, так произошло в Витебске, где была очень сильная еврейская самооборона и где бывали неоднократные вооружен-

ные стычки между еврейскими дружинниками и солдатами. День 18 октября начался в Витебске точно так же, как и по всей черте оседлости. Солдаты расстреляли еврейскую демонстрацию, радостно приветствовавшую манифест. Но затем события начали развиваться не по знакомому нам сценарию: "Спустя два часа после того, как манифест был распространен по городу, депутаты от гласных (городской думы), от коалиционного комитета всех действующих в городе партий были у губернатора. Охрана города была поручена дружинникам самообороны. Патрули сняты, городские уборы. Несмотря на это, порядок нигде не нарушался, исключая одиночных попыток хулиганов на базарах, но дружинники являлись на места погрома, и хулиганы разбегались от одного их появления".

Без сомнения, прокатившаяся по черте оседлости страшная волна погромов, в которых принимали участие не только массы местного населения, но также войска и полиция, ошеломила евреев, и в таких условиях предотвратить погромы еврейская самооборона не могла. Но вооруженные дубинками, а в лучшем случае охотничьими ружьями, еврейские бойцы оказывали героическое сопротивление, несмотря на то, что, как писали даже правые русские газеты, "малейшие попытки самозащиты терроризировались беспощадными расстрелами, так что самозащита сводилась к самоубийству". Бойцы самообороны сделали все, что смогли, и даже больше.

Последний погром, который мы здесь рассмотрим, это — июньский погром в Белостоке в 1906 году. Поводом к погрому послужило убийство неизвестными лицами полицмейстера Деркачева, благожелательно настроенного к евреям. Погром начался 1 июня, когда во время церковной процессии был сделан провокационный выстрел, в котором тут же обвинили евреев. Поскольку погром вспыхнул одновременно по всему городу, а солдатам за несколько дней до этого был точно известен день начала погрома, то факт провокации был несомненен. На этот раз погром был чисто военный. Солдаты превратились в погромщиков. Все свидетели погрома в Белостоке отмечали, что отношения между христианами и евреями были хорошими, поэтому пришлось прибегнуть к армии. Один из членов думской комиссии, командированный в Белосток, чтобы выяснить, что же произошло на самом деле, прямо зая-

вил: "На тех улицах, где войск и полиции не было, не было и погрома." Из 82 убитых евреев большинство было убито штыками или выстрелами из винтовок.

Вот несколько картин белостокских ужасов из доклада члена думской комиссии Арканзасцева: "В пятницу на квартиру Лейба Гинзбурга, живущего на Нагорной улице, явился околоточный 4-го участка Байбик с солдатами и приказал солдатам стрелять в находившихся там евреев. Солдат выстрелил и убил жену Гинзбурга Хану и ранил сестру Ханы Рахель. Этого мало. Хотя старик Гинзбург упал на колени и говорил: Разве тебе мало тех, кого ты убил? Довольно! — тем не менее Байбик вывел из квартиры Гинзбурга дочь с ребенком на руках и приказал стрелять. Промахнулся воин — убил ребенка, а не мать." "Вдруг близ дома Каца был произведен выстрел. Солдаты бросились к дому Каца и стали его обстреливать по всем правилам военного искусства. Они потребовали, чтобы революционеры оттуда выходили, они не решались выходить, потому что они опасались. Наконец, дом загорелся. Волей-неволей надо было выходить. Вышли женщины, их отвели в одну сторону. Женщины упали на колени, умоляя войска пощадить их и их мужей. Если уж решено убивать, то пусть убивают их, а не мужей, так как иначе погибнет семья, дети. Приказано было выходить мужчинам. И вот первым выходит А.Кац — он убит. Выходит Гробовский с двухлетним ребенком. Какая, однако, наивность. Думал разжалобить ребенком, взяв его на руки. Ребенок не спас своего несчастного отца. Выстрелили — убили отца и ранили ребенка." Страшные сцены избиения происходили и на вокзале под радостные возгласы русской образованной публики.

А самооборона? Она в Белостоке была, но войска предпочитали с ней дела не иметь. Основной центр боевых еврейских отрядов находился на Суражской улице. Арканзасцев рассказывает о попытке погромщиков появиться на этой улице: "Двинулись было хулиганы туда, в это время евреи им преподнесли бомбу. Бомба эта была безвредна. Но хулиганы подались назад и предложили полицейским чинам идти. Те отвечают — нет, спасибо, не пойдем. Пожалуйста, солдаты, но и солдаты отказались идти." Депутат-еврей Якубсон совершенно справедливо бросил в лицо русской Думе: "Я смело

могу сказать, что русско-японская война оказала скверную услугу нашим войскам, она научила их бояться выстрелов. Там, где была возможна стрельба, где ожидалось нападение, там войска и полиция почтительно отступали.” Разгромлены были буржуазные районы, где самооборона была слабее, чем в рабочих районах, в которых действовали отряды Бунда. В буржуазных же районах попытки самообороны были равносильны самоубийству, так как приводили к полному разгрому дома, откуда делался выстрел. Но человеческий героизм проявляется не только в стрельбе. Иногда делать свое дело — тоже подвиг. Из доклада Арканзасцева: ”В субботу 3 июня пекарь Гершель и портной Маркель разносили хлеб евреям, которые скрывались по погребам и голодали третий день. И вот когда они встретились с полицейскими, городской начал стрелять. Причем Гершель был ранен и сейчас находится в больнице, а Маркель был убит наповал.”

Такова вкратце история еврейской самообороны в России, с погромов 80-х годов и до конца первой русской революции.

-----ooOoo-----

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ПОЭТ ЗАЛМАН ШНЕУР

В начале нашего века в среде еврейской интеллигенции России шла самая настоящая языковая война между идишистами и гебраистами. Сторонники идиша, или, как его называли тогда, "жаргона", утверждали, что как язык народа иврит умер давно и навсегда, и возродить его так же невозможно, как реанимировать разложившийся труп. В то же самое время десятки молодых писателей и поэтов уже писали на иврите, самым своим существованием показывая, что язык этот — отнюдь не отжившая латынь или санскрит. На иврите выходили газеты и журналы, играли театральные труппы, его изучали дети в школах.

В ЛЕА №3 читатели уже обратили внимание на замечательное стихотворение Ицхака Каценельсона "Родина", впервые появившееся в переводе на русский в сборнике молодой еврейской поэзии "Еврейская антология" под редакцией В.Ф.Ходасевича и Л.Б.Яффе (издательство "Сафрут", 1918). В настоящем номере мы представляем другого поэта — автора того же сборника Залмана Шнеура — отрывками из его поэмы "Под звуки мандолины" в переводе с иврита В.Ходасевича.

Вот что сообщают о поэте составители сборника.

Залман Шнеур родился в 1887 году в Шклове Могилевской губернии, в хасидской семье. Жажда знаний побудила его покинуть родительский дом. Он направился в Одессу, где в его поэтическом становлении принял большое участие Х.-Н.Бялик. После продолжительного пребывания в Одессе и затем в Вильне, Шнеур отправился за границу, где учился в Берне и в Париже на философском факультете.

Литературная деятельность Шнеура началась в 1900 году. В 1906 году появился сборник его стихотворений на иврите под названием "С закатом солнца". В 1914 году в издательстве "Мория" вышло собрание его сочинений "Песни и поэмы". Шнеур писал также рассказы, напечатанные отдельной книгой под названием "Между жизнью и смертью".

-----ooOOoo-----

Залман ШНЕУР

ПОД ЗВУКИ МАНДОЛИНЫ

(...)³

Авиталь ЭЙЗЕРИ⁴**ЕВРЕЙСКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД****I. Введение**

В последнее время среди еврейской молодежи возобновился старый свадебный обряд, который ошибочно называют *хупой*, по названию одного из элементов, составляющих еврейскую свадьбу. На самом деле свадьба складывается из нескольких частей, каждая из которых восходит к определенному периоду еврейской истории.

Элементы еврейского свадебного обряда формировались в древности параллельно с обрядностью ближайших соседей евреев и, следовательно, имеют много общих черт. Однако уже в библейский период у евреев начала складываться совершенно особая в восточном мире (как, впрочем, в любом раннем обществе вообще) система ценностей. Эти особенности отразились и в еврейском свадебном обряде, который в основном сложился к концу талмудического периода и существует без каких-либо значительных изменений до наших дней. В незначительных деталях обряда имеются вариации между различными общинами.

Не все элементы свадьбы понятны нам сегодня, так как сформировались они в древние времена, и с течением времени значение тех или иных обрядовых действий изменилось или было утрачено. Изменилось также соотношение отдельных частей, составляющих свадебный обряд. Надо отметить, что обряды всех народов всегда консервативны и очень мало поддаются изменению. Поэтому древний свадебный обряд сохранил свою форму, несмотря на изменение содержания и смещение акцентов между его элементами, и почти без изменений существует по сей день в тех странах, где не было перерыва в еврейской культурной традиции.

Историческим источником для исследования еврейской свадьбы является все богатство еврейской литературы. Во всех первоисточниках (книги Библии, Талмуд) так или ина-

че, в прямом или аллегорическом смысле, упоминается о свадебном обряде. Для более раннего времени мы этот материал собираем по крупицам из коротких высказываний, содержащихся в библейских книгах — основном источнике по ранней еврейской истории. Дополнительные данные по этому периоду дает метод сравнительной этнографии. Этот метод может признаваться или считаться спорным. Нам кажется, что в сочетании с косвенными упоминаниями в Библии и аналогичными данными, зафиксированными в следующем историческом периоде, этот метод дает некоторый материал. В новейшее время в Сирии, Палестине и на юге Ливана обнаружены племена арабов, которые говорят на языке, близком к арамейскому, то есть разговорному языку древнего Ближнего Востока. Эти племена почти не подвергались влиянию своих соседей и сохранили очень древние обычаи. Сравнение их свадебного обряда с еврейским весьма интересно. Довольно ранний этап сохранности еврейских обрядов, по сравнению с ашкеназскими евреями, зафиксирован у евреев Йемена, а также у сефардов. Интересный материал для сравнительной этнографии дают письменные законы древних соседей евреев — кодекс Хаммурапи, среднеассирийские законы.

Для послебиблейского периода источником служат апокрифические книги, связанные по тематике с Библией, но не включенные в еврейский библейский канон. Очень ценный материал для этого времени оказался в найденных в начале XX века папирусах Элефантины.

Чем ближе мы подходим к новому времени, тем большее количество источников по еврейской свадьбе доходит до нас. Вопрос о свадьбе тщательно разработан в талмудической литературе (трактат *Кидушин* и др.), церемония бракосочетания подробно описана в *Шульхан Арухе* и *Сиддуре*. Подробное описание современного состояния вопроса можно найти в книге Шаусса *Жизнь еврея*.

II. Свадебный обряд в наши дни

Поскольку не все знакомы с современным свадебным обрядом, дадим его краткое описание.

1. *Место.* Ныне обряд бракосочетания может происходить в любом месте. Во многих общинах, особенно сефардских и восточных, принято совершать его в синагоге. Часто он происходит в том же зале, где затем проходит свадебная трапеза. В некоторых общинах этот обряд совершается под открытым небом.

2. *День.* В средние века существовали дни, желательные для бракосочетания. В некоторых общинах по пятницам выдавали замуж девиц, а по четвергам — вдовиц и разведенных. В других общинах такими днями были соответственно четверг и среда. Были и такие дни, которые считались нежелательными для свадьбы (понедельник). В наши дни для бракосочетания считается подходящим любой день, кроме субботы, праздников, времени между 17-м днем тамуза и 9-м ава, а также периода Омера между Пасхой и Шавуот.

3. *Ойфруфн — вызывание.* В субботу, предшествующую бракосочетанию, и в первую субботу после свадьбы жених вызывается в синагогу для чтения Торы. В эти дни он первый после кохена и леви, кто удостоивается этой чести. В некоторых общинах в это время в него принято бросать конфеты и сласти.

4. *Пост.* Обычно в день свадьбы жених и невеста постятся, если свадьба не происходит в день, когда пост запрещен, например, в день начала месяца по еврейскому календарю.

5. *Одежда.* Нет особых предписаний относительно одежды жениха и невесты. Обычно невеста одевается в белое и покрывает голову фатой. Во многих восточных общинах невеста надевает специальные свадебные одежды с богатой вышивкой и украшениями. В некоторых ашкеназских ортодоксальных конгрегациях жених одевает особое белое одеяние — китл, в других общинах он облачается в таллит.

6. *Необходимые участники церемонии.* Во избежание неправильностей в оформлении брачного документа, которые могут привести к дальнейшим осложнениям, желательно (но не обязательно), чтобы церемонию вел раввин. Обычай предписывает также, чтобы при обряде присутствовал миньян — 10 мужчин.

Во время бракосочетания обязательно присутствие по меньшей мере двух правомочных свидетелей, не являющихся род-

ственниками друг друга или одной из сторон, вступающих в брак. Отсутствие свидетелей лишает акт законной силы.

7. *Ктуба*. Церемония начинается с написания ктубы (брачного контракта). Сейчас форма ктубы является строго стандартной, поэтому брачный контракт приносится уже готовым, а в нем лишь проставляется сумма, которую муж будет обязан выплатить жене в случае расторжения брака. В наше время только ктуба составляет необходимую принадлежность брака, без которой он считается недействительным.

8. *Киньян*. Затем жених особым символическим актом, называемым *киньян* (букв. *приобретение*), берет на себя обязательства, перечисленные в ктубе. Киньян совершается следующим образом: жених берет из рук раввина, совершающего обряд, предмет, имеющий минимальную ценность, обычно носовой платок, поднимает его и возвращает раввину. Затем свидетели, а в некоторых странах жених, подписывают ктубу.

9. *Накрывание невесты*. После этого жених направляется в дом невесты или в комнату, в которой она находится, и опускает фату на ее лицо. При этом раввин и почетные гости произносят слова благословения, данного перед свадьбой Ревекке: "Сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч..." (Быт. 24:60.)

10. *Хупа*. Затем жениха ведут к хупе, представляющей собой балдахин на четырех шестах, который держат гости. Под хупой жених стоит лицом к Иерусалиму, а в Иерусалиме — лицом к Храму. Невесту ведет к хупе процессия женщин с зажженными свечами. Ее обводят вокруг жениха принятое в общине число раз (обычно 7) и ставят справа от жениха.

11. *Биркат эрусин*. Лишь после этого начинается бракосочетание. Раввин или тот, кто ведет обряд, берет в руки бокал с вином и читает слова свадебного благословения — биркат эрусин.

12. *Кидушин*. Жених и невеста отпивают вино из бокала. Затем жених надевает кольцо на указательный палец правой руки невесты и произносит формулу кидушин: "Ты посвящена мне этим кольцом по закону Моисея и Израиля."

13. *Чтение ктубы*. Обычно ктубу читают в арамейском ори-

гинале. В наши дни часто за этим следует чтение на языке той страны, в которой происходит свадьба (в Израиле — на иврите).

14. *Шева брахот*. После этого раввин или почетные гости произносят над бокалом вина 7 свадебных благословений — шева брахот.

15. *Разбивание бокала*. Жених, отпив вина, бросает бокал на землю и разбивает его в память о разрушении Храма (другой вариант — в память о разрушении Иерусалима). Иногда это делается сразу после формулы кидушин.

16. *Ихуд*. Затем новобрачных отводят в отдельное помещение, где они на несколько минут остаются наедине и впервые едят после поста. Этот обычай называется *ихуд* — уединение.

После этого начинается свадебная трапеза.

III. Значение брака для иудаизма

Проблема брака имеет в иудаизме особое значение. Библия рассматривает брак как наиболее желательный статус человека и видит в нем положение, созданное Богом (Быт. 2:22-24). Вопрос о браке подробно разработан мудрецами Талмуда и отражен в традиции. Хотя, как и у всех народов, брак у евреев был фактом экономического характера, очень рано он приобретает и священный смысл. Недаром ему уподоблена связь между Богом и избранным народом (Ис. 61:10, 62:5, Ос. 2). В этом проявилась особенность еврейского благочестия — освящение обыденного, не противопоставление священного и обыденного, а поиски путей к их объединению, когда все элементы жизни становятся культовым действием, составной частью большого культового действия, совершаемого всем еврейским народом.

В отличие от христианского взгляда на семью, по которому безбрачие считается идеальным состоянием человека (I Кор. 7), а семья является уступкой слабой человеческой природе, которая не в силах бороться с грехом, и поэтому выбирается из всех грехов наименьший, — иудаизм определяет безбрачие как противоестественное состояние, жизнь

”без радости, без благословения, без блага” (Иев. 62 б, Кид. 29 б, Быт. 9:7), а семья считается настолько важной, что мужчине разрешается продать свиток Горы, чтобы жениться (Мег. 27 а).

IV. Положение женщины в еврейском обществе

Регламентация свадебного обряда и появление ктубы — письменного документа, предполагающего права женщины наравне с мужчиной и определяющего его обязанности по отношению к ней, — отражает особое положение еврейской женщины, которое наметилось в очень ранний период. Уже в библейский период женщина обладала некоторой личной свободой, имела собственность (Чис.27:8-11), принимала участие в общественной жизни (I Царств 18:6-7). У евреев не было такого разделения полов, которое мы знаем позднее на мусульманском Востоке. Еврейская история знает совершенно уникальный для восточных обществ пример женщины-судьи (Девора). Женщины появлялись в общественных местах во время важных событий (I Царств 18:6-7, Мак. 3:19). У молодых людей было много возможностей встречаться и видеть друг друга. Библия часто рассказывает о знакомствах у колодца, куда девушка вела свое стадо (например, Ревекка). Девушки и юноши вместе работали на полях. Уборка урожая часто сопровождалась песнями и танцами. Но эти встречи редко приводили к свадьбам, так как женитьба не была решением двух свободных личностей, а оформлением экономических отношений между семьями, актом покупки. Несмотря на то, что в большинстве случаев договорными сторонами являлись отцы (или братья, в случае, если отца не было в живых), иногда спрашивали мнение девицы (Быт. 24:5, 24:8). Уже в древности мы находим следы особого отношения к женщине. Во всех странах восточного мира было распространено многоженство. Это имело экономический смысл, так как, приобретая жену, семья мужа получала дополнительного работника. Прав женщина на Востоке имела столько же, сколько рабыня. Своим трудом она не создавала никаких ценностей для себя и в доме мужа не обладала правом собственности.

В Библии тоже упоминается полигамия (Суд. 8:30, III Царств 11:3, II Паралип. 11:21), которая была распространена в высших слоях общества и не имела целью получение экономической выгоды. Несмотря на отсутствие запрета на многоженство, этим правом, видимо, не пользовались: в Библии упоминаются, в основном, моногамные браки. Это позволяет полагать, что моногамия была основной формой брака. Неоднократно встречаемое в книгах пророков метафизическое сравнение отношений Бога и Израиля (или Иерусалима) с отношениями между женихом и невестой или мужем и женой также имеет в виду моногамный брак, ибо только ему может быть уподоблена связь между Богом и единственным избранным народом.

V. Выкуп

Как у большинства народов на ранней стадии социально-экономического развития, брак у древних евреев был экономическим соглашением между двумя родами (большими семьями). При рождении ребенка евреи всегда больше ждали рождения сына и мечтали увидеть "сыновей своих сыновей" и мужское поколение до четвертого колена (например, Пс. 127:3,6; Пр. 17:6). Однако при достижении ребенком брачного возраста гораздо сложнее в те дни было женить сына, чем выдать замуж дочь. Замужество дочери не стоило никаких денег, напротив, отец получал за дочь выкуп, а для женитьбы своего сына он должен был дать выкуп отцу невесты. В Библии при описании акта помолвки несколько раз употребляется слово *мохар*. На первый взгляд, этимология этого слова ясна. Глагол этого корня означает "давать выкуп за невесту", а существительное имеет значение "выкуп". Латинский перевод Библии — Вульгата — дает это слово как "венус" — "выкуп"; это слово в своем латинском звучании перешло в русский перевод Библии, так в русском тексте Библии и в русском переводе ктубы появилось непонятное для русского читателя слово *вено*. Однако в комментарии Раши к тем местам Библии, где встречается это слово, мы найдем лаконичный ответ: "мохар" означает "ктуба". Выкуп приравнен к

брачному контракту. Поэтому пока не будем переводить это слово, а посмотрим, как оно употребляется в Библии.

В рассказе книги Бытия Сихем говорит отцу Дины и ее братьям: "Назначьте самое большое вено (мохар) и дары (матан); я дам, что ни скажете мне: только отдайте мне девицу в жену." (Быт. 34:12.) "Мохар" здесь означает сумму выкупа, который жених должен заплатить отцу невесты. Слово "матан" употребляется в Библии чаще, чем "мохар", и не имеет специфического значения, связанного с помолвкой. Вот два примера: "Подарок тайный потушает гнев, а дар в пазуху — сильную ярость." (Пр. 21:14); "Многие заискивают у знатных; и всякий — друг человеку, делающему подарки." (Пр. 19:6). Здесь в обоих случаях слово "мохар" означает дары, которые жених дает невесте, кроме того, что он платит выкуп ее отцу. Из примера с Сихемом и Диной мы узнаем, что сумма выкупа может колебаться, и отец может назначить необычайно высокую цену, если не желает выдавать свою дочь замуж за данного претендента.

Минимальный размер выкупа определен законом: "Если обольстит кто девицу необрученную и преспит с нею, пусть даст ей вено (мохар) и возьмет ее себе в жену, а если отец не согласится выдать ее за него, пусть заплатит столько серебра, сколько полагается на вено девицам." (Исх. 22:16-17.) Обычно эта сумма составляла 50 шекелей серебра: "Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит ее и ляжет с нею, и застанут их: то лежащий с нею должен дать отцу отроковицы 50 шекелей серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею." (Втор. 22:28-29.)

О реальной стоимости суммы выкупа дают возможность судить следующие примеры: Авраам приобрел поле и пещеру для погребения Сарры за 400 шекелей серебра (Быт. 23); Давид купил у Орны место для строительства жертвенника за 600 шекелей (I Паралип. 21:25). "Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать шекелей серебра, а вола побить камнями." (Исх. 21:32.) Сумма в 500 шекелей была достаточно высока, так как Неемия гордился тем, что он не поступал подобно плохим областеначальникам и не брал ежегодно подати размером в 40 шекелей: "А прежние областене-

начальники, которые были до меня, отягощали народ, и брали с них хлеб и вино, кроме сорока шекелей серебра; даже и слуги их господствовали над народом. Я же не делал так, по страху Божию.” (Неем. 5:15.) Человек, давший обет посвятить себя Господу, платил сумму 50 шекелей или меньше, если это женщина, ребенок или старик. Но для некоторых эта сумма была слишком большой: ”Если же он беден и не в силах отдать по оценке твоей, то пусть представят его священнику, и священник пусть оценит его; соразмерно с состоянием давшего обет, пусть оценит его священник.” (Лев. 27:8.)

Выкуп не всегда был в денежной форме — иногда он платился натурой, иногда службой. Книга Бытия рассказывает, как слуга Авраама сватал Ревекку в жены Исааку и, получив согласие, ”вынул серебряные вещи, и золотые вещи, и одежды, и дал Ревекке; также и брату ее и матери ее дал богатые подарки” (Быт. 24:53), т.е. слуга дал ”матан” Ревекке и ”мохар” ее брату и матери. Он заплатил выкуп драгоценностями и вещами и дал их брату и матери невесты, так как у Ревекки не было отца. Иаков, бедный путешественник, мог заплатить выкуп Лавану только службой и отработал семь лет за одну жену и семь лет — за вторую. Царь Саул не пожелал получить деньги в качестве выкупа за свою дочь. Вместо выкупа Саул потребовал от Давида подвигов в войне против врагов царя, филистимлян: ”И сказал Саул: так скажите Давиду: царь не хочет вена, кроме ста краеобрезаний Филистимских, в отмщение врагам царя.” (I Царств 18:25.) Аналогичный случай описан в рассказе о Халеве: ”И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахсу, дочь мою.” (Иис. Нав. 15:16-17; Суд. 1:12-13 то же.)

Из приведенных примеров следует, что ”мохар” — это выкуп, который жених должен был заплатить отцу невесты. На Древнем Востоке мы находим параллели с этим еврейским обычаем. В первую очередь нас интересуют ближайшие соседи евреев. Текст шумерских законов, написанный основателем III династии Ура (2112—2094 гг. до н.э.), содержит упоминание о неких ”дарах”, которые жених дает отцу невесты и получает их в двойном размере в случае расторжения помолвки: ”12. Если зять вошел в дом тестя своего (с дарами), а тесть отдал дочь другому, пусть тесть вернет дары вдвойне.”

Законы царя Хаммурапи (I пол. II тыс. до н.э.), великого законоучителя древности, жившего в Вавилоне за много веков до Моисея, уже знают выкуп невесты. Среднеассирийские законы также упоминают о каких-то "брачных дарах". Древний обычай давать отцу невесты выкуп до сих пор существует у евреев Йемена и в арабских деревнях, причем для наименования выкупа арабы используют это же слово "мохар".

Первоначально выкуп был стоимостью невесты, и понятно, почему ее платил жених, а чаще отец жениха отцу невесты. В древние времена женившийся человек, как правило, не строил новый дом, а занимал угол в доме отца, хозяйство они вели общее. После свадьбы семья жениха приобретала, а семья невесты теряла человека, который мог выполнять сельскохозяйственные работы, следить за стадом, носить воду и вести домашнее хозяйство. Естественно, что отец жениха выплачивал эквивалент ее стоимости как полезного члена семьи. Однако с течением времени выкуп потерял свое первоначальное значение и все больше становился подарком близким родственникам невесты. Уже в раннебиблейские времена было обычным для хорошего отца отдать весь выкуп или часть своей дочери. Отец, который забирал себе весь выкуп, считался плохим, и дочь его долго помнила, как плохо он обошелся с нею. Такая ситуация описана в рассказе о Лаване и Исааке. Рахиль и Лия говорят Исааку о своем отце: "...есть ли еще нам доля и наследство в доме отца нашего? Не за чужих ли он нас почитает? Ибо он продал нас и съел даже серебро наше." (Быт. 31:14-15.)

Часть выкупа, которую невеста получала от отца, и подарки жениха, были единственными дарами, которые она получала к свадебной церемонии. Иногда богатый отец давал дочери поле или другую земельную собственность, как нам повествует история Иова (42:15) и уже упомянутая история Халева: "И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахсу, дочь свою, в жену. И взял его Гофониил, сын Кеназа, брата Халеева, и отдал он в жену ему Ахсу, дочь свою. Когда надлежало ей идти, ее научили просить у отца ее поле, и она сошла с осла. Халев сказал ей: что тебе? Она сказала: дай мне благословение; ты дал мне землю полуденную, дай мне и источники вод. И дал он ей источни-

ки верхние и источники нижние.” (Иис. Нав. 15:16-19; Суд. 1:12-15 то же.) Известно также о девушках-рабынях, которых дочь получала от отца в собственное владение (Ревекка увезла с собою служанку).

Итак, на первой стадии эволюции произошла трансформация мохара из выплаты стоимости женщины — в подарок отцу невесты, а затем в собственность самой невесты.

VI. Помолвка

Сейчас существует только одна церемония, связанная с женитьбой, — свадьба. До момента бракосочетания жених и невеста могут переменить свое решение. Однако до периода позднего средневековья женитьба состояла из двух церемоний, которые отмечались двумя различными торжественными актами и интервалом между ними.

Первым актом была помолвка, за ней, по меньшей мере через месяц (а иногда этот период затягивался и на несколько лет), происходила свадьба. Во время помолвки женщина была официально обручена, хотя все еще оставалась в доме отца. Женщина, вторично выходящая замуж, не могла официально принадлежать другому мужчине, пока не была официально разведена.

Разделение женитьбы на два отдельных события происходит с очень древних времен, когда женитьба была актом покупки. Процесс покупки любого имущества состоял из двух этапов. Сначала выплачивалась стоимость и достигалось соглашение об условиях продажи. Через некоторое время покупатель вступал во владение предметом. Эта же процедура сохранилась и в женитьбе. Сначала платили выкуп, и достигалось соглашение между семьями жениха и невесты. После помолвки происходила свадьба, когда невесту приводили в дом жениха, и он вступал во владение ею.

Свадьба означала только то, что помолвленная женщина в сопровождении красочной процессии переходила из дома отца в дом жениха, и официальная связь с родителями завершалась. Поэтому естественно, что в те дни помолвка была более важным событием и сохраняла свое значение, пока брак

был основан на покупке. Но с течением времени еврейские женщины становились все более равноправными как индивидуумы, брак приобретал все большее моральное значение, и тогда акценты переместились: свадьба стала иметь большее значение, чем помолвка. Наконец, в средние века помолвка была полностью поглощена свадьбой и стала идентична ей.

У нас нет никакой информации о процедуре празднования помолвки в библейский период. Из некоторых мест Библии мы узнаем, что, кроме уплаты выкупа, между женихом и невестой заключалось торжественное соглашение (в аллегорическом смысле): "...и поклялся тебе и вступил в союз с тобою... и ты стала Моею." (Иез. 16:8.) Мы знаем, что в послебиблейские времена это соглашение выражалось определенной формулой примерно такого содержания: "Я пришел в твой дом, чтобы ты отдал мне дочь свою в жены. Она моя жена, а я ее муж отныне и навеки." (см. Элефантинские папирусы.) В Библии имеются некоторые намеки на наличие формулы помолвки: "Вот Ревекка перед тобою; возьми и пойд; пусть будет она женою сыну гоподина твоего, как сказал Господь." (Быт. 24:51); "Не бойся — она твоя. Он вложил ее правую руку в его правую руку и сказал благословение." (Товит 7:15.) Формула, обычная для развода, отражена в Ос. 2:2: "Она мне не жена, а я ей не муж." Эти намеки в совокупности с известной формулой помолвки в более поздние времена позволяют думать, что она существовала и в библейские времена, но не отражена в источниках.

У йеменских евреев существует обычай, по которому обрученные пары не имеют права видеться с момента помолвки, даже если жених и невеста были родственниками, жили рядом и вместе играли с детства. Очевидно, этот обычай имеет очень древние корни. Он отражен в библейском рассказе о Ревекке. Когда она с рабом Авраама подъезжала на верблюде к дому Авраама и увидела в поле Исаака, она закрыла свое лицо (Быт. 24:65). Видимо, она сделала это, так как была только помолвлена с ним, и он не должен был видеть ее лица.

VII. Ктуба

В начале этого века был обнаружен древнейший свадебный контракт в еврейской истории. Запись относится ко времени возвращения из вавилонского пленения и очень важна для нас, так как дает нам реальные имена и факты и воссоздает живую картину еврейской свадьбы того времени. Свадьба эта происходила не в Палестине и не в Вавилоне, а среди евреев Элефантины во времена персидского господства. Папирус написан на арамейском языке — универсальном языке Персидской империи. Евреи Элефантины были профессиональными солдатами, защищавшими южную границу Египта. Эта профессия передавалась по наследству от отца к сыну. Евреи были частью персидской военной организации, которая называлась "еврейской армией" и имела свои подразделения, каждое из которых хранило свой флаг. Но, с другой стороны, евреи были колонистами, то есть, несмотря на то, что они служили в профессиональной армии, они имели семьи, обладали собственностью и даже пользовались некоторой автономией: имели свою общину, еврейский суд, храм, в котором они молились Богу Израиля.

Большинство документов, найденных в Элефантине, принадлежат семье преуспевавшего воина. Его дочь по имени Мивтахия вышла замуж и получила большое приданое от отца. Ее первый муж умер, и она выходила второй раз замуж за египтянина по имени Аз-Хор, который назван в документе "архитектором царя". Очевидно, он принял иудаизм, так как в документах Аз-Хор носит еврейское имя Натан, и его сыновья имеют еврейские имена. Следовательно, свадьба происходила по еврейскому обычаю. До нас дошел брачный контракт Мивтахии и Аз-Хора. Он начинается с формулы: "Я пришел в дом твой, чтобы ты дал свою дочь, Мивтахию, мне в жены. Я ее муж, а она моя жена отныне и навеки." Потом очень подробно излагаются условия контракта. Аз-Хор платил отцу Мивтахии сумму в 5 шекелей деньгами. Кроме того, он делал подарки на сумму 65,5 шекелей. Из этого мы заключаем, что обязательный выкуп (5 шекелей) стал чисто символической платой, обычаем, сохранившимся с древних времен. Из подарков (65,5) 12 шекелей жених дарил деньгами, а остальное —

вещами, и к документу приложен полный список этих предметов с указанием их цены, качества, размеров и внешнего вида. Все эти вещи отец передавал в пользование дочери. По контракту Мивтахия имела равные права с мужем: она имела свою собственность и даже могла стать инициатором развода. Не исключено, что это соответствовало не еврейскому, а местному (персидскому или египетскому) обычаю. В конце брачного контракта стояли имя писца и имена трех свидетелей.

Как мы видим, первый свадебный контракт, или ктуба, как он назывался по-арамейски с времен Второго Храма, по форме и по содержанию напоминает современные брачные документы. Трудно сказать, когда письменная ктуба стала установившимся обычаем среди евреев. Документы Элефантинских папирусов датируются примерно V в. до н.э. В Библии нет упоминания о ктубе, а для описания свадьбы используются только два слова: мохар и матан. Однако во Второзаконии (24:1-3) есть упоминание о разводном документе: "Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей *разводное письмо*, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего..." и т.д. Если в то время существовал письменный развод, то есть основания предположить, что был и письменный брачный контракт. Реально же письменные брачные контракты появились в Иудее в годы, предшествующие первому разрушению Иерусалима.

Существует теория, по которой считается, что письменные контракты были заимствованы евреями в ассиро-вавилонский период под вавилонским влиянием. В Вавилоне были найдены таблички с различными контрактами (ср. образец купчей: Иер. 32:12). Свадебные контракты упомянуты также в кодексе законов Хаммурапи. Но нам кажется, что здесь вообще не следует искать заимствований и чужих влияний, поскольку договорная форма взаимоотношений сторон весьма соответствует духу еврейского мировоззрения. Даже договор между Богом и человеком был заключен в виде завета и записан. В Библии есть упоминание о купчих документах, о письменном разводе. Видимо, закономерным было и появление письменного брачного

контракта, что соответствовало особому отношению к женщине у евреев.

В этот период изменилось значение выкупа. В Элефантинском документе мы застаем следующую степень эволюции. Первоначально мохар был выкупом за невесту, который выплачивался ее отцу семьей будущего мужа. Со временем он потерял свое первоначальное значение и превратился в подарок близким родственникам жены. Часто отец возвращал этот подарок дочери и иногда делал ей дополнительные подарки. Отец невесты становился доверенным лицом, опекуном имущества своей дочери, т.е. он получал выкуп от жениха и передавал его своей дочери. Затем эта роль стала не нужна. Муж сам становился попечителем этих денег, сам приобретал на них домашнюю утварь и драгоценности. Эта собственность принадлежала жене. Но, воздавая дань древней традиции, муж платил чисто символический, минимальный выкуп ее отцу. Деньги, которые Аз-Хор давал Мивтахии, полностью шли на одежду и утварь, а отец получал в качестве выкупа сумму 5 шекелей.

Последний этап эволюции мохара зафиксировала реформа, проведенная Шимоном бен Шетахом, главой фарисеев во времена Саломеи Александры (76—67 гг. до н.э.). Реформа гласила, что выкуп, который обычно был равен 200 серебряным динариям, если замуж выходила девушка, и 100 динариям, если замуж выходила вдова или разведенная женщина, должен быть просто записан в ктубу, как залог жены в имуществе мужа. Эта сумма выплачивалась только в случае развода или смерти мужа.

Итак, выкуп из эквивалента стоимости невесты превратился в залог, который выплачивался женщине мужем в случае развода или его наследниками в случае его смерти. Это связано прежде всего с изменением экономических условий жизни. В древности все заключали брак, и, несмотря на традицию платить выкуп, не известно случаев, когда брак не состоялся по той причине, что у жениха не было денег на выкуп невесты. В те дни женщина играла большую роль в хозяйстве. С течением времени сельское хозяйство перестало быть главным занятием евреев, уменьшилась роль женщины в хозяйстве. Семья жениха не хотела и не могла выплачивать компенсацию

отцу невесты, так как не приобретала уже дополнительного работника для ведения хозяйства. Многие мужчины не решились брать на себя ответственность, связанную с браком, и предпочитали оставаться холостяками. В этих условиях отцы уже не могли получать материальных выгод от дочерей. Напротив, они стали давать им богатое приданое. Но традиция выкупа сохранилась, приспособившись к новым условиям. Реформа Шимона бен Шетаха имела две цели: сделать свадьбу проще, а развод сложнее — то есть облегчила положение еврейских женщин.

Мы проследили весь путь трансформации мохара в залог, сумма которого проставляется в брачном контракте, ктубе. Теперь понятно, почему комментарий Раши объясняет слово *мохар*, которое встречается в Библии, словом *ктуба*. Он указывает, что брачный договор является конечным результатом трансформации древнего выкупа.

VIII. Надевание кольца

Сейчас центральным моментом свадьбы является надевание кольца женихом на палец невесты, которое сопровождается формулой кидушин. Попробуем проследить происхождение этого обряда.

По талмудическому канону свадьба состоит из двух частей: кидушин и нисуин. Обе части вошли в современный свадебный обряд под этими же названиями. По Талмуду, кидушин не означает изменения личного положения жениха и невесты, для этого требуется акт нисуин. Однако после акта кидушин стороны перестают пребывать в холостом состоянии. Талмудическое законодательство устанавливает три способа осуществления акта кидушин: деньги, контракт, сожительство. Первый способ состоит в том, что жених в присутствии двух правомочных свидетелей вручает невесте деньги или их эквивалент и произносит формулу кидушин: "Этим ты посвящаешься мне по закону Моисея и Израиля." По второму способу жених в присутствии двух свидетелей вручает невесте письменный контракт, содержащий слова: "Ты посвящаешься мне этим договором по закону Моисея и Израиля." Третий способ, ко-

торый считался талмудистами нежелательным и даже достойным наказания, заключался в том, что жених в присутствии двух свидетелей произносил слова: "Этим сожительством ты посвящаешься мне по закону Моисея и Израиля" и уводил невесту в отдельное помещение.

Из сказанного видно, что акт кидушин является эквивалентом древнего акта помолвки. Второй способ, т.е. заключение брачного контракта, является развитием обычая мохара. Но мы знаем, что в Библии мохар часто сопровождается дарением подарков невесте. Передача невесте даров при свидетелях означала, что жених выражал желание стать ее мужем, а невеста принятием их выражала желание стать его женой. Если второй способ заключения помолвки в талмудические времена был развитием обычая давать отцу невесты выкуп, то первый способ заключения помолвки — деньги — был развитием обычая библейских времен давать матан. Эквивалентом денег в древние времена считалось круглое металлическое кольцо без каких-либо вкраплений и не содержащее драгоценных камней. Обычай надевания кольца, вместо дарения денег, можно проследить с VII века н.э. Третий способ заключения помолвки в талмудические времена отразился в обычае *ихуд* — уединения жениха и невесты в отдельном помещении на несколько минут сразу же после брачной церемонии.

IX. Хупа

Сейчас свадебная трапеза, пение и танцы происходят после брачной церемонии. В древние времена, напротив, хупа была завершающим актом еврейского обряда. Свадьба являлась переходом невесты в дом жениха. Она начиналась с красочной процессии, сопровождавшей переезд невесты, затем следовал пир с песнями и танцами (Суд. 14), а завершала свадьбу хупа. Внешние детали еврейской свадьбы в древности обычно реконструируются по Песни Песней. В начале II века н.э. эта книга Библии уже не воспринималась буквально, а понималась аллегорически, как диалог между Богом и Израилем. Затем аллегорическая интерпретация уступила место изучению

книги как образца светской поэзии. В конце XIX в. в среде ученых преобладала теория, по которой Песнь Песней считалась коллекцией еврейских свадебных песен. Но независимо от того, как трактовать книгу, она содержит слишком мало данных для точной реконструкции свадебного обряда в древности. Ясно, что церемония сопровождалась пением и плясками, и на ней присутствовало большое количество гостей. Из аллегорических сравнений других книг Библии ясно, что жених и невеста были одеты в нарядные одежды и имели на головах венки (Пс. 44:15; Иер. 2:32; Ис. 49:18, 61:10). Невеста была окружена группой девушек, а жених — молодых людей. В более поздний период, перед Иудейскими войнами, римляне запретили жениху и невесте носить на голове венец или корону, в которой видели намек на царя иудейского (III Мак. 4:6-8). Запрет этот коснулся в основном мужчин, а украшение на голове невесты сохранилось.

По еврейскому обычаю пир продолжался семь дней (Суд. 14:18). Жених и невеста приравнивались на пире к царю и царице, сидели на троне, а гости пели песни в честь царя Соломона и Суламифи, взятые из Песни Песней. Это известно из того факта, что во II веке н.э. религиозные авторитеты протестовали против пения Песни Песней на свадьбах. Происходили свадьбы, видимо, под открытым небом или в доме жениха. Начиная с талмудических времен община знала о бракосочетании и отмечала этот день в жизни жениха приглашением к чтению Торы в синагоге, но до конца XVI века свадьба оставалась частным делом. Только начиная с этого времени в некоторых общинах церемонию ведет раввин, и она происходит в помещении синагоги. Вот и все внешние детали свадьбы, которые удастся восстановить.

После пира жених вел невесту под хупу. Тогда хупа отличалась от того, что мы называем этим словом сейчас. В Библии слово *хупа* встречается только два раза: в Псалмах, при описании восхода солнца (Пс. 19:6), и у пророка Иоиля, при описании поста, когда весь народ собирается в Храме (Иоиль 2:16). Оба места не дают представления о внешнем виде хупы. Данные сравнительной этнографии говорят о том, что первоначально хупа была специальным шатром или другим помещением, построенным и украшенным жени-

хом ко дню свадьбы. Это было место, где жених и невеста проводили свою первую брачную неделю (Быт. 24:60).

Войдя под хупу, невеста переходила из-под власти отца под власть мужа. С течением времени обычай введения невесты под хупу был забыт. Свадьба не обязательно сопровождалась переходом в дом мужа, иногда муж переходил в дом жены. Для древнего обычая хупы появились символические элементы. В некоторых общинах хупой называли фату, которой жених закрывал лицо невесты, в других хупу заменял платок, который покрывал головы жениха и невесты. В Германии над головой новобрачных простирали таллит. У восточных евреев хупой называли комнату, где жених и невеста оставались наедине друг с другом. В Польше в XVI веке появилась хупа, которая затем была распространена среди всего восточноевропейского еврейства — балдахин на четырех шестах. Этот вид хупы присутствует и в современном брачном обряде.

Х. Заключение

Теперь подведем итог. Мы узнали, что в древности у евреев с браком было связано не одно, а два события, разделенных временным промежутком. Первое событие — это был акт помолвки, когда сам жених или его отец просил отца невесты выдать ее замуж и передавал ему выкуп, а самой невесте дарил подарки. Принятие выкупа и подарков означало, что сделка состоялась, и семья невесты дает согласие на брак. Вторым событием была свадьба, когда невеста, часто в сопровождении красочной процессии, переходила из владения своего отца во владение мужа и вступала вместе с ним в отдельное помещение, именуемое хупой. В древний период большее значение имела помолвка, то есть первое событие. С течением времени содержание составных частей брачной церемонии изменилось, и перевес оказался на втором событии — свадьбе. Практика заключения помолвки сохранилась в виде символических актов: 1) передачи невесте документа с условными обязательствами, которые выполняются только в случае развода; 2) передачи кольца; 3) публичного объявления

о будущей совместной жизни. Поскольку эти символические акты стали восприниматься как части второго события брачной церемонии, свадьбы, то им на смену пришли новые способы заключения помолвки, которые мы не рассматриваем в данной работе.

Наиболее существенным нововведением в истории развития свадебного обряда в послеталмудический период было объединение (не позже XII в.) двух его частей в одну церемонию, совершавшуюся одновременно. С этого времени обряд уже не претерпевал существенных изменений.

-----ooOoo-----

Феликс НУЛИН⁵**ЕВРЕИ — УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА**

В последние два века исторические судьбы еврейского и русского народов так тесно связаны, что нет, наверное, сейчас в России места, так или иначе не связанного с евреями. Не является исключением и Шлиссельбургская крепость, историко-революционный памятник, филиал музея истории Ленинграда.

Основанная в XIV веке новгородцами у истока Невы, на Ладогe, крепость Орешек (по-шведски — Нотебург) находилась в сфере государственных интересов России и Швеции и несколько раз переходила из рук в руки. В ходе Северной войны Петр I отбил крепость у шведов (1702 г.) и переименовал ее в Шлиссельбург, т.е. Ключ-город. Однако с основанием Петербурга и Кронштадта крепость потеряла свое стратегическое значение и уже в петровское время стала государственной тюрьмой.

Среди первых узников Шлиссельбурга были знатные особы, заключенные сюда по особому именному императорскому указу. Среди них — отстраненный от престола император Иоанн IV (убитый при попытке его освобождения), четвертованные здесь по приказу Бирона князья Долгорукие, а позднее — и сам временщик Бирон.

С конца XVIII века крепость становится местом заключения оппозиционно настроенных дворян и разночинцев. Узниками Шлиссельбурга были просветитель Н.Новиков, декабристы (в их числе братья Бестужевы, В.Кюхельбекер, И.Пущин), революционер-анархист М.Бакунин.

Одним из первых евреев — узников Шлиссельбурга был купец Давид Лурий, который был заточен в крепость за найденную у него записку неблагонамеренного содержания. Он провел в крепости несколько месяцев, с июня по сентябрь 1838 года.

В годы царствования Николая I максимальное число узни-

ков крепости составляло 16 человек, но к 1870 году, при Александре II, здесь оставался только один арестант — участник польского восстания Бронислав Шварце. Было решено закрыть Шлиссельбургскую государственную тюрьму, а крепость использовать для военно-исправительной роты. Было повелено числить в этой роте 200 арестантов, помещение же приготовить на 600 человек.

Нараставшее революционное движение заставило Александра III восстановить в крепости государственную тюрьму. Внутри крепости для политических арестантов-народовольцев по последнему слову тогдашней тюремной техники был выстроен второй тюремный корпус, который состоял из сорока одиночных камер, причем в каждой находилась привешенная к стене койка и на противоположной стене — две железных плиты. Плита, которая была повыше и побольше, заменяла стол, а вторая служила стулом. В первые годы камеры открывал только жандармский капитан. Имена заключенных были забыты, их называли только по номерам. Сторожа набирались из жандармских сверхсрочных унтер-офицеров и не имели права без разрешения коменданта покидать крепость.

На питание выделялось в день по 11 копеек на человека. Хлеба полагалось 2,5 фунта в день, но и он отпускался самого низкого качества, сырой. На обед давалось два блюда: на первое — суп, щи, борщ или жидкая гороховая похлебка, на второе — каша гречневая, пшенная или размазня. Ужинали заключенные подогретым жидким блюдом, оставшимся от обеда. По воскресеньям на второе давали несколько нарезанных маленьких кусочков говядины с картофелем или фасолью и на третье — пирог с брусничным вареньем.

Начиная с 1889 года на довольствие заключенных стали отпускать по 23 копейки в день, и черный хлеб заменили на белый. Отпускали также и чай, сначала 2 раза в день по одной кружке и куску пиленого сахара, а затем каждому заключенному выделили 2 чайника: один для кипятка, другой для заварки, и стали отпускать по 0,5 фунта чая и 3 фунта сахара в месяц.

Уже в первой партии арестантов-народовольцев, переведенных в Шлиссельбург из Петропавловской крепости, мы находим евреев. Член Центрального исполнительного комитета

Народной воли Савелий Златопольский, 26-ти лет, был в 1883 году приговорен к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу. Меер Геллис, осужденный по "Процессу 193-х", попал в Шлиссельбург с Карийской каторги в числе тринадцати человек, признанных самыми опасными для порядка. Айзик Арончик, 24-х лет, бывший студент Института путей сообщения, входил в 1879 году в группу "Свобода или смерть" и содержал конспиративную квартиру, из которой велся подкоп под железнодорожное полотно. 19 ноября 1879 года на 3-й версте Московско-Курской железной дороги был произведен взрыв, вследствие чего произошло крушение поезда с императорской свитой (правда, при взрыве никто не пострадал). Условия содержания заключенных в Шлиссельбургской крепости были настолько тяжелы, что Геллис умер от чахотки в том же 1884 году, Златопольский — в 1885 году, а Арончик сошел с ума и умер в 1888 году.

В декабре 1890 года в крепость была доставлена София Гинсбург, организатор Союзного террористического кружка. С. Гинсбург закончила гимназию в Керчи, занималась медициной в Петербурге, была связана с группой А. Ульянова и В. Генералова, которые тоже были казнены в Шлиссельбурге в 1887 году. Гинсбург удалось эмигрировать в Швейцарию, где она продолжала учиться медицине. В Швейцарии был создан Союзный террористический кружок, программа которого предусматривала террористические акты, в том числе и против Александра III. Гинсбург по подложному паспорту приехала в Россию и начала налаживать связи, но случайная оплошность прервала ее работу: в кошельке, забытом ею в магазине и переданном в полицию, была обнаружена записка с объяснением народу значения цареубийства. Гинсбург успела уехать на юг, но там была арестована и доставлена в Петропавловскую крепость. На суде ей было предъявлено обвинение в принадлежности к революционному сообществу, поставившему своей целью цареубийство и ниспровержение государственного и общественного строя. Ее приговорили к смертной казни, которую заменили на бессрочную каторгу. В Шлиссельбурге Гинсбург поместили в старую тюрьму, изолированно от прочих узников и вместе с душевнобольными, вопли которых причиняли ей невообразимые мучения. Спустя 37 дней София

Гинсбург покончила жизнь самоубийством, вскрыв вены тупыми ножницами для рукоделия.

В начале 90-х годов, не без влияния роста революционного движения, порядки в Шлиссельбурге относительно улучшились: стали выдавать тетрадки и карандаши, разрешены были совместные прогулки (по двое заключенных), узники могли обучаться ремеслу в столярной, токарной и переплетной мастерских.

Среди новых заключенных Шлиссельбургской крепости был и Григорий Гершуни, один из организаторов и лидеров партии эсеров, руководитель ее боевой организации и член ЦК. В 1902 году он организовал убийство министра внутренних дел Сипягина, покушение на харьковского губернатора, а год спустя — убийство губернатора Богдановича в Уфе. Вскоре Гершуни был арестован, заточен в Петропавловскую крепость, а в 1904 году приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В годы первой русской революции Гершуни вместе с другими боевиками, среди которых был и участник убийства фон Плеве Шимон Сикорский, перевели из Шлиссельбурга в Акатуйскую тюрьму. В 1906 году Гершуни бежал в Западную Европу через Китай и США, но здоровье его было подорвано, и он умер в Цюрихе в 1908 году.

С 1884 по 1906 годы в крепости перебивало 69 арестантов, из них 11 умерли от чахотки и цинги, 9 — сошли с ума, 4 — покончили жизнь самоубийством, 2 — расстреляны за нарушение режима. В крепости было казнено 12 революционеров, в том числе и рабочие Хаим Гершкович и Яков Финкельштейн (который ошибочно убил генерала Козлова, приняв его за Трепова).

Но уже в 1907 году в Шлиссельбурге вновь организуется временная каторжная тюрьма, начинается строительство большого тюремного корпуса на 600 заключенных, на старом фундаменте петровской казармы строится двухэтажный корпус с 12 общими камерами на 140 заключенных. К 1911 году Шлиссельбургский каторжный централ мог принять до 900 заключенных, из которых 600 были уголовниками, а 300 — политическими и осужденными "за военные преступления". И здесь пригодился богатый опыт тюремщиков, которые чуть было не лишились работы. Политических сажали вместе с уголовника-

ми, применяли нарочито грубое отношение, секли розгами и сажали в карцер.

В Шлиссельбург посылали "на исправление" самых непокорных узников из других каторжных централов: из Псковского (после массовой голодовки) — 120 человек, из Вологодского (после порки) — 100 человек, группу заключенных из Смоленского централа (после так называемого "голового бунта", когда арестанты в знак протеста против грязной одежды выбросили в коридор все, что на них было, и долгое время остались голыми).

Одними из первых во вновь открывшуюся тюрьму были переведены участники Севастопольского восстания 1905 года, среди которых находились Н.Л.Канторович — большевик, один из руководителей восстания, приговоренный к смертной казни, замененной на пожизненное заключение, и Исай Ильич Генкин, переведенный в Шлиссельбург из Смоленской каторжной тюрьмы за участие в "голом бунте" (после революции — писатель и историк).

В Шлиссельбурге отбывали наказание многие члены боевой организации при Петербургском комитете РСДРП (которую возглавлял Емельян Ярославский — Миней Израилевич Губельман), среди них — Наум Львович Гельфанд и Илья Ионович Ионов (Бернштейн), впоследствии крупный работник культурного фронта, организатор Госиздата в Ленинграде. Среди боевиков рижского комитета РСДРП были Л.Н.Рубинштейн и Н.Э.Гринберг, которые, чтобы запастись боевыми припасами для борьбы с войсками правительства, похитили с парохода на Двине 20 тысяч револьверных патронов, а для пополнения партийной кассы ограбили несколько магазинов в Риге.

Среди лиц, проходивших по делу о подготовке вооруженного восстания солдат и матросов в Финляндии, были Исаак Абрамович Сорокин и братья Трилиссеры — Михаил и Давид. Старший из них, Михаил, стал в 18 лет профессиональным революционером, был членом Астраханского, Казанского и Петербургского комитетов РСДРП, вел агитацию среди солдат и матросов. В 1900 году в Финляндии он возглавлял военную организацию большевиков, выпускал газету "Вестник казармы" и проводил подготовку вооруженного восстания. В 1907 году Михаил Трилиссер руководил вооруженным восста-

нием Свеаборгского гарнизона. Отбывая каторгу в Шлиссельбурге, Трилиссер-старший неизменно оказывался инициатором коллективных протестов против тюремных порядков. В годы Гражданской войны он был членом Амурского обкома и редактировал областную газету, а в 1921 году перешел на работу в ЦК, затем стал заместителем председателя ВЧК (ОГПУ), зам. наркома РКИ. В 1935 году его избрали членом секретариата Исполкома Коминтерна. Судьба Михаила Трилиссера трагична: в 1939 году он был расстрелян.

Всего за десять лет, с 1907 по 1917 годы, через Шлиссельбургскую каторжную тюрьму прошло 530 политзаключенных: свыше 130 социал-демократов, около 150 эсеров, 40 анархистов, 16 польских социалистов. И во всех политических группах и партиях среди узников были евреи.

Вот, например, бывший бундовец, а затем эсер Моисей Давидович Закгейм. В 1905 году он в составе боевой дружины эсеров-максималистов участвовал в покушениях на ряд должностных лиц полиции в Белостоке, в частности, на пристава Сазонова, организовавшего военный погром.

Другой бундовец, Шимон Авелевич Симонович, в годы первой русской революции перешел в Союз анархистов-коммунистов и участвовал в ряде лихих *экссов* (экспроприаций).

Интересна фигура Владимира Осиповича Лихтенштадта (хотя его еврейское происхождение не проверено). Он был эсером-максималистом, участником неудачного покушения на Столыпина и "дела о нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни", когда было похищено 360 тыс. руб. кредитками, 3,9 тыс. руб. золотом и других ценностей на 300 тыс. руб. В Шлиссельбурге он сблизился с большевиками, выступал как лектор, руководил занятиями с политзаключенными, написал книгу "Борьба Гете за материалистическое мировоззрение". Он прекрасно владел английским, немецким, французским и делал переводы, в тюрьме стал изучать итальянский, испанский, датский. В 1917 году Лихтенштадт вступил в партию большевиков. В 1919 году он ушел добровольцем на фронт и погиб, будучи комиссаром дивизии. В.О.Лихтенштадт похоронен на Марсовом поле. Большую помощь политзаключенным оказывала мать Владимира —

Марина Львовна Лихтенштадт, организатор библиотеки и руководитель Политического Красного Креста.

Шлиссельбуржец Исай Генкин в своей книге "По тюрьмам и этапам" рассказал о встрече с сионистом-социалистом Абрамом Фейгиным, выходцем из бедной еврейской семьи. Способный юноша собирался сдать экзамены экстерном за курс гимназии, но погром 1905 года лишил семью куска хлеба, и Абрам Фейгин встал в ряды еврейской самообороны. Его идеалом было полное возрождение еврейской нации на собственной территории. "Пусть гении еврейства — Спинозы, Марксы, Гейне, Антокольские — расцветают у себя дома, а не на чужбине. Тогда бы евреи далеко пошли по части социального творчества, научной изобретательности, искусства, литературы. Пусть только еврейская интеллигенция не тратит себя на гоев, остальное само приложится," — считал Фейгин, приговоренный к четырем годам каторги.

Февральская революция 1917 года принесла освобождение всем без исключения заключенным. Чтобы стереть с лица земли память о бывшей "русской Бастилии", уходящие на волю каторжане сожгли тюрьму. В январе 1919 года на северо-восточной оконечности острова, за крепостной стеной, был воздвигнут памятник погибшим в застенках. Скульптор — И.Я.Гинцбург, ученик М.Антокольского. И, читая на камне непривычные для русского уха фамилии, вспоминаются строки из стихотворения С.Фруга:

А буквы на камнях горят, взывая из моха и пыли:
Мы были... мы жили...

-----ooOoo-----

О КРИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ К ИСТОРИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ

В работе с историческими документами важнейшим моментом является критическое отношение к источнику. Прежде всего следует убедиться в подлинности изучаемого текста, правильности указанных времени и места его появления и авторства, т.е. выяснить, не является ли источник фальшивым. (Чего-чего, а фальшивок в еврейской истории было множество. Вспомним, например, печально знаменитые "Протоколы сионских мудрецов".) Во-вторых, важно понять, правдив ли автор, не было ли его сообщение результатом внешнего давления. Ведь, как известно, бумага все стерпит, а чего только не скажешь или не напишешь в стесненных обстоятельствах! Итак, не будем забывать критически относиться к изучаемым документам.

Пример некритического отношения к источнику можно найти в книге Б.Кравцова "Бегство из гетто", изданной в этом году Лениздатом очень большим тиражом — 330 тыс. экземпляров. В одной из глав автор доказывает нам, что один из высокопоставленных нацистов, Штрейхер, редактор и издатель погромной газеты "Дер Штюрмер", "палач евреев номер 1", был также и сионистом. Это доказательство основывается на собственном заявлении Штрейхера, сделанном на Нюрнбергском процессе. Конкретное высказывание Штрейхера, к слову сказать, не приводится, а цитируется речь обвинителя от США Р.Х.Джонсона: "Штрейхер имеет теперь наглость заявить, что он *всего лишь сионист*. Он говорит, что только хочет вернуть евреев в Палестину." (с.160.) Вот тут совершенно ясно, что заявление Штрейхера никакой критики не выдерживает. Преступник, очевидно, надеялся таким маневром уйти от виселицы. Из приведенной цитаты мы, кстати, видим, что Р.Х.Джонсон действительно не верит подсудимому и считает его слова наглой ложью. А вот неискушенный Борис Кравцов слепо доверяет высокопоставленному нацисту.

В еврейской истории немало таких псевдодокументов, написанных иногда и самими евреями. В ЛЕА №3 была помещена

заметка о протесте бердичевских евреев лорду Биконсфильду, в котором евреи категорически отвергали слухи о том, что им живется плохо. Как выяснилось впоследствии, письмо было составлено и отправлено по указанию тамошнего начальника полиции.

Документами подобного же рода, скорее страшными, чем курьезными, являются и нижеприведенные заявления германских евреев во времена нацизма.

Вот, например, что писалось в передовой статье "Юдише Рундшау" ("Еврейское обозрение") от 13 апреля 1933 г.: "Вековую историческую связь не так легко разорвать. Наше признание своей принадлежности к еврейскому народу никогда не означало, что мы отказываемся или могли бы отказаться от чего-либо, данного нам немецким духом."

Одна из первых дилемм, с которыми столкнулись евреи Германии, была связана с плебисцитом 12 ноября 1933 г., когда требовалось проголосовать в поддержку внутренней и внешней политики Гитлера. Неодобрение политики Гитлера или уклонение от голосования однозначно поставило бы евреев в положение внутренних врагов, но, с другой стороны, как же евреи могли сказать *да* антисемитской политике нацистской Германии? "Государственное представительство немецких евреев" так предлагало решить этот вопрос: "Вместе со всем немецким народом нас, евреев, как граждан, тоже призывают подать наши голоса в поддержку внешней политики правительства рейха. Они необходимы для достижения равенства Германии среди наций, для примирения народов и для мира во всем мире. Невзирая на все, что нам пришлось перенести, голосом немецких евреев может быть только *да*."

Чем сильнее проявлялся геноцид, тем нелепее казались попытки тех или иных групп евреев отстаивать свою немецкую родину, ставшую им мачехой. Так, в феврале 1934 г., в обращении к правительству Гинденбурга, Союз еврейских фронтовиков, в частности, заявил, что "евреи останутся в Германии и будут сражаться за нее так же, как делали это раньше".

Государственный антисемитизм в Германии, рост насилия и жестокости по отношению к евреям вызвали возмущение во всем мире. От имени евреев всех стран были заявлены решительные протесты. Это, в свою очередь, было использовано

гитлеровцами, чтобы заклеить мировое еврейство как врагов Германии и подстрекателей всемирной кампании лжи и клеветы с целью дискредитации рейха. Руководители еврейских организаций были вызваны к Герингу, который в ультимативной форме потребовал от них, чтобы они воздействовали на своих соплеменников за границей, которые, по мнению рейхсминистра, распространяли страшные сказки про Германию и организовали антигерманскую кампанию бойкота. "Иначе будет погром", — пригрозил Геринг.

И все еврейские учреждения под действием этих угроз разослали множество писем и телеграмм, одну из которых, адресованную Американскому еврейскому комитету, приведем полностью: "Согласно газетным сообщениям, за океаном продолжается пропаганда бойкота и жестких мер против Германии, притом явно со стороны еврейских организаций. Как немцы и евреи, мы должны заявить решительный протест против этого. Распространение лживых сообщений может только нанести вред, пороча наше Германское отечество, ставя под угрозу отношения немецких евреев со своими согражданами. Пожалуйста, безотлагательно позаботьтесь о том, чтобы все сообщения о жестокостях и пропаганда бойкота прекратились."

Представим себе, что мы изучаем историю Третьего рейха только по этим *бодрым* заявлениям. Какое бы мы составили о ней представление? Не будем же забывать о критическом отношении к историческим документам.

-----ooOoo-----

Роальд ЗЕЛИЧЕНОК

ПИСЬМО ВАСИЛИЮ БЕЛОВУ

Уважаемый Василий Иванович!

Начну с анкетных данных: Зеличенко Роальд Исаакович, 47 лет, по специальности инженер-электрик, но для дальнейшего наиболее существенна только национальность — еврей. Позвольте сразу приступить к делу. В одной из Ваших книг ("Роман-газета", 1982, №13—14, с.106)⁶ напечатано следующее: "... но после двух ночей, проведенных в чинной, фальшиво-доброжелательной атмосфере еврейской семьи, Зорин ушел ночевать к дяде Паше." Так и напечатано: не "этой семьи" или хотя бы "этой еврейской семьи", но обобщительно: "еврейской семьи". То есть чинность и фальшивая доброжелательность в семейной жизни суть типические черты евреев.

Я хочу со всей ясностью сказать, что не считаю Вас обязанным любить евреев. Никто не обязан любить никого. Но, будучи писателем, Вы обязаны, во-первых, писать правду и, во-вторых, думать об общественных последствиях написанного. В приведенной выше цитате нет не только правды, но и правдоподобия. Иногда я думаю, что не худо было бы нам, евреям, и впрямь быть малость "починнее", но увы — чего нет, того нет. Как Вам удалось встретить чинного среди евреев, чей буйный темперамент, склонность к жестикуляции и легкая воспламеняемость, не говоря уже о чесночном запахе, всегда задевали людей благовоспитанных и благонамеренных? С таким же успехом можно встретить чинность у итальянцев или грузин.

Чинная атмосфера еврейской семьи — неправда, хоть и необидная. Фальшивая доброжелательность — обидная неправда. Чего только не говорят о нас те, у кого язык без костей! Приходилось слышать даже такое: "Они-то своих детей в торговлю не пошлют", — говорила женщина, дочь которой не поступила в институт, а у ее соседей-евреев сын прошел по конкурсу. Я тогда поразился: не нас ли веками упрекали, что

мы народ торговцев. Но чтоб ругали евреев за их семейную жизнь, не каких-то конкретных, но обобщенно, мне слышать не привелось. Ибо о том, что евреи, как правило, хорошие семьянины, знают и те, кто их не любит. Кто слышал, чтобы русская девушка отказалась выйти замуж за еврейского парня только из-за его национальности? Наоборот, эта самая национальность часто является в ее глазах серьезным доводом "за", гарантией семейной жизни, не пропитанной отчужденностью и алкоголем.

Так обстоит дело с правдой в Вашем высказывании. Перейду теперь к общественным последствиям. Тут напрашиваются многие вопросы. Например, какую пользу для своего народа Вы думаете извлечь, поддерживая неприязнь к евреям? Какие из проблем Вашего народа, среди которых есть тяжкие и даже трагические, Вы надеетесь разрешить таким образом? Понятно ли Вам, что в многонациональной стране с растущим процентом нерусского населения не может быть изолированно "еврейского вопроса" — тут же появляется "русский вопрос"? (По существу, он уже появился. С поганым явлением встречаешься сейчас в национальных республиках, начиная с Украины: нередко твой собеседник, узнав, что ты еврей, начинает лить грязь на русских — хочет сделать тебе приятное. Появились и теоретики. Я видел в одном из городов Средней Азии коллекцию цитат "Русские о самих себе", это вроде "Евреи о самих себе" в "Дер Штюмер", всякие высказывания типа Чернышевского о подлом народе, в котором все рабы снизу доверху. Я разговаривал с одним интеллигентным кавказцем, который доказывал, что вся русская культура подражательна. О Прибалтике и говорить не приходится. Удивительно видеть знакомое антисемитское клише в новом обличье.) Почему Вы не следуете пословице "Хвали свое и не ругай чужое"? Может быть, чем лягать походя евреев, стоило бы сосредоточиться на далеком от благополучного состоянии семьи русской? По правде говоря, я не рассчитываю получить ответ на вопросы подобного рода, даже если он у Вас есть: Вы можете справедливо сказать, что все это русские проблемы и, как таковые, они меня не касаются.

Есть, однако, вопрос, на который Вы обязаны ответить, раз уж Вы задели еврейскую тему: как Вы представляете се-

бе их дальнейшую судьбу в России в свете происходящего? Более конкретно: вот Вы плюнули в нашу сторону, и плевков размножен в сотнях тысяч экземпляров. Что делать нам? Писать опровержения? Так ведь не напечатают. Плевать в обратную сторону? Сочинить по Вашему примеру что-нибудь зло-обобщительное о русской семье, благо примеров хватает? Тоже не напечатают: в отличие от евреев, о русских как о нации не позволено писать плохое. Тогда что остается — эмиграция, ассимиляция? Но ведь за 2 тысячи лет рассеяния ассимиляции не произошло, хотя порой сами евреи этого хотели. Чисто внешнее обрусение не касается глубинных сторон жизни и самосознания. Некоторые полагают, что по крайней мере в сфере культуры русские объевреились куда глубже, чем евреи обрусели... Итак, каким Вы видите будущее в России нашей двухмиллионной общины (да еще минимум столько же примкнувших: иноплеменные члены еврейских семей, дети от смешанных браков. Я не говорю о перекрасившихся под русских "Ивановых по матери" — с этим приобретением я не могу Вас поздравить, но это уж не наша проблема)?

Этот вопрос я давно хотел бы задать представителю русской интеллигенции (не по паспорту русской, а по духу), каким, надо полагать, является создатель образа Ивана Африканыча. Собирался написать еще год назад, да прошли слухи, что писателей-"деревенщиков" стали зажимать по недоступным моему пониманию причинам. Я решил оставить эту затею, т.к. и косвенно не хочу быть причастным к любым зажимам. Но вот сказали мне, что была Ваша статья в "Правде", стало быть, слухи неверны.

Я действительно надеюсь получить ответ — говорят, Вы человек прямой и не трусливый. Только не пишите, Бога ради, что Вы не антисемит и что у Вас есть приятели-евреи. Это ведь тоже клише, да и к делу не имеет отношения.

-----ooOoo-----

Примечание редакции ЛЕА: Уже скоро год, как письмо вручено В. Белову. Ответа нет.

XXXXXXXXXXXX		XXXXXXXXXXXX		XXXXXXXXXXXX	
XX	XX	XX		XX	XX
XX	XX	XX		XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXX		XXXXXXXXXXXXXXXX	
XX	XX	XX		XX	XX
XX	XX	XX		XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX		XX	XX

XXXXXXXXXX
 XX
 XX
 XXXXXXXXXXXX
 XX XX
 XX XX
 XX XX
 XXXXXXXXXXXX XX

XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX
XX	XX XX	XX XX	XX
XX	XX XX	XX XX	XX
XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX		XX XX	
XX		XX XX	
XX		XX XX	
XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX

-----ooO^{ooo} ooo^Ooo-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----oo^O O^{ooo}-----

Выпуск 6

Апрель 1985

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Песах в киббуце	71
С.МАРШАК:	
Инквизиция	73
М.БЕЙЗЕР:	
Васильевский остров. Экскурсия четвертая	74
Белла Дижур и ее поэма "Януш Корчак"	98
А.М.ЯНОВИЦКИЙ:	
Профессор Батц разоблачает обман, или новый отряд борцов с сионизмом	105
И.ЯФФЕ:	
Легенда об Агасфере, или Вечном Жиде	128
Выступление Корнелиу Мэнеску	141

ПЕСАХ В КИББУЦЕ

Участники киббуцного движения вполне сознавали свою роль создателей новых форм жизни и человеческих отношений. Естественно, что им хотелось придать современные черты и традиционным еврейским праздникам. Это привело, прежде всего, к появлению сотен оригинальных текстов Агады*. Читая "киббуцные Агады", мы ощущаем не только новое отношение к традиционному еврейскому празднику, но и самую атмосферу киббуцной жизни. Вот как выглядели четыре пасхальных вопроса седера в киббуце Наан (основан в 1930 г. недалеко от Реховота) в разгар Второй мировой войны — в 1942 году.

— *Чем эта ночь отличается от всех других ночей?*

— Тем, что обычно наши дети едят в отдельной столовой, а в эту ночь мы все сидим вместе: родители, дети, товарищи.

— *Почему положение евреев отличается от положения всех других народов?*

— Потому что каждый народ живет в своем доме и на своей родине, а евреи разбросаны по всему свету, их ненавидят, преследуют, и даже на свою родину, в землю Израиля, им нельзя приехать беспрепятственно.

— *Почему в мире все еще есть бедные и богатые, сытые и голодные, трудящиеся и бездельники? И почему люди воюют, вместо того чтобы протянуть друг другу руку помощи и жить в мире?*

— *Когда же Наан станет большим и красивым, когда же наши братья из изгнания придут к нам строить наш киббуц вместе с нами?*

Седер после 1949 года в том же киббуце Наан свободные

* Агада — книга, содержащая описание ритуала пасхального седера.

граждане только что рожденного государства справляли по Агаде, в которой традиционные вопросы-ответы опять обновилась.

— *Чем эта ночь отличается от всех других ночей?*

— Тем, что в эту ночь Песаха мы все сидим вместе за праздничной трапезой, и так же эту ночь празднуют все евреи в Израиле, во всех частях диаспоры, где бы они ни были, с древних времен до сегодняшнего дня.

— *Чем эта ночь отличается от всех других ночей?*

— Тем, что все предыдущие годы мы справляли седед праздника нашей свободы, хотя сами мы жили под гнетом чужой власти, борясь за развитие страны и иммиграцию. Теперь мы — свободные граждане государства Израиль, его двери открыты для всех, кто возвращается из изгнания, и наша свободная земля отдана нам для освоения.

— *Чем эта ночь отличается от всех других ночей?*

— Тем, что мы радуемся нашей свободе, сидим в безопасности в собственном доме, но большая часть нашего народа все еще рассеяна среди других народов, живет в изгнании, и все наши братья еще не собраны в Израиль.

— *Чем эта ночь отличается от всех других ночей?*

— Тем, что мы радуемся весне, свободному труду, человеческому обществу, еврейскому киббуцу, в то время как другие еще не освободились от рабского труда и угнетения, эксплуатации детей; в то время как народ все еще поднимает меч на народ, и освобождение человека в царстве труда и равенства на нашей земле и в целом мире еще не свершилось.

-----ooOoo-----

Самуил МАРШАК

ИНКВИЗИЦИЯ⁷

На Пасху, встречая свой праздник свободы,
Под низкие своды
Спустились они.
Казалось, шумели шаги в отдаленьи,
И глухо дрожали крутые ступени...
И тускло горели огни.

Семья притаилась за скатерью белой...
Могучий и смелый, лишь он не дрожал...
И встал он пророком
В молчаньи глубоко
И взором окинул подвал.
И тихо он начал: "Рабами мы были!
Но в темной могиле,
В подвале немом
Мы гордо повторим: мы были! мы были!
Теперь мы тяжелое иго забыли —
И дышим своим торжеством!
Пускай мы пред смертью, пускай мы в подвале —
Горящие дали
Не скрыл этот свод!
И нашей свободы никто не отнимет...
Пусть голову каждый повыше подымет —
И смерти бестрепетно ждет!"

"Мы были рабами! Мы были! мы были!.."
И вдруг позабыли
Свой ужас они:
Они не слышали в минутном забвеньи,
Как глуше, сильней задрожали ступени...
И дрогнули робко они...
Вскочили... Столпились... Слетела посуда...
Как мертвая гряда,
Застыли и ждут...
И отперлись двери —
И черные звери
По лестнице темной идут!

И сытый, и гордый,
И с поступью твердой,
Аббат выступал впереди.
Старик к нему вышел. Он стал у порога,
Спокойный и гневный, как Посланный Бога...
И замерли крики в груди!

И встретились взоры.

Михаил БЕЙЗЕР

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Экскурсия четвертая

Итак, пойдёмте и будем работать! Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва её будет всецело принадлежать настоящему и будущему. Покажем, что мы — русские евреи, не только ветвь "наиболее исторического" народа, но что мы сами имеем богатое прошлое и умеем ценить его. Народ-старец, убеленный сединами, умудренный многовековым опытом, имеющий поистине беспримерное прошлое, — неужели такой народ может отворачиваться от своей истории?

С. М. Дубнов

(Об изучении истории русских евреев.

Восход, 1891, кн.4—9.)

Бродя по городу, совершая экскурсию за экскурсией, мы мало-помалу реконструируем для себя существенную часть его истории, историю еврейской жизни в нём. Среди любителей истории Ленинграда немало людей с доскональным знанием его архитектуры. Им известно, когда, кем и что было построено, когда мостили улицу, как выглядела лепка на фасаде того дома до тысяча восемьсот такого-то года. Вот барокко, вот русский классицизм, а здесь — и смотреть не стоит, одно слово — эклектика. Так история города для некоторых незаметно подменяется историей его архитектуры, т. е. наименее важной её частью с точки зрения еврейской традиции.

Нам же интересны люди. Чем они жили, что думали? Какие события, процессы, повлиявшие на судьбы нашего народа, протекали за этими однообразными фасадами доходных домов? Мы *это* хотим знать. Но кто об этом нам расскажет?

Уже сегодня очень трудно отыскать следы нашего недавнего прошлого. Завтра — будет невозможно. Знания пылятся в забытых старых книгах, запираются в темные шкафы, рассеиваются по свету или ложатся в могилы вместе с их обладате-

лями. Не дать исчезнуть знаниям о прошлом народа, не дать народу пребывать невежественным и безродным, сохранить память — вот задача историка.

Мы подходим к обыкновенному дому. Дом как дом. Архитектура ординарна. Стены ни о чем не говорят нам. Мемориальной таблички нет. И если мы все же знаем что-либо о том, кто здесь жил или что здесь было, значит, был кто-то, кто записал, сохранил память, издал книжечку микротиражом, рассказал детям и друзьям. Будем благодарны этим людям.

Васильевский остров — в прошлом далеко не самое заселенное евреями место в С.-Петербурге. По данным переписи 1869 г. здесь жило всего 139 евреев (82 мужчины и 57 женщин). По численности еврейского населения район стоял на восьмом месте в столице. Однако и здесь произошло много интересных событий.

Экскурсию по Васильевскому острову лучше начать со Стрелки. Отсюда виден официальный, парадный Петербург с главными дворцами, соборами, Адмиралтейством и главной политической тюрьмой — Петропавловской крепостью. И кто в ней только ни сидел — от княжны Таракановой до членов Временного правительства. Хотя крепость не расположена на Васильевском острове, но так как туда специальной экскурсии не будет, остановимся на минуту и вспомним, что одним из первых узников-евреев Петропавловки был основатель самого знаменитого направления в хасидизме — хаббада — Любавический реббе Шнеур-Залман Борухович (он же Бешт). Но сначала несколько слов о хасидизме.

Хасидизм, родившийся в Польше в XVIII веке, стал основой возрождения духовной жизни еврейского населения Галиции и Украины, тяжело переживавшего последствия хмельничины и лжемессианского движения Саббатая Цви. Ни в коей мере не отвергая основ иудаизма, хасидизм переставлял некоторые акценты в нем, утверждая, что искренняя молитва важнее для Бога, чем формальное знание Торы. Эта идея должна была ликвидировать психологическое неравенство между образованными евреями Литвы и их малограмотными едино-

верцами южных, в основном сельских, районов. Кроме того, хасидизм учил, что Богу угоднее служение с радостным сердцем, нежели со слезами и страданием. Проще говоря, основатель хасидизма Бешт и его последователи дали простым людям надежду, согрели их нелегкую ежедневную жизнь, наполнив окружающий мир присутствием Бога и ощущением возможности чуда. Самое появление этого нового направления в религии и распространение его с большим успехом среди верующих в период, когда Европа уже вступила в эпоху рационализма, а религиозные чувства повсюду шли на спад, является удивительным феноменом. Не говоря уже о том замечательном факте, что идеи хасидизма рождены были не университетским профессором или знаменитым теологом, а буквально самим народом.

Отстань на сто лет просвещение в тогдашней Европе, быть может, мы сейчас все были бы хасидами. Триумфальное шествие хасидизма остановила не столько борьба с ним ортодоксов, сколько появление и распространение еврейского просвещения — *гаскалы*.

А тогда, в XVII веке, традиционное образованное польско-литовское еврейство с большим подозрением и даже в штыки встретило идеи Бешта и его учеников. Для этого были все основания. В хасидизме видели раскол, сектанство, отступничество, лжемессианство (в особой роли цадиков), т.е. все то, что уже не раз наносило огромный вред евреям и иудаизму.

Борьбу с хасидами возглавил виленский раввин (гаон) Илия и его ученики. Печально, что в своих действиях последние не пренебрегли помощью официального Петербурга, который отнюдь не был другом ни одной из сторон, а стремился лишь к разрушению еврейской традиции в целом. Одним из таких недозволенных приемов и был донос ученика гаона, бывшего пинского раввина Авиغدора Хаймовича, на лидера литовско-белорусских хасидов Шнеура-Залмана Боруховича, из-за которого р.Авигдору пришлось покинуть свой пост. В доносе жизнь хасидского цадика представлялась в самом мрачном свете — как безнравственная и антигосударственная. В частности, утверждалось, что хасиды с преступными целями переправляют большие суммы денег во враждебную Россию

Турцию.* Это обвинение, добавленное к негативному отзыву о р.Залмане сенатора и поэта Державина, имевшего столкновение с цади́ком в Белоруссии, вынудило правительство привезти цади́ка в Петербург для расследования дела (1798). Туда же прибыл и его обвинитель — Ави́гдор Хаймович. Реббе Шнеуру-Залману пришлось защищать себя, своих хасидов и весь хасидизм в целом. Что он и сделал весьма успешно. Первый вынужденный визит в столицу был непродолжительным, но жалобы миснагедов (противников) правительству продолжались, и 9 ноября 1800 г. цади́ка вторично арестовали и снова посадили в Петропавловскую крепость. Здесь ему вновь пришлось выдержать формальное следствие и отвечать письменно и устно на множество обвинений против себя и своих сторонников. Император Павел сумел понять истинные причины вражды и разрешил существование хасидов наряду с ортодоксами, но самого р.Шнеура-Залмана, освободив из крепости, продержали в Петербурге до восшествия на престол Александра I в марте 1801 г.

Мы уже отмечали, что ортодоксы боролись с хасидизмом, видя в нем раскол и лжемессианство. Но в том-то и заключалась важная причина популярности хасидизма в народе, что он с самого начала провозгласил не раскол, не отказ от традиции, от иудаизма, а оживление и укрепление этой традиции путем возрождения ряда полузабытых, существовавших уже в самом иудаизме (в каббале, например) идей.

Шнеур-Залман, искавший компромисса с ортодоксами, внес также в свой вариант хасидизма (хабад) элементы традиционного интеллектуализма и уважения к учености. Этот компромиссный путь оказался столь успешным, что хабад до сегодняшнего дня является одним из наиболее жизнеспособных и устойчивых направлений в еврейской религии.

Основатель хабада упоминается в различных источниках под разными именами. Чтобы не было путаницы, приведем их: р.Шнеур (Шнеор)-Залман бен Борух, Залман Борухович, р.Залман Ладьер, р.Залман из Лиозно, Алтер Реббе, Га-

* Имелись в виду регулярные сборы со всех европейских евреев в поддержку еврейской общины в Палестине.

Рав Га-Закен. Родился он в местечке Лиозно Могилевской губернии в 1747 г. Умер в Пенах возле Курска 28 декабря 1812 г., а похоронен в Гадячах (Полтавская губерния).

Так как резиденция цадиков, последователей р.Шнеура, нередко перемещалась с места на место (Лиозно, Ляды, Любавичи, даже Ростов, Ленинград, Нью-Йорк), то хабадников часто называют любавическими хасидами, а иногда — лядовскими. Жизнь хасидских цадиков всегда овеяна легендами. Приведем одну из них, связанную с заключением р.Шнеура-Залмана в Петропавловской крепости. История цитируется по книге новейшего философа хасидизма М.Бубера "Путь человека" (1950).

"Однажды в камеру р.Шнеура-Залмана вошел шеф жандармов. По величественному и спокойному лицу раби, который так глубокого погрузился в размышления, что не сразу заметил посетителя, шеф жандармов, человек пронизательный, понял, кто перед ним. Он заговорил с узником и задал множество вопросов, возникших у него при чтении Священного Писания. Под конец он спросил:

— Как следует понимать, что Бог — всеведущий Бог, сказал Адаму: где ты?

— Верите ли вы, — ответил раби, — что Писание вечно, что оно объемлет все эпохи, все поколения и всех людей?

— Я верю в это, — ответил тот.

— Так вот, — сказал цадик, — в каждую эпоху Бог обращается к каждому человеку: "Где ты в твоём мире? Прошло так много лет и дней из отпущенных тебе; как далеко ты продвинулся в твоём мире?" Бог говорит примерно так: "Ты прожил сорок шесть лет, как далеко ты ушел?"

Осознав, что назван его точный возраст, шеф жандармов сделал над собой усилие и, положила руку на плечо раби, воскликнул: "Браво!" Но сердце его трепетало."

Легенда есть легенда. В ней важны не исторические детали, но смысл и мораль. Может быть, цадика посещал начальник тюрьмы (жандармы при Павле I еще только появились). Важнее другое: что в речи р.Шнеура выражена основная идея еврейской религии, идея осмысленности существования человека и целенаправленности его жизни, главным в которой является, конечно, не сиюминутный успех, не карьера (тем

более полицейская), а служение Богу и выполнение Его заповедей. И даже узник, живущий по этим принципам, оказывается сильнее своего тюремщика.

Здание бывшей Кунсткамеры (Университетская набережная, 3) построено в 1718—1734 гг. архитекторами Г. Матарнови, Н. Гербелем, Г. Киавери и М. Г. Земцовым. В середине XVIII века здесь находилась Имераторская академия наук. Академия в то время почти сплошь состояла из иностранцев. Ломоносов, работавший здесь с 1741 по 1766 гг., был редким исключением. Примерно в то же время почетным членом Академии состоял знаменитый врач, выходец из Португалии, Антониу Нунес Рибейру Санчес (см.: Академия наук СССР. Персональный состав. 2 т., М., Наука, 1974).

А вот что сообщает о Санчесе (Саншесе, Санхосе) Еврейская энциклопедия. Он родился в 1699 г. в зажиточной и образованной семье в Пегна-Макоре (Португалия). По окончании медицинского факультета работал у знаменитого врача Бургавы, который и рекомендовал его русскому правительству, искавшему ученых медиков. С 1731 г. Санчес в России. Он состоит физикусом (врачом) при медицинской канцелярии в Москве, врачом в действующей армии, затем медиком при сухопутном шляхетском корпусе в С.-Петербурге. Здесь он приобретает славу отличного врача и становится вторым лейб-медиком императрицы Елизаветы. В 1744 г. он вылечивает опасно больную невесту принца Петра Федоровича, будущую императрицу Екатерину II. В 1747 г. из-за болезни глаз Санчес оставляет свою должность и уезжает в Париж. В том же году по его просьбе Академия наук избирает его почетным членом с жалованьем 200 руб. в год. Но неожиданно, через год, по приказанию Елизаветы президент Академии Разумовский исключает Санчеса из числа ее почетных членов. Больной, оказавшийся без средств ученый пишет оправдательное письмо в Академию, полагая, что его исключили по подозрению в неблагонадежности. Оказалось же, что причина была совсем иная: предполагаемое еврейство Санчеса. Разумовский узнает эту новость от канцлера Бестужева (или

Шувалова — см.: И.Г.Оршанский. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877) и передает ее Санчесу так: "Она (императрица) полагает, что ее совесть не позволяет ей оставить в своей академии человека, который оставил знамя Христа и решился сражаться под знаменем Моисея и ветхозаветных пророков." (Русский архив, 1870, с.280.) Санчес отвечал, что "такое обвинение (иудейство) ложно, и есть тем более клевета, что я католической религии, но что я не забочусь опровергнуть это, потому что мне от рождения суждено, чтобы христиане признавали меня за еврея, а евреи за христианина и что, сверх того, провидением это предназначено крови, текущей в моих жилах, той самой, что была и у первых святых церкви и святых апостолов, униженных, преследуемых и мучимых при жизни, чтимых и поклоняемых после их смерти".

Вся эта переписка дает веские основания думать, что Санчес был родом из португальских марранов и даже, может быть, интересовался иудейством, а то и соблюдал какие-то еврейские обряды. Ведь что-то в его поведении должно было вызвать подозрение, по которому он был исключен из Академии. Мы ведь знаем, что многие марраны продолжали после крещения тайно придерживаться иудейства.

Вступив на престол, Екатерина II вспомнила о престарелом опальном ученом, спасшем ей когда-то жизнь. Санчес вновь становится членом Академии, и ему назначается пожизненная пенсия в 1000 рублей в год. Умер Санчес в Париже, оставив после себя немало научных трудов по медицине, в частности, хорошо известную в свое время книгу о лечении сифилиса, а также труд о лечебных свойствах русских бань. В переводе с французского название книги звучало так: "О парных российских банях, поелику споспешествуют оне укреплению и восстановлению здоровья". И, наконец, после Санчеса осталась неопубликованная рукопись "Происхождение преследования евреев", содержание которой не оставляет никаких сомнений в еврейском происхождении автора.

Лысый череп, худая шея, напряженные скулы, сильно выраженные надбровные дуги — таким изображен Антонио Санчес на маленькой иллюстрации в сборнике "Академия наук

СССР”, — выдающийся человек, которому религиозный фанатизм XVIII века не простил даже прошлого еврейства.

Подойдя к зданию бывшего Петербургского университета (Университетская набережная, 7), вспомним, в первую очередь, выдающегося деятеля ранней русской гаскалы Л.И.Мандельштама, который стал первым евреем, закончившим российский университет.

Лев Иосифович (Лейб Иосселевич) Мандельштам (1819—1889) родился в местечке Новые Жагоры на полпути между Вильно и Ковно. Он получил не только традиционное еврейское образование, но и успел познакомиться с работами последователей немецко-еврейского просветителя Моисея Мендельсона, изучал иностранные языки. Вот как об этом вспоминает сам Мандельштам (здесь и далее цит. по сб.: “Пережитое”, изд. Брокгауз и Ефрон, СПб., 1910): “...Из простой семьи, денно и ночью занимался Талмудом и в 12 лет получил эпитет “илуй” (отличный) и симптомы чахотки. Много читал, благодаря отцу и старшим братьям, из учебников Мендельсона, потом философию Маймонида, Спинозы. Языкам учили офицеры, приходившие на бильярд.”

В 17 лет Мандельштам женится, но вскоре разводится из-за конфликта с родителями жены. Прочитанные книги толкают его продолжать образование. Он делает попытку сдать экзамены за курс виленской гимназии — неудачно. Вторая попытка оказалась успешнее. Из письма попечителя белорусского учебного округа ректору Московского университета: “По вторичному испытанию Мандельштама Совет Виленской гимназии хотя и не признал оказанных им сведений соответствующими полному гимназическому курсу, но нашел их однако же достаточными для дозволения поступать ему в университет... Основываясь на этом заключении и приняв в соображение природные способности помянутого Мандельштама, составляющего необыкновенное среди единоверцев своих явление, его любовь к наукам и т.д., я (попечитель) решился отправить его в Московский университет вольным слушателем.”

Не правда ли, странно? Еврей показывает на экзамене

знания ниже минимальных, а официальный чиновник, тем не менее, выдает ему аттестат, да еще снабжает рекомендательным письмом в университет. Чтобы понять этот феномен, нужно вспомнить внутреннюю политику русского правительства по отношению к евреям в те годы.

С 1825 г. на русском престоле — Николай I, ревностный гонитель всякого инакомыслия в стране, а следовательно, и иудаизма. Стремясь превратить свою страну в казарму, а подданных в безликих солдат, он выбирает силу как главное средство в достижении своей цели. Для евреев это означает роспуск кагалов (общинного самоуправления), введение воинской повинности и института кантонистов с целью насильственного крещения еврейских детей, усиление цензуры на еврейскую печать, даже сжигание признанных вредными книг, введение дополнительных налогов на традиционную одежду, субботние свечи и т.д. Однако через 15 лет даже Николаю I и его чиновникам стало ясно, что кавалерийским наскоком твердыню еврейской религии не возьмешь. А так как причиной "всех зол" в который раз был признан Талмуд, то было решено подорвать изнутри систему традиционного еврейского образования, создав для этой цели сеть переходных "христианизирующих" школ. Двигателем нового курса стал министр народного просвещения Н. Уваров.

Привыкшие не ждать ничего хорошего от правительства, еврейские общины восприняли "просветительную" кампанию Уварова как новое средство склонить евреев к перемене религии. В народе так прямо и говорили, что прежде крестили через казарму, а теперь будут еще и через школу. Не удивительно поэтому, что никто из родителей и не думал отдавать своих детей в новые школы, а "просветительная" реформа вскоре провалилась. Забегая вперед, скажем, что обучение в русских учебных заведениях стало популярным среди еврейской молодежи только во время правления Александра II, когда диплом начал давать некоторые гражданские права без перемены религии.

Тогда же, в 1840 году, правительству очень важно было пробить брешь в пассивном сопротивлении "упрямого народа" и заманить хотя бы отдельных лиц в систему русского образования, чтобы те могли стать примером для остальных. По-

литика властей совпала с устремлениями первых маскилов (еврейских просветителей), видевших в светском образовании главный рецепт лучшего будущего для своего народа. В те годы маскилы еще нередко сотрудничали с правительством, которое преследовало свои собственные цели и поддерживало нарождающуюся еврейскую интеллигенцию до тех пор, пока та боролась за реформу еврейской жизни, не требуя для своего народа гражданских прав.

Теперь нам ясны и мотивы поведения русских чиновников, и взгляды самого Мандельштама, о которых мы узнаем из его "Записок": "Три идеала управляли донныне моим духом и сердцем: образование, родина и моя нация." Отправляясь в далекое неизведанное путешествие в Москву, он ощущает исключительную значимость своего поступка для будущего народа, почти мессианское свое предназначение и непонимание его роли братьями, для которых он хочет только добра. "Так я стою теперь — дикий, сильный, свободный сын природы, любящий свое отечество и язык родного края, но несчастный несчастием своих единоверных братьев. Я разгневан на их ожесточение, губящее их способности, но я привязан узами родства и чувства к их бедствиям. Цель моей жизни есть оправдать их перед светом и помочь им удостоиться этого оправдания. Они не злы и не неизлечимо испорчены, но они лежат как отчаянный больной со стиснутыми зубами и не хотят целительных капель из рук врача, но может быть, их сын родной, часть их души, страдающий с ними вместе, успеет их к этому склонить."

Легко понять недоверие и плохо скрытое беспокойство, с которым относилось традиционное еврейство к "новому курсу" правительства и к призывам кооперировавшихся с ним еврейских просветителей. Вот цитата из письма к Мандельштаму его брата, выросшего, как и он, не в самой ортодоксальной семье. Как сильны в нем горестные пророчества по отношению ко всему новому поколению молодежи: "Отец дал тебе платье, ты его переменишь, мать играла твоими кудрями, ты их срежешь. Ты станешь говорить языком, для нас непонятным, и будешь писать рукою, для нас незнакомою. Лишь не измени своей детской любви к отцу и матери нашим... брат, брат, не забудь своих родных."

На пути в Москву юноша встречает кантора, который, узнав о цели его путешествия, спрашивает: "Зачем вы едете? Вы могли быть первым в своем народе, а оставляете все, чтобы быть последним среди ученых христиан." Мандельштам отвечает: "В Талмуде сказано: будь лучше последним у львов, чем первым у зайцев." Так цитата из Талмуда объясняет, где львы, а где зайцы.

Мандельштам поступает в Московский университет, потом переводится в Петербургский, который заканчивает в 1844 г., со степенью кандидата философии (общая словесность). В соответствии со своими юношескими устремлениями он посвящает свою жизнь просвещению родного народа. Печатается в "Еврейской библиотеке"; находясь за границей, переводит Пятикнижие и Псалмы на русский язык для евреев; книги выходят параллельно с еврейским текстом сначала в Вене и только через несколько лет — в 1869 г. — в России. Там же, за границей, Мандельштам занимается научной работой, изучает философию и клинопись. После бегства в Америку главного еврейского помощника Уварова в осуществлении "просветительских" реформ, М. Либиенталя (тот эмигрировал, когда в министерстве ему открыто предложили креститься), Мандельштам был назначен на должность ученого-еврея при министерстве народного просвещения, содействовал осуществлению планов Уварова, открытию государственных училищ для евреев. Он даже составил ряд учебных пособий для этих училищ, но так как план провалился, Мандельштам в 1857 г. оставляет пост и опять уезжает за границу. Последние годы ученый доживал в Петербурге, в сильной нужде. Библиотека его была описана приставом еще при его жизни. Умер он на пароходе при переезде с Васильевского острова на Петроградскую сторону, но не был опознан как еврей и похоронен с православными. Только впоследствии его прах перехоронили на Преображенском кладбище.

Современники писали о Льве Иосифовиче как о человеке, исполненном чувства собственного достоинства, отзывчивом к чужому горю, мечтательном и романтическом. Он способствовал напечатанию многих книг (нередко за свой счет), которые хотя и не имели шансов быть проданными с выгодой, но были, по его мнению, полезны народу. Доживая свой век в

нищите, всеми забытый, он никому не жаловался на свое положение. Его мемуары "Из записок первого еврея-студента в России" полны интересных и остроумных наблюдений о жизни евреев в середине XIX века.

Еще при жизни Мандельштама ситуация с образованием резко изменилась. Еврейская молодежь 80-х годов штурмовала университеты, так как диплом обещал лучшую жизнь и право селиться вне черты оседлости. Процентная норма, введенная в 1887 г., разрешала принимать не более 10 евреев от общего числа студентов в вузы западных губерний, 5 — вне черты оседлости и 3 — в вузы Петербурга и Москвы. Кроме того, некоторые высшие учебные заведения (например, институт железнодорожных инженеров и медико-хирургическая академия) были полностью закрыты для евреев, а в черте оседлости вузов было крайне мало. Тот, кто не попадал в российский университет, ехал, если позволяли средства родителей, получать образование за границей. Справочная книга "Рассвета" за 1910 г. специально с этой целью сообщает условия приема в европейские учебные заведения.

После революции 1905—1906 гг. советы профессоров и вузов получили право самостоятельно формулировать условия приема студентов. Это привело к временной отмене процентной нормы. Вместе с либеральными преподавателями за отмену дискриминации стояли и многие студенты. На одной из студенческих сходов Петербургского университета в 1906 г. было решено: "...признать принцип открытых дверей в университет, т.е. прием без различия национальности, вероисповедания, возраста и пола; упразднить процентное ограничение для евреев; принять в настоящее время всех евреев явочным порядком." (См. Т.Шатилова. Эпизоды из жизни еврейских студентов. Еврейская летопись.⁸)

В 1908 г. процентная норма была опять введена законом, что сначала резко снизило прием новых еврейских студентов, т.к. общий процент учившихся превосходил норму из-за послаблений 1906—1908 гг. Вообще, в министерстве просвещения считали, что еврейские студенты учатся для уклонения от воинской повинности и для того, чтобы получить право проживания в университетских городах в целях, ничего общего с обучением не имеющих. При этом никто не сомневался,

что еврейские студенты оказывают давление на неевреев во многих вопросах университетской жизни, причем "влияние студентов-евреев поддерживается присущей этой национальности взаимопомощью" (см. ту же статью Т. Шатиловой⁸).

По данным ОПЕ (Общества для распространения просвещения среди евреев России), в 1886 г. (до введения процентной нормы) в Петербургском университете обучалось 268 евреев (11,4%), в 1911 г. (через 3 года после введения процентной нормы — 661 (7,8%). Данные по Одесскому университету за те же годы соответственно: 172 (29,8%) и 513 (19%). За границей в 1913 г. обучалось 12 тыс. студентов из России, 60% которых были евреями. Из всех студентов 35% учились в Германии, 25% — во Франции.

С 1911 г. еврейская общественность России пыталась организовать частный политехнический институт без процентной нормы, чтобы хоть как-то улучшить дело с высшим образованием для евреев. Эти попытки усилились, когда из-за Первой мировой войны отпала возможность учиться за рубежом. 21 января 1917 г. был, наконец, открыт Политехнический институт в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Он принял первых 300 студентов-евреев. Устав института предполагал изучение истории евреев, еврейской литературы и пр. Выходным днем была объявлена суббота. Впоследствии институт вошел в государственную сеть вузов.

Перечислить всех заметных людей еврейского происхождения, окончивших Петербургский (Ленинградский) университет, конечно, невозможно. Отметим хотя бы некоторых из тех, кто был известен в области еврейского просвещения и культуры в Петербурге. Это барон Д.Г. Гинцбург, ученый-востоковед, кандидат университета и председатель петербургской общины; И.Г. Эйзенбет, учредитель и директор еврейской гимназии на Театральной площади (окончил университет по юридическому и восточному факультетам); И.Ю. Маркон, востоковед, редактор журнала "Гакедем" (восточный факультет); М.И. Шефтель, председатель общества научных еврейских изданий (юридический факультет). Профессорами университета были этнограф Л.Я. Штернберг (см. экскурсию по кладбищу), историк С.Н. Валк, а также нееврей, но один

из первых добросовестных историков евреев Литвы и Польши, С.А. Бершадский.

На Университетской набережной Васильевского острова, сплошь застроенной архитектурными шедеврами, тем не менее выделяется массивное, отовсюду заметное здание под номером 17. Это Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина (бывшая Российская Академия художеств). Построено здание Академии в 1764—1788 гг. архитекторами А.Ф.Кокориновым и Ж.Б.Валлен-Деламотом. Каменный спуск от Академии к Неве сторожат настоящие египетские сфинксы.

Сфинксы эти воспеты Давидом Шимоновичем, одним из поэтов, возрождавших иврит. Приведем здесь первые строфы его стихотворения "Сфинксы" (1910) в переводе С.Маршака (из кн.: "Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии". Под ред. В.Ф.Ходасевича и Л.Б.Яффе. "Сафрут" [1918]).

Эта полночь полна волшебства.
Мрамор зданий сияньем облит,
И во сне беспокойном Нева
Плещет в черный, недвижимый гранит.

И встают среди ночной синевы
Два гиганта — два сфинкса у вод...
Тихо слушают ропот Невы,
Белый Север им песню поет.

Я иду к ним в сияньи немом,
В царстве белых волнующих чар.
Город спит, отягченный грехом,
И во сне его душит кошмар.

Над дворцами застыли рои
Легких тучек — лазурных, как лед.
Вот изгнанники — братья мои —
Сфинксы дремлют у северных вод.

.....

Помнящие еще, быть может, поколение исхода, эти сфинксы сто лет назад стали свидетелями дотоле невиданного процесса — появления знаменитых художников и скульпторов среди евреев.

Отношение еврейской ортодоксальной традиции к изящным искусствам уже обсуждалось в нашей первой экскурсии (фрагмент о М.Л.Маймоне), и мы повторяться не будем. Но здесь, у Академии художеств, думается, уместно вспомнить тех, кто в ней работал и учился. Кроме упоминавшихся ранее М.М.Антокольского и М.Л.Маймона, это И.Я.Гинцбург, Л.С.Бакст, И.Л.Аскназий, И.И.Бродский, Я.Г.Гервиц, Ю.М.Пэн. Расскажем о некоторых из них.

Скульптор Илья Яковлевич Гинцбург родился в 1860 году в Вильно, а умер в Ленинграде в 1939 г. Когда ему было 11 лет, на талантливом мальчика обратил внимание тогда еще молодой Антокольский и привез его учиться в Петербург. Первые годы Гинцбург учился у самого Антокольского, затем — в Академии художеств (1878—1886), а затем за границей на средства барона Гинцбурга. Известность и славу Илье Яковлевичу принесла длинная галерея скульптурных портретов его великих современников: композиторов, писателей, ученых, политических деятелей. Это — Л.Толстой, А.Рубинштейн, Чайковский, Римский-Корсаков, Шишкин, Л.Пастернак, Менделеев, Г.Гинцбург, Антокольский, Родичев, Милюков, Шаляпин. И.Я.Гинцбург — автор богатой скульптуры В.В.Стасова на надгробном памятнике знаменитому критику в Александро-Невской лавре, скульптуры — головы умирающего Антокольского на Преображенском кладбище (1909, не сохранилась), памятника Гоголю на Полтавщине (1910). Еще два бронзовых памятника работы И.Я.Гинцбурга были установлены в Ленинграде при советской власти: Г.В.Плеханову (1925) перед Технологическим институтом, и рядом, у Института метрологии, — Д.И.Менделееву (1932).

Интересны воспоминания скульптора "Из прошлого", вышедшие в Госиздате в 1924 г. Там замечательно описано еврейское детство И.Гинцбурга в Вильно, его многолетняя дружба с М.Антокольским, встречи с Л.Толстым, П.Кро-

поткиным, Г.Гинцбургом, М.Боткиным, В.Стасовым, В.Верещагиным, В.Серовым. Илья Яковлевич участвовал и в работе еврейских организаций. Он был товарищем председателя Еврейского общества поощрения художеств, а затем директором историко-этнографического музея. Жил он рядом с Академией, на 2-й линии В.О., д. 11 (1904).

Художник Исаак Львович Аскназий родился в местечке Дрисса Витебской губернии, в 1856 г., умер в 1902 г. в Москве. Он почти не известен широкой публике, а между тем — стал академиком живописи, не достигнув 30 лет, и был очень популярен. В Академии художеств Аскназий учился в 1870—80 гг. Тематика его работ была, как правило, глубоко еврейской. Это библейские и исторические сюжеты, бытовые сцены. Чувствуется влияние передвижников. Лучшие его работы: "Авраам изгоняет Агарь и Исмаила", "Еврейская свадьба", "Канун субботы", наконец, самая известная его работа — "Потопление евреев в Полоцке при Иване Грозном в 1563 г.". Сюжет картины основан на историческом факте, связанном с завоеванием Полоцка Иваном Грозным в ходе русско-польской войны. Это был первый случай, когда вместе с городом русскому царю досталась значительная община евреев. На запрос воеводы — что делать с ними? — Иван Грозный приказал всех заставить креститься, а кто откажется, тех топить в реке. Это и было исполнено. Картина находилась в Петербурге, в коллекции С.Л.Гуревича. Где она сейчас, мы не знаем.

До переезда своего в Москву И.Л.Аскназий жил также на Васильевском острове: Малый пр., 10 (1894).

Юрий Моисеевич Пэн родился в городке Новоалександровске Минской губернии в бедной еврейской семье. В 1879 г. он, по совету И.Л.Аскназия, тогда студента Академии Художеств, едет поступать в Академию, но его не принимают. В 1882 г. Пэн снова поступает, на этот раз успешно. Его товарищами по Академии становятся В.Серов и М.Врубель. В 1891 г. Юрий Моисеевич поселяется в Витебске, где основывает художественную студию, ставшую первой школой

живописи и скульптуры во всей Белоруссии. Именно эта студия сделала имя художника знаменитым. Ведь из студии Пэна вышел Марк Шагал. Кроме него еще некоторые другие выдающиеся художники были учениками Ю.М.Пэна: С.Юдовин, З.Азгур, С.Гершов и др. Не случайно именно в Витебске в 1919 г. на основе пэновской студии М.Шагал открыл академию живописи, в которой кроме него и Пэна преподавали К.Малевич, Э.Лисицкий, А.В.Куприн. Ю.М.Пэн прожил в Витебске до самой своей смерти в 1937 г. (он был убит родственником). Многие художники гордились тем, что были его учениками. Кроме того, сохранилось множество картин самого Пэна, в том числе в музее Витебска. Среди персонажей его работ часто встречаются типы простых евреев: портной, часовщик, швея, дети, старики и старухи. Есть автопортрет и портрет Шагала, пейзажи, бытовые, жанровые сцены, виды Витебска. Картины Пэна запоминаются надолго, как всякое настоящее произведение искусства. В его манере еще сильны традиции русского реализма, но уже чувствуются и новые веяния.

Совсем иных взглядов и эстетических принципов придерживался в своем творчестве Леон Бакст (Лев Самойлович Розенберг; 1866, Гродно, — 1924, Париж). Он представлял новое поколение живописцев (в Академии — с 1883 по 1887) и был весьма ассимилированным евреем. Время и талант связали Бакста с той группой художников, которые в значительной степени обеспечили взлет русской школы живописи. Вместе с товарищами по Академии — А.Бенуа, Б.Анисфельдом, М.Добужинским и др. — он образовал творческий союз "Мир искусства". Кто сейчас не знает о "мир-искусниках"? В Русском музее, Третьяковской галерее хранятся работы Сомова, Лансере, Бенуа, Грабаря. Есть картины и Бакста. Он много работал в книжной графике и станковой живописи, но самые замечательные его работы относятся к театру. В Александринском театре Петербурга Бакст оформлял спектакли в греческом духе (в частности, по трагедии Еврипида "Ипполит", 1902—1903). Бакст совершил поездку в Грецию, интерес к древнему искусству которой, а также к Востоку, прослеживается во всем его творчестве. Когда в 1909 г.

Бакста как еврея без права жительства выслали из Петербурга, он примкнул к балетной труппе С.Дягилева и переехал в Париж, где стал основным художником всех постановок знаменитой труппы. Это "Египетские ночи" А.Аренского (1909), "Шехерезада" Н.Римского-Корсакова (1910), "Жар-птица" И.Стравинского (1910) и др. Считается, что Леон Бакст оказал большое влияние на развитие европейского театра, сделав яркие стилизованные костюмы и декорации важнейшим элементом театрального зрелища. Его костюмы усиливали эффект спектакля, подчеркивали динамику танца актера. Помимо работы с Дягилевым, Бакст оформил немало спектаклей в театрах Парижа, Лондона, Рима, Нью-Йорка. Его петербургский адрес — Звенигородская ул., 22. В молодости у Бакста, как и у Пэна, учился Шагал.

Художники, скульпторы, архитекторы часто селились на Васильевском острове, вблизи своей Академии. Архитектор Яков Германович Гервиц, автор проекта синагоги на Преображенском кладбище, жил по адресу: Средний пр., 11. В Академии он много лет был профессором.

Прямо против Академии в доме Воронина (адрес: 5-я линия, д.4) в 1870—1872 гг. жил М.М.Антокольский (см. экскурсию по Преображенскому кладбищу). Его квартира находилась на 4-м этаже. Когда Марк Матвеевич привез 11-летнего И.Гинцбурга в Петербург, мальчик первое время жил в этой же квартире. Мастерская Антокольского помещалась в самой Академии, на 4-м этаже. Там, в 1871 г., скульптора посетил Александр II.

Недолго на 1 линии в доме 4, возле Румянцевского садика, жил в бывшем доме Давида Гинцбурга Натан Исаевич Альтман (1922). В Петербургской академии он не учился, профессиональное образование получил в Одессе и в Париже. Кроме общеизвестных портретов Ленина, Луначарского, Ахматовой художник много работал для еврейского театра. Он оформил спектакли "Гаддибук" в театре Вахтангова "Габима" (1922), "Уриэль Акоста" Гуцкова (1921), кинофильм "Еврейское счастье" (по Шолом-Алейхему). В области книжной графики Н.Альтман оформил "Бар-Кохбу" С.Галкина, "Горит"

И.-Л. Переца (1940). Замечателен его портрет Михоэlsa. Список можно было бы продолжить. Интерес к еврейскому искусству не покидал художника никогда.

Все перечисленные здесь адреса художников и скульпторов и сегодня указывают места, где эти люди некогда жили: дома сохранились и перенумерации не подвергались.

Только что мы упомянули дом барона Д. Гинцбурга на 1 линии. С этим адресом связана также история первого еврейского светского вуза — Курсов востоковедения. В 1907 г. в журнале "Гакедем" было помещено объявление, что "по указу от 15 сентября этого года Государственное Министерство высшего образования разрешило барону Д. фон Гинцбургу открыть высшую школу еврейских знаний под названием Курсы востоковедения в г. Петербурге". Хотелось бы привести здесь всю программу курсов, но в рамках популярного текста сделать это не представляется возможным. В этом случае пришлось бы составить обширные пояснения к словам: масора, экзегетика, мидраш, агада, таргум, пасук, каббала, псевдо-эпиграф, гомилетика, новеллы, респонсы и т.п. И даже те понятия, которые выглядят внешне знакомыми, равно мало известны современному читателю. Что значит, например, еврейская палеография или еврейская риторика? А ведь это только названия!

Короче говоря, на курсах учили многому. Во-первых, давался научный анализ Библии и Талмуда со всеми переводами, апокрифами, толкованиями, комментариями, комментариями к толкованиям, а также историко-археологическими сведениями по этому предмету. Во-вторых, студентов учили всеобщей еврейской истории, истории еврейской литературы, философии, еврейским языкам, а также истории, философии и языкам народов, соприкасавшихся с евреями, с показом взаимодействия культур. В отдельные темы были выделены, например, история и география Палестины, арабский язык, раввинская литература, средневековая еврейская поэзия, влияние восточной литературы на русскую, психология и педагогика

и др. Как можно видеть, окончившие эти курсы должны были иметь солидную эрудицию.

Преподавали на курсах: сам Д. Гинцбург (языкознание, религиозная философия), он же был ректором, а также — д-р А. Зарзовский (языкознание, Библия и апокрифы, история и география Древнего Востока), д-р Л. И. Каценельсон (Талмуд и Мидраш), кандидат востоковедения И. Гинцбург (языкознание, Талмуд и Мидраш, религиозная философия), кандидат востоковедения И. Маркон (история еврейской литературы), С. Дубнов (еврейская история), В. Ашкенази (педагогика и дидактика).

Курсы размещались сначала в доме Д. Гинцбурга (1 линия, д. 4), но в действительности первое время работали в помещении еврейской гимназии И. Эйзенбета на Никольском переулке, д. 7 (ныне — ул. Мясникова, здание сохранилось). Вскоре курсы переехали на 8 линию В. О., д. 35 (бывший №33), где было устроено и студенческое общежитие. Здесь же жил С. Дубнов. С 1911 по 1913 гг. адрес курсов вновь изменился — 6 линия, д. 5 (здание сохранилось), а в июле 1913 г. курсы окончательно переезжают в здание еврейской богадельни по 5 линии, д. 50.

Занятия все же иногда проводились в доме Давида Горадиевича Гинцбурга (до его смерти в 1910 г.), когда их вел сам хозяин. По воспоминаниям С. Дубнова, барон не подчинялся строгой программе, а читал "по вдохновению". Приглашал студентов в свою огромную библиотеку, где на столах были разложены редкие фолианты рукописей и старопечатных книг, брал какую-нибудь средневековую книгу, скажем, "Море Невухим" Маймонида и предлагал ученику читать, а сам объяснял прочитанное. Слушателями курсов были вчерашние ешиботники, самоучки из провинции. Частично они уже знали то, что им преподавалось, так как все были знакомы с религиозной литературой и еврейскими языками. Точное число студентов нам не известно. Но вот, например, Дубнов вспоминает, что его курс средневековой еврейской истории слушало около сорока человек. Среди студентов по уровню подготовки выделялись одесситы, ученики И. Л. Клаузнера, писавшего историю на иврите. Один из студентов, Залман Рубашов, впоследствии возглавил еврейское рабочее движение в Па-

лестине, а затем стал даже президентом Израиля под именем Залман Шазар*. Его будущая жена, Рахиль Каценельсон, училась вместе с ним. Некоторые слушатели являлись одновременно студентами Петербургского университета или Бес-тужевских курсов. Среди студентов выделялся своей эрудицией высокий сутулый блондин, выходец из хасидской семьи местечка Барановки Волынской губернии, Ихия Равребе. Он прекрасно владел еврейской грамматикой, писал стихи на иврите. Первая в России опера на иврите "Самсон и Далила" была поставлена в Тенишевском училище. Либретто оперы перевел И. Равребе. Студенты в большинстве своем не имели права на жительство в столице. Перебивались тем, что давали мелкие взятки дворникам и швейцарам. В общежитии на 8 линии их селили по двое в комнате, но Равребе жил один, и это считалось естественным. Юноши много времени проводили вместе, гуляли по Петербургу, и никто не думал тогда, что один из них, Давид Шимонович, напишет об этом стихи.

Многие студенты подрабатывали частными уроками иврита. Равребе, как самого выдающегося, пригласили учить детей петербургского духовного раввина Д. Каценеленбогена. Вечерами в общежитии разгорались споры: ученики Клаузнера спорили с учениками Дубнова, социалисты — с сионистами. Деликатный и замкнутый Ихия Равребе не участвовал в этих спорах. Он усиленно занимался, писал стихи, работал в Обществе любителей древнееврейского языка и Обществе любителей еврейской литературы. Ему предстояло в будущем стать крупным ученым-историком и востоковедом, автором множества научных работ и даже расшифровать древнюю надпись, найденную при раскопках в Сирии. К сожалению, его звезда, звезда первой величины, взошла тогда, когда в целом для еврейских наук в России наступил закат. Курсы востоковедения существовали до 1917 г. Хотя они и назывались иногда в справочниках Высшими курсами еврейских знаний и даже Еврейской академией, все же это было небольшое частное заведение, существовавшее на деньги семьи баронов Гинцбургов и предназначенное для обучения небольшого числа студентов. Все — и программа курсов, и преподавательский состав —

* Шазар — аббревиатура от имени Шнеур-Залман Рубашов.

зависело от выбора покровителя, барона Гинцбурга. Даже на состав студентов он мог влиять, иногда помогая с правом на жительство. Настоящим еврейским вузом Курсы востоковедения все же не стали.

Следующим, более внушительным начинанием в этом направлении стало создание Еврейского университета в 1919 году.

Недалеко от дома Д. Гинцбурга, в красивом трехэтажном здании на углу 3-й линии и Большого проспекта (адрес: 3-я линия, д. 4/8, кв. 8), жил действительный статский советник, купец первой гильдии Лев Павлович (Арье-Лейб Файвелевич) Фридлянд (1826—1898). Фридлянд был заметной фигурой в еврейской жизни Петербурга. Он избирался членом правления общины еще в 1870-х годах. На Преображенском кладбище до сих пор сохраняется склеп семьи Фридляндов. В историю же купец вошел в основном благодаря другому человеку — библиографу и книжному фанатику Самуилу Еремеевичу Винеру. Винер жил неподалеку: Соловьевский пер., 23 (сейчас — ул. Репина).

Согласно характеристике Дубнова, Винер — "человек с пергаментным лицом и сам живой пергамент с начертаниями заглавий всех старопечатных еврейских книг". Именно Винер уговорил Льва Павловича соорудить памятник умершей жене в виде книгохранилища старопечатных книг и манускриптов. Вдовец скупал целые библиотеки рукописей и книг через того же Винера, а затем завещал все это собрание Российской Академии наук для помещения ее в Азиатском музее (Университетская наб., д. 5) при условии назначения библиотекарем и составителем каталога того же Винера.

Официального образования у Винера не было. Он был типичным еврейским вундеркиндом. Еще в детстве он прославился тем, что составил каталог всех библиотек своего родного города. Поэтому право жительства в столице он получил условно, до окончания составления каталога. Ничего удивительного, что библиотекарь не торопился. За 30 лет он опубликовал только меньшую половину каталога. Вслед за Азиат-

ским музеем библиотеку Фридлянда унаследовал Институт востоковедения АН СССР. Там ее каталогизация ведется по сей день. До 1888 г. библиотека хранилась на квартире владельца.

Учащиеся и преподаватели Издательско-полиграфического техникума на 5-й линии В.О., д. 28, вряд ли знают, что в этом скромном двухэтажном здании в 1917—1922 гг. находилось профессионально родственное техникуму учреждение — еврейское издательство "Кадима" ("На Восток", или "Вперед"; иврит). Издательство имело сионистское направление. Это видно хотя бы из списка выходявших здесь книг: "Еврейское государство" Е.Герцля, "Сборник статей" М.Нордау, "Автоэмансипация" Л.Пинскера и др. Впрочем, для историка еврейского Петербурга наиболее ценной книгой издательства является "Еврейский ежегодник Кадима на 1918—1919 гг.". Из предисловия к нему читатель узнает, что до 1912 г. ежегодник издавался в Вильно, но уже 4-е издание (на 1912—1913, евр. 5673 г.) было конфисковано правительством, а против издателя и редактора был возбужден процесс. Виленская судебная палата разрешила выпуск календаря при условии, что 120 страниц, посвященных Палестине, будут изъяты. Предисловие заканчивается оптимистической нотой: "Только в 1917 году, после падения самодержавного режима, стало возможным приступить к подготовительным работам для нового издания". И действительно, в 1918 г. в Петрограде книга выходит совершенно свободно. Календарь буквально начинен разнообразной статистикой и различными сведениями о еврейской жизни. Приводится, например, численность евреев по всем странам и многим городам. Мы узнаем, что в европейской России в довоенные годы жило 6321 тыс. евреев и еще 177 тыс. в Закавказье, Средней Азии и Сибири. В европейской России, в бывшей черте оседлости, проживало в 1917 г. 3305 тыс. евреев, вне черты — 32 тыс., в Польше и Литве — 2448 тыс. Большую часть населения составляли евреи в Ковно и Варшаве (40%), Минске (50%), Бердичеве (78%). Интересны данные по состоянию образования евреев

в России. Мы узнаем, что в Петербурге в 1910 г. было 33 хедера с 176 учениками, 21 ученицей и 35 учителями; что среднее образование дети большей частью получали в коммерческих и частных училищах, где они (в Петербурге) составляли соответственно 30,4% и 37,3% всех учащихся; что в высших учебных заведениях России обучался в 1909—1910 гг. 7241 еврейский студент, т.е. 11% от общего числа студентов.

Показательна таблица смертности по возрастам и вероисповеданиям на 1896—1897 гг. Приведем только первую ее строку: на 1000 детей до года умерло православных — 282,8; лютеран — 178,5; католиков — 149; магометан — 166,4; евреев — 130,4.

Одним словом, невозможно здесь привести всю имеющуюся в Ежегоднике статистику. В нем есть еще интересные данные по преступности среди евреев, по эмиграции и пр. Весьма ценным для исследователя материалом является помещенный здесь перечень большинства еврейских обществ в России и за рубежом с указанием их адресов и направлений деятельности. Любопытно взглянуть и на перечень основных событий еврейской жизни в конце календаря. Ну и, конечно, заметную часть ежегодника занимает то, из-за чего издательство судилось в Вильне, — сведения о Палестине.

(Окончание следует)

-----ooOoo-----

БЕЛЛА ДИЖУР И ЕЕ ПОЭМА "ЯНУШ КОРЧАК"

Белла Абрамовна Дижур — старейшая писательница, ее творческий стаж насчитывает около полувека. В ее научно-популярных книгах для детей (их более 20) ярким и образным языком рассказывается о научных открытиях. Некоторые из этих книг переведены в ряде европейских стран и Японии. Белла Дижур также пишет стихи (у нее вышло три поэтических сборника), которые высоко оценили такие разные поэты как Николай Заболоцкий и Маргарита Алигер, Вера Инбер и Давид Самойлов.

Широкую международную известность принесла Белле Дижур ее поэма "Януш Корчак". В 1980 г. она получила медаль имени Корчака, присужденную Польским комитетом Я. Корчака, а в 1983 г. Корчаковский комитет ФРГ удостоил ее звания лауреата.

Несколько слов о герое поэмы. Януш Корчак — псевдоним известного варшавского врача и педагога, популярного детского писателя (настоящее его имя Генрик Гольдшмидт). Он был основателем еврейского детского дома в Варшаве и руководил им свыше 30 лет. Педагогические принципы Корчака были направлены на воспитание в детях самопознания и самоконтроля и изложены в многочисленных трудах, а его прекрасные книги для детей, особенно "Король Матиуш I", пользуются популярностью во многих странах. Когда из Варшавского гетто гитлеровцы отправляли в концлагерь 200 воспитанников детского дома, Корчак мог спасти свою жизнь, но он не оставил детей и вместе с ними погиб в газовой камере Трелинки.

О подвижнической жизни и героической гибели Корчака поэтессе рассказал еще во время войны молодой тогда педагог А.Л. Левин (ныне профессор Варшавского университета). Это было на Урале, куда сотрудникам Корчака удалось вывезти спасенных еврейских и польских детей. Тогда же, под впечатлением этого рассказа, Белла Дижур и написала свою поэму о Корчаке. Но это произведение впервые уви-

дело свет только через 18 лет, в 1962 г., в сборнике "Улей" (Средне-Уральское книжное изд., Свердловск, тираж 3000 экз.). Второй раз в Советском Союзе поэма была напечатана в сборнике стихов Б.Дижур "Добрый вечер" (Средне-Уральское книжное изд., Свердловск, 1968, тираж 10 тыс. экз.). Оба раза текст поэмы не был напечатан полностью.

Поэма получила международное признание, ее перевели на польский, иврит, английский, а в 1979 г. в Нью-Йорке впервые на слова этой поэмы была исполнена кантата. На протяжении двадцати лет с момента опубликования поэмы "Януш Корчак" читатели разных стран выражают поэтессе благодарность за ее произведение.

Ниже приводятся отрывки из поэмы "Януш Корчак", которые не были опубликованы до сих пор.

ЛИРИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

1

Я не росла в глухих кварталах гетто,
Мне дым его печальный не знаком,
И, если честно говорить об этом,
Был не еврейским мой отцовский дом.
Не помню я ни песен синагоги,
Ни терпкого пасхального вина,
Ни судных дней, когда зывали к Богу,
Шепча таинственные имена.
Другие незабвенные картины
Еще теснятся в памяти живой —
Кедровых шишек полные корзины
Так ароматно пахли в кладовой,
Отец входил веселый и усатый,
Меня в салазках кованых катал.
А рядом был заснеженный, горбатый,
Озерный и задумчивый Урал.
Пушистые запомнились мне зимы,
На стенке васнецовский богатырь,
Лиловые и розовые дымы

И в детских снах загадочный упырь.
И синь, и даль, и сосны в окнах узких,
Цветастый кашемировый платок —
Все было светлым, северным и русским,
Как окающий нянин голосок.

2

Но где-то на пороге дальнем детства
Похрустывает тонкая маца
И древней крови смутное наследство
Еще живет в моих чертах лица,
И голос крови мой покой смущает,
Он жив еще и говорит во мне...
Вот так звезда — погибнет в вышине,
А свет еще на землю посылает.
И в дни, когда, как встарь, на перепутье
Народ мой вновь поруганный стоит,
Я вновь еврейка — всей своею сутью,
Всей силой незаслуженных обид,
Всей болью за погибших ребятишек,
Всей материнской сутью естества.
Да — я еврейка! Пусть же каждый слышит
Исполненные горечи слова.

.....

(Отрывок из Главы второй)

ВРАГИ ПРИШЛИ

1

В последние дни перед страшной датой
Он пишет книгу "Люди добры".
Но вот уже громовые раскаты
Где-то рушат миры.
И люди, закованные в железо
(И эти добры? О них ли речь?),

Пришли в твой город, чтоб грабить и резать
И дом твой сиротский сжечь.
Ты слышишь, ты слышишь тяжелый топот
Недружелюбный чужих сапог...
Нет! Кровью затопленную Европу
Никто добротой не сберег!
Солдаты эсэсовские идут,
Они людоедский гимн поют:
"Фон мессер шприцт дас юденблют,
Ох ист дас воль унд гут..."
Сверкает на солнце росую красной
"Веселый" солдатский нож...
Как люди "добры"! Как жизнь "прекрасна"!
Поистине, мир "хорош"...

(Отрывки из Главы третьей)

В ГЕТТО

I

Есть улицы, где дома взброд
Бегут, сторонясь друг друга.
А в этих было наоборот:
К лачуге жалась лачуга.
Тесней лепились стена к стене,
К проношенной крыше крыша,
Чтобы в испуганной тишине
Соседское сердце слышать.
Как будто украдкою из квартир
Выглядывали оконца
На серый и синий плывущий мир,
На равнодушное солнце.
И будто чьи-то глаза в слезах
Кричали мертвому Богу:
"Боже, помилуй!" Но черный страх
Полз от порога к порогу.
"О, вездесущий! Как ты высок!
В гневе непостижимом!"

Если бы ты опуститься мог
В клубах огня и дыма!
Взглянуть в пустые глаза матерей,
Услышать младенческий лепет,
Защитною тучей стать у дверей,
Внушающей страх и трепет.
Тысячелетия имя твое
Мы на земле утверждали,
Славили мы твое бытие
В радости и печали.
Что же теперь ты покинул нас
Наедине с врагами?
К нам поверни всевидящий глаз...
Всевышний да будет с нами."
Тихо на небе. Не слышит Бог,
Не шлет разящего града...
Видно, всеильный тоже оглох
От разрывного снаряда.

2

Тихо на небе и на земле...
Люди молиться устали.
Лежат обугленные в золе
Раздробленные скрижали.
И первое слово — "не убей" —
Повержено и забыто...
Алою кровью грудных детей
Обрызганы серые плиты.
Божьему свету конец пришел!
Настало дьявола царство.
Черное небо. Факелы. Стол.
Дымятся вина и яства...
Брошена Тора большим ковром
От синагоги до рынка.
Хрустит пергамент под сапогом,
Не выдержав поединка.
Танцуй же, танцуй, несчастный жид!
Танцуй, народное горе!

Пускай Адонай с небес глядит!
Танцуй по старинной Горе.
Струны скрипичные не поют,
Стонут они, рыдают...
Доволен фашист: "Иуде, гут!"
Самодовольно икает.
Молча склонился старик-скрипач,
Последняя песня спета...
С пергамента льется библейский плач,
Сдавленный столами гетто.

3

И опять уже полночь молчаньем полна,
И в бессоннице люди вздыхают.
Никого не обманывает тишина,
Ненасытная и глухая.
Никому не помогут молитвы и сны,
Адонай равнодушный и старый...
Потому что минуты твои сочтены
В залах гитлеровских канцелярий.
Там бессонный бухгалтер прикован к столу,
Счеты щелкают без передышки
И всю ночь перемалывают в золу
Человеческие излишки.
Там всю ночь, не смолкая, звенит телефон
И, склонившись, сидят машинистки.
И впечатаны в память грядущих времен
Ундервудские черные списки.

4

Лето сорок второго года.
Берлинский приказ — стереть с земли.
И вот сыновей моего народа
Последней дорогою повели.
Оживает тысячелетний прах
Истории неповторимой...
Идут обугленные в веках

Рабы Египта и Рима.
Четверо в ряд.
Потупленный взгляд.
Борода. Борода. Борода.
Беден? Богат?
Ты виноват —
Жил ты на свете?
Жил. Нет преступленья страшней —
Ты — еврей.
Молча идет
Мой древний народ.
На смерть. На смерть. На смерть.
Идут торопливо,
Мимо домов.
Мимо углов.
Смотрите — они еще живы!
Клеймо на груди желтеет...
Это — евреи.
Сердце горит.
Сердцу б навзрыд
Рыдать. Изойти слезами.
Но горе молчит.
И плачет навзрыд
Тишина сухими глазами.

-----ooOoo-----

А. М. ЯНОВИЦКИЙ⁹

ПРОФЕССОР БАТЦ РАЗОБЛАЧАЕТ ОБМАН, ИЛИ НОВЫЙ ОТРЯД БОРЦОВ С СИОНИЗМОМ

Передо мною книга среднего формата, в желтом картонном переплете, среднего объема (316 страниц). Издана она в США, в Торренсе, штат Калифорния, организацией с весьма странным названием, которое можно перевести как "Институт пересмотра истории". С оборота титульного листа на нас осклабился пышноусый шатен в изящных современных очках — автор книги. Краткая справка под фотографией уведомляет, что это — Артур Р. Батц (или Бутц — смотря на какой манер читать эту фамилию), он имеет степень магистра и является ассошиэйтед-профессором (т.е. внештатным преподавателем) электронно-вычислительной техники Северо-Западного университета Эванстона, штат Иллинойс. Однако его сочинение вовсе не по электронике и не по программированию. Название книги — "Мистификация двадцатого века", и тема ее — новейшая история.

Несколько странных деталей задерживают внимание пытливого читателя уже на титульном листе. Первая деталь — название. Оно перефразирует название другого, весьма известного сочинения — "Миф двадцатого века"; так назывался один из главных опусов Альфреда Розенберга, ведущего теоретика национал-социализма, позже — рейхсминистра оккупированных восточных территорий Третьего рейха, еще позже — подсудимого на Международном Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками.

Вторая интересная деталь: "Институт пересмотра истории" не значится ни в одном справочнике США и Англии (второй адрес института, указанный на обороте титульного листа, — британский). Остается только гадать, что это за таинственная организация.

Третья деталь: в книге главного редактора журнала "Советиш Геймланд" А. Вергелиса "Шестнадцать стран, включая Монако"¹⁰ упоминается некий чикагский профессор электро-

ники Артур Больц, действительно выступивший с попыткой пересмотра исторической науки. Фамилию профессора Вергелис, положим, искажил, но все остальные детали совпадают (Эванстон — пригород Чикаго). Пересказ труда Артура Больца, приведенный Вергелисом в его книге, тоже вполне совпадает с содержанием "Мистификации двадцатого века".

О чем же книга Батца, о какой мистификации идет речь? Эванстонский профессор утверждает, что общеизвестные сведения об уничтожении нацистами шести миллионов евреев во время Второй мировой войны — не более чем мистификация, величайшая мистификация двадцатого века. История геноцида вымышлена, она — ложь от начала до конца. Книга, представляемая читателю, призвана разрушить этот миф и разоблачить козни его сочинителей. Как считает Батц, он — впервые в послевоенной историографии — сделал это с исчерпывающей убедительностью, раз и навсегда.

Надо сказать, что "Мистификация двадцатого века" — не первая книга такого содержания, выходящая на Западе. У Артура Батца были предшественники, которых упоминает он сам в первой главе своего сочинения.

В первые два послевоенных десятилетия в Европе было два автора, которых можно считать предшественниками А.Р. Батца. Первый из них — Поль Рассинье, француз, который в 40—60-е годы выпустил ряд книг, где, опираясь на собственный опыт, отрицал существование газовых камер и факт уничтожения евреев нацистами как "историческую ложь". Второй автор, упоминаемый Батцем, — некто Йозеф Гинсбург, выпустивший в шестидесятых годах в Мюнхене три книги под псевдонимом Й.Г. Бург. Строго говоря, Бург не совсем предшественник нашего разоблачителя; он не отрицал гибели европейских евреев от рук нацистов в годы войны, однако считал, что у руководителей Третьего рейха не было плана систематического и полного уничтожения евреев; геноцид происходил стихийно, по инициативе снизу. Оба автора, по словам Батца, в 50—60 годы внимания к себе не привлекли.

В семидесятые годы появились новые авторы, считающие Холокауст* легендой или пытающиеся резко занизить его

* Холокауст — устоявшийся в зарубежной литературе термин, обо-

масштаб. Это анонимный автор опубликованной в 1969 г. в США книги "Миф о шести миллионах"; это Эмиль Арец, автор опуса "Бесовская арифметика лжи"; Тиз Кристоферзен ("Ложь Освенцима", 1973); Остин Эпп ("Шестимиллионное надувательство", 1973); Вольф Дитер Роте ("Окончательное решение еврейского вопроса", 1974). В это же время в США опубликован английский перевод книги Рассинье. Наконец, в 1974 году вышла брошюра англичанина Ричарда Харвуда "Действительно ли погибли шесть миллионов?". Размах подобных изданий весьма велик. Так, книга Харвуда вышла тиражом 800000 экземпляров; книга самого А.Батца к 1980 г. выдержала 4 издания.

Артур Р.Батц бегло отдает должное своим идейным предшественникам. Их сочинения, считает он, имеют ряд положительных сторон (в частности: "Брошюра Харвуда особенно хороша своей убеждающей силой..."), однако их недостатком является отсутствие веских доказательств: много ошибок, а главное — за фактическим материалом почти все они обращаются к воспоминаниям Рассинье. Только предлагаемая читателю книга является подлинно скрупулезным исследованием вопроса и дает убедительное и исчерпывающее опровержение "мифа о Холокаусте".

Коротко изложим аргументы А.Р.Батца. Главная идея, проходящая через всю книгу, — недостоверность всех документальных материалов, лежащих в основе "мифа о Холокаусте". Единственным источником сведений об истреблении евреев, утверждает автор, являются незаконные и юридически беспрецедентные Нюрнбергские процессы 1945—1949 гг. (Международный Нюрнбергский процесс 1945—1946 гг. над главными военными преступниками, а также 12 процессов, проведенных здесь же в 1946—1949 гг. американским трибуналом) и, в меньшей степени, некоторые более поздние аналогичные процессы, такие как процесс Эйхмана в Иерусалиме в 1961 г. и процесс над персоналом лагеря Освенцим, проведенный во Франкфурте-на-Майне в 1963—1965 гг. Однако почти все документы и свидетельства, собранные для этих

значающий уничтожение евреев нацистами во время Второй мировой войны. В русском языке такой термин отсутствует.

процессов, недостоверны и в действительности сфабрикованы державами-победительницами, а также Еврейским институтом ИВО*. По источникам, представившим судам эти материалы, автор делит их на несколько категорий:

1. "Еврейские документы", т.е. документы и свидетельства из еврейских источников, — все недостоверны и подложны, так как они еврейские.

2. Документы, представленные Советским Союзом и странами Восточной Европы. Все они подложны, так как исходят от коммунистов. Недостоверна вообще вся информация, исходящая от коммунистических стран, в том числе официальная статистика, данные переписей населения и т.п. Все, что известно о лагерях уничтожения в Польше: Майданеке, Белжеце, Хелмно и других — неправда, так как они были "захвачены" русскими; все, что сообщается о деятельности эйнзацгрупп СС в России и Прибалтике, тоже ложь и т.д.

3. Документы, представленные западными странами, — почти все они тоже подложны; они сфабрикованы бывшими военными противниками Германии, цель которых — опорочить Германию.

4. Документы, представленные самими немцами в помощь обвинению (в особенности на Франкфуртском процессе). Они, по большей части, тоже подложны, так как "германское политическое руководство (напомним читателю, что в период, о котором идет речь, 1963—1965 гг., руководство — это блок ХДС—ХСС), будучи марионеткой с самого начала своего создания, неизбежно заинтересовано во лжи, угодной завоевателям, и ведет себя соответствующим образом" (с.244).

Каким же данным можно доверять? Это, по мнению автора книги, официальные документы Третьего рейха (кроме тех, которые автор считает фабрикациями союзников и "Еврейского института ИВО"), некоторые воспоминания, в особенности — бывших лагерных служащих, в том числе и из СС, а также отчеты Красного Креста (впрочем, в угоду будущим победи-

* ИВО (Идише Висентшафтлихе Организацие — Еврейская научная организация) — наиболее значительный институт по изучению истории и культуры еврейского народа. Ныне работает в США.

телям даже Красный Крест иногда вставлял в свои отчеты явно ложные сведения).

Итак, некоторые достоверные в глазах Батца документы есть. Но и они могут быть истолкованы совершенно иначе. Например, циклон-б, поставлявшийся в Освенцим, мог быть использован попросту для дезинфекции одежды; крематории могли использоваться для сожжения трупов умерших от инфекционных болезней; евреев из Центральной и Западной Европы вывозили на восток не для уничтожения в газовых камерах, а для поселения на новоприобретенных территориях в России, тем более, что в официальных документах у немцев процесс депортации так и назывался: переселение, и т.д.

Основная задача книги — опровергнуть "миф об Освенциме": этому посвящена вся ее центральная часть. Освенцим, утверждает А.Р.Батц, был обыкновенным рабочим лагерем, созданным СС, чтобы снабжать рабочей силой заводы по производству стратегических материалов (синтетических нефтепродуктов и каучука "Буна"), принадлежавшие компании И.Г.Фарбен. (Такой завод действительно был в лагере Моновиц, или Аушвиц-III, входившем в лагерьный комплекс Аушвиц-Биркенау, известный нам под польским названием Освенцим.) В опровержение "мифа" автор приводит следующие соображения:

1. Разведка союзников не могла не знать, что в действительности происходило в Освенциме, так как над лагерем кружили самолеты-разведчики. Между тем нет никаких разведанных, подкрепляющих "миф", а одни только "фальшивки", такие как сообщения неких "беглецов" из Освенцима.

2. Крематориев, имевшихся в Биркенау (Аушвиц-II), было недостаточно для сожжения трех или более миллионов трупов, даже если считать, что они работали непрерывно, с полной загрузкой и бесперебойно. По расчету автора (приведенному на с.118) их должно было хватить на ликвидацию 240—360 тысяч трупов в год, что примерно соответствует смертности от обычных причин — инфекционных болезней и т.д.

Прервем перечисление и отметим, что первый из этих тезисов не вполне соответствует действительности. Разведывательных полетов авиации союзников над Биркенау не было — до конца 1944 г., англо-американские военные и гражданские

верхи твердо держались мнения, что Аушвиц-II — это транзитный лагерь для переселения на Восток. Однако полеты над лагерем Моновиц, где находились стратегические заводы И.Г.Фарбен, были, а во второй половине 1944 г. были и бомбардировки. На многих снимках Моновица оказался и Биркенау. Разведка союзников зафиксировала, по меньшей мере, последнюю стадию в истории "фабрики смерти": ее демонтаж в конце ноября 1944 г. Интересно отметить, что в первую очередь эсэсовцы начали демонтировать не дорогостоящие промышленные установки, а крематории и те самые камеры, которые А.Р.Батц считает подлинными "дезинфекционными камерами" и "душевыми". Что же касается дальнейших аргументов автора книги, то это уже скорее "соображения здравого смысла":

3. Концентрационные лагеря — это "исправительные учреждения, которые сравнительно маленькая страна, борющаяся в исключительно неравных условиях за свое существование, пыталась использовать для производительного труда" (с.130). Это говорит о том, что немцы не могли в концлагерях целенаправленно уничтожать евреев — им позарез нужна была рабочая сила.

4. Немцы не могли заниматься переселениями гражданского населения в 1943—1944 гг. для каких либо иных целей, кроме обеспечения рабочей силой, — положение на фронтах было отчаянным.

И т.д.

Мало-помалу А.Р.Батц доходит до критического пункта в своем построении — до необходимости объяснить, куда же делись шесть миллионов европейских евреев. Нацистская политика по отношению к евреям, пишет Батц, состояла в полной экспроприации их собственности и в выселении их за пределы рейха. Как следует из официальных немецких источников, евреев выселяли на Восток — в Россию, которая в 1941 г. "открыла новую очевидную возможность" решения еврейского вопроса. По мнению автора, Освенцим, Терезин и некоторые другие лагеря служили всего лишь транзитными пунктами.

Итак, с евреями Центральной и Западной Европы все ясно — они были вывезены во вновь занятые районы СССР и образовали "сплошную полосу поселений от Риги до Азовского

моря". Это около 1 млн. человек. Что же было с польскими евреями?

С польскими евреями, говорит Батц, дело обстояло сложнее. После советско-германского раздела Польши в 1939 г. из 3 млн. польских евреев в советской зоне оказалось более половины, плюс еще 300 тысяч бежало сюда от немцев — итак, к концу 1939 г. в СССР оказалось 2 млн. польских евреев. Советские власти депортировали их вглубь страны. Для оставшихся в генерал-губернаторстве Польша евреев — около миллиона человек — немцы создали ряд гетто, жители которых тоже были впоследствии депортированы на советскую территорию. Образующийся в расчетах дефицит (четыре миллиона вместо шести) автор относит за счет неточностей (случайных или намеренных) демографической статистики.

Что же стало с евреями впоследствии? Здесь Батц предлагает читателю развернутое и подробное описание.

1. Многих уничтожили немцы при отступлении. Хотя, считает Батц, уничтожение евреев при отступлении было бы стратегически оправданным — ведь они могли быть использованы врагами как рабочая сила — масштаб этого уничтожения был невелик: массовое избиение могло бы дать союзникам в руки такой материал, что не надо было бы создавать "легенду об Освенциме". Тем не менее, многие евреи пали жертвой ярости отступавших немецких, венгерских и румынских солдат, а также стали жертвами местного населения.

2. Многих уничтожили русские.

3. Многие умерли от естественных причин в лагерях и гетто, а также погибли в хаотической обстановке конца войны (ответственность за хаос несут союзники).

Это погибшие. Теперь живые:

4. Многие растворились в массе советского населения, принудительно или добровольно став советскими гражданами. Особенно много евреев, считает автор, мог принять Биробиджан.

5. Многие вернулись в свои прежние страны, однако далеко не все, ибо советские власти большинство из них не выпустили, да и возвращаться было уже некуда — собственность евреев, в том числе и жилища, была экспроприрована.

6. Многие, легально и нелегально, выехали в США и Па-

лестину. Их, предупреждает Батц, было гораздо больше, нежели может показаться на основании данных официальной статистики: данные въезда в США и Палестину были намеренно занижены.

Итак, вот где евреи: большинство из них бесследно пропало в России, остальные — в США и Израиле. Именно это было результатом "окончательного решения еврейского вопроса". "В том, что это "решение", — с чувством легкого сожаления пишет автор, — никоим образом не было "окончательным"...нет ничего необычного. Правительства двадцатого века неизменно дают своим проектам самоуверенные и нереалистические названия: Корпус мира, Союз ради прогресса... и т.д." (с.222).

А.Р.Батц заканчивает последнюю главу своей книги:

"Евреи Европы пострадали во время войны из-за того, что были депортированы на Восток, лишились большей части своей собственности вследствие конфискаций и, что более важно, тяжело пострадали в обстоятельствах, сопровождавших военное поражение Германии. Вероятно, они даже потеряли миллион человек мертвыми.

Все в Европе страдали во время войны, особенно народы Центральной и Восточной Европы. Народами же, пострадавшими больше всего, были немцы и австрийцы, народы побежденных стран, которые потеряли 10 миллионов человек убитыми в боях, погибшими от союзнических бомбардировок, русского террора в конце войны, широкого использования русскими и французами принудительного труда военнопленных, изгнаний из родных земель, проводившихся в Польше и иных странах самыми жестокими методами, и мстительной оккупационной политики 1945—1948 годов." (с.239—240.)

Вот, в основном, все, что касается логической схемы этого труда. Остается неясным, однако, к какому жанру следует его отнести. На первый взгляд "Мистификация двадцатого века" заслуживает названия исторического труда, хотя и написана непрофессиональным историком, — автор, безусловно, проделал большую работу, использовал огромное количество документальных материалов и личных свидетельств. Вместе с тем книгу нельзя назвать научным трудом в полном смысле этого слова. Ряд ее особенностей мешает это сделать.

Прежде всего бросаются в глаза претензии автора на совершение переворота в исторической науке — эту идею он внедряет в сознание читателя на протяжении всей книги. Но при этом он апеллирует не к специалистам-историкам, которых, казалось бы, в первую очередь надо привлечь на свою сторону, а к массовому читателю. Так, он приводит на страницах книги ряд элементарных сведений, не нужных историку, в основном историко-географического характера: как изменились границы в Европе в Первую и Вторую мировые войны; где находится Смоленск; что такое Хорватия и Словакия и где они находятся и т.д. Периодически, вероятно, полагая, что читателю скучно все время следить за сухими рассуждениями и однообразным разбором фактов, автор берется развлечь его и делает постоянные отступления от своей темы. Поражает объем и количество этих отступлений в серьезной, вроде бы, книге. Тут и экскурсы в историю изобретения искусственного каучука (с.47—49, 53—56), и целые детективные истории с разоблачениями (например, история Канариса, с.31—32), и прочее. И все это выкроено из неполных 250 страниц текста (остальное — приложения и справочный аппарат).

Второе, на что следует обратить внимание, — это самоуверенный и агрессивный тон книги. Там и сям на страницах "Мистификации" можно прочесть заявления о том, что "легенда об истреблении окончательно опровергнута"; нанесен "сокрушительный удар" по обману и т.д. О сочинениях своих оппонентов (98 историков, по скромным подсчетам) Артур Батц отзывается так: "нагромождение лжи", "феноменальная глупость" и т.п. Все "мистификаторы", пишет он, во-первых, непрофессиональные историки (в самом деле, Р.Хилберг, например, политолог), во-вторых — евреи; последнее еще в большей степени лишает теорию так называемого Холокауста основательности.

Самоуверенный тон профессора электроники контрастирует с довольно странными аргументами, приводимыми в книге. Так, читатель, в особенности советский, может с удивлением прочесть, что СССР в 1939—1941 гг. и после войны абсорбировал более двух миллионов иностранных евреев, причем не только абсорбировал, а тщательно их скрыл, вплоть до того,

что советские власти записали их неевреями и препятствуют всяческим контактам этих евреев с внешним миром (с.242), в том числе — с родственниками за границей (в то время как коренные советские евреи в семидесятых годах могли даже выехать в Израиль). Непонятно, как следует относиться к авторскому объяснению того, почему сотни тысяч евреев, уцелевших в Европе или проживающих за ее пределами, заявили в официальные инстанции о потере родственников, как дальних, так и близких — супругов, детей, родителей и т.д. Все дело в том, объясняет Батц, что (в тех случаях, когда такое заявление не содержит заведомой лжи) их утерянные родственники просто сами не захотели восстанавливать контакт после войны. Большинство людей, пишет он, заключает браки из экономических соображений, и если экономическая основа брака ликвидирована, а его участник благодаря депортации получил возможность завести новые связи, — он их заводит и не желает восстанавливать старые (с.с.242—243).

Вообще надо отметить, что концепции А.Батца как нельзя лучше помогает идея "железного занавеса" и в особенности образ загадочной, таинственной России. На Россию можно списать все, как на космических пришельцев: страна большая и восточная по своему характеру; русские на все способны (так, на с.197 можно прочесть, что мрачно знаменитый гитлеровский приказ о комиссарах был выпущен в предвидении "нарушения всех правил войны" со стороны русских — довод, заимствованный у пропагандистов Третьего рейха); о России нет никакой адекватной информации — ведь ни одному слову и ни одной цифре, исходящим от русских, нельзя верить.

При анализе аргументации А.Р.Батца нельзя не заметить, что большинство его доводов амбивалентны, т.е. действуют как за концепцию книги, так и против нее, а по существу — идут мимо цели. Да, Дахау и Бухенвальд были в первую очередь рабочими лагерями — но это не означает, что не было лагерей уничтожения; циклон-б использовался в лагерях, в частности, как инсектицид — но этот факт не доказывает того, что он не использовался для массового умерщвления людей; наконец, можно допустить, что среди свидетельств, собранных Нюрнбергским трибуналом, есть ложные, — но это

не означает, что все свидетельства, использованные на процессах, были фальшивками.

Наконец, неизвестно досконально, где и как на территории колоссального лагерного комплекса Аушвиц-Биркенау, включавшего в себя 46 лагерей, проводилась ликвидация тех миллионов трупов, с которыми не справлялись печи Биркенау. Многие свидетели сообщают о сожжении трупов в открытых траншеях на территории Биркенау; возможно, были и другие способы уничтожения трупов. И только один аргумент Батца выпадает из общего правила: автору этой статьи неясно, почему военная верхушка союзников проявила такое ничтожное внимание к лагерям уничтожения, почему британские ВВС даже не пытались бомбить Освенцим и подъездные пути к нему. Это — загадка: историческая, военная, политическая, психологическая.

Шесть миллионов евреев все-таки были уничтожены, и от этого никуда не деться. В Европе за шесть военных лет исчезла нация особая и своеобразная, и невозможно представить себе, чтобы она могла в течение одного поколения бесследно раствориться в Америке, в Палестине или где-нибудь еще.

Но вернемся к нашему исследователю. Следя за доводами А.Р.Батца, мы ни разу не задались еще одним вопросом, который напрашивается уже давно: кому и зачем понадобилась эта грандиозная мистификация, в которой приняли участие правительства крупнейших держав, миллионы людей во всем мире, и на которую, судя по всему, потрачены огромные средства? И второе: так ли уж нам с вами, жителям Ленинграда или Москвы, Украины или Прибалтики, интересны построения иллинойского профессора? Зачем мы тратим на него свое время?

Не все так просто, читатель! Есть ответ и на первый, и на второй вопросы.

Изобретатель и инициатор всей этой неслыханной лжи и клеветы на Германию — мировой сионизм, отвечает нам автор книги. Артур Р.Батц — не только защитник поруганной немецкой чести, но также пламенный и последовательный борец с сионизмом — от первой страницы своего труда до последней. Не поймите Батца неправильно — на с.87 он делает оговор-

ку: "...слово "сионистский" не используется здесь как кодовое слово, заменяющее "еврейский"".

Начать проникновение в антиссионистский пафос "Мистификации" лучше всего с конца книги. На с.233 автор делает для несведущего читателя еще одно отступление — экскурс в историю сионизма: "...сионизм, движение за создание еврейского государства в Палестине, имеет историю, которая начинается в конце XIX столетия. В 1917 году сионизм был такой могущественной силой, что Британия, увязшая в кровавой борьбе с имперской Германией, выпустила Декларацию Бальфура, официально обещая Палестину евреям в обмен на их поддержку в войне. (...) Сионистские организации после Первой мировой войны усилили поток евреев в Палестину, и в тридцатые годы... Палестина стала, вероятно, главной головной болью британской внешней политики, которая столкнулась с неразрешимой задачей примирения еврейских и арабских претензий на нее..."

А немного ниже — хорошо знакомый нам тезис: "Сионизм и гестапо имели одну и ту же цель — убрать евреев из Европы."

Выдержка эта приведена как образец авторского стиля; к экскурсу в историю сионизма мы еще вернемся, а пока обратимся к началу книги и проследим, какова связь сионистов с "величайшим обманом нашего времени".

Именно сионисты, сообщает нам Батц, были изобретателями мифа о Холокаусте. "Легенда об истреблении была обязана своим рождением неприметным еврейским пропагандистам, а раздута до размеров международно-исторической мистификации стараниями сионистских кругов со штаб-квартирой на Западе, в первую очередь в Нью-Йорке." Под неприметными еврейскими пропагандистами подразумеваются "известный талмудист Вейсмандель" и тогдашний глава Всемирного еврейского конгресса Стивен Вайз. Детали легенды навеяны чтением Талмуда, одним из переводчиков которого на английский язык был Вайз. На сс.246—247 своей книги Батц делает экскурс в Талмуд, в то его место, где сообщается о евреях — жертвах восстания Бар-Кохбы против римлян и репрессивных мер императора Адриана против иудеев после поражения восстания. Число жертв, по мнению Батца, сильно преувеличено

(евреи еще тогда вралли!); здесь же автор не может отказать себе в удовольствии и не воспользоваться сообщениями Талмуда о числе "гоев" (греков, римлян и сирийцев), убитых восставшими, а также о том, какими жестокими методами это делалось.

Главной задачей сионистов в годы войны, считает Батц, был вывоз евреев из Европы в Палестину и в Америку силами США. Этого они пытались добиться, подчинив себе официальные инстанции Вашингтона и нагнетая общественное мнение США во время и после войны. "Обратите внимание, что те, кто требует мер с целью вывоза евреев из Европы... сочетают эти требования с требованиями, чтобы вывезенные евреи были расселены в Палестине; это было на уме у сионистских пропагандистов в гораздо большей степени, нежели самая помощь беженцам или жертвам преследований." (с.87.)

Еще в начале 1940-х годов еврейские организации США (к ним Батц причисляет и министерство финансов, поскольку там главенствовал Генри Моргантау) начали борьбу за то, чтобы правительства союзников сделали специальные заявления, осуждающие уничтожение евреев нацистами. В подкрепление своих требований эти организации поставляли на страницы американской печати и, в первую очередь, "Нью-Йорк Таймс" сообщения о преследованиях и массовых убийствах евреев, якобы имевших место в Европе. Все эти сообщения, пишет Батц, поступали в распоряжение американских сионистов по сугубо еврейским каналам и от еврейских информаторов в Европе. Таким образом, именно еврейские организации США и Европы вели клеветническую кампанию в западной печати против Германии и способствовали разжиганию антинемецкой истерии. Именно это имел в виду Геббельс в своей речи, где он говорил, что еврейская раса будет уничтожена по всей Европе в отместку за союзнические бомбардировки Германии; эти бомбардировки — порождение истерии, инспирированной еврейскими организациями. Но главным результатом еврейской пропагандистской кампании было рождение мифа о Холокосте. "Легенда исходит от сионистов... — пишет Батц. — Сионисты и, в первую очередь, Всемирный еврейский конгресс представили свои нелепицы правительствам союзников и, в конце концов, добились их признания..." (с.86).

Борьба сионистских организаций за мнимое спасение евреев Европы увенчалась грандиозной победой сионизма над госдепартаментом США: было создано Управление по делам беженцев (УДБ). По существу, создание Управления — дело рук Г.Моргентау. "Мы пойдем дальше признания того очевидного факта, что УДБ предназначено было служить простым орудием Всемирного еврейского конгресса и других сионистских организаций. В его руководство входил и коммунистический аппарат, ибо человек, которому Моргентау передал все полномочия министерства финансов в делах, касающихся УДБ, был Гарри Декстер Уайт, позже изобличенный как советский агент." Именно УДБ и стало тем органом, который сфабриковал "легенду об Освенциме" в ее современной форме (с.66).

Другим орудием мирового сионизма, а также коммунизма ("двух интернационалов — коммунистического и сионистского") стало Бюро стратегической службы (БСС) — будущее ЦРУ. Часть легенды сфабрикована при помощи БСС, пишет Батц, ибо БСС тесно сотрудничало с УДБ. Часть штата БСС-ЦРУ состояла из коммунистов, а работало оно на сионистов. Впоследствии Бюро приняло участие в подготовке Нюрнбергских процессов.

Переходя к истории Нюрнбергских процессов, Батц сообщает, что Комиссия Объединенных наций по военным преступлениям возникла в Лондоне еще в 1943 г., "однако эта комиссия ничего существенного не сделала". В 1944 г. инициатива в этом деле перешла в руки американцев, которые определили военное преступление как "нарушение общепринятых законов ведения войны на поле боя". Однако после того, как президент Рузвельт включил в соответствующую комиссию судью Сэмюэла Розенмана, концепция военных преступлений весьма расширилась. При этом в их число были внесены "преступления против человечности", в частности — преступления против евреев.

Позже, когда уже шли процессы, пишет Батц, в составе судов было чрезвычайно много евреев. Так, суд над персоналом лагеря Дахау проходил под председательством полковника Розенфельда; в составе обвинения на процессе И.Г.Фар-

бен также было много евреев и т.д. Не все чисто и с составом Нюрнбергского трибунала. Председателем американского трибунала в Нюрнберге был судья Телфорд Тэйлор. Однако фактически, пишет Батц, вовсе не он руководил деятельностью трибунала. Подлинным хозяином событий был вашингтонский Отдел военных преступлений под председательством "архисиониста" Дэвида Маркуса.

(Здесь уместно будет и нам сделать отступление. На каком основании те или иные авторы называют любого деятеля еврейского происхождения сионистом? Сионист — это участник определенного политического движения. Безусловным признаком того, что человек — сионист, является его членство в сионистской организации, все остальное, как правило, — домыслы. То, что Дэвид Маркус — еврей, и даже то, что, находясь на государственной службе США, он побывал в Палестине, не дает права называть его сионистом. Ведь не называем же мы автора "Мистификации" нацистом только на том основании, что у него немецкая фамилия.)

Но вернемся к Маркусу и его роли в Нюрнбергских процессах. Именно Маркус, утверждает Артур Р. Батц, подобрал состав суда, обвинения и защиты для процессов. Он же был главным инициатором суда над И.Г. Фарбен — одного из основных процессов, касающихся лагеря Освенцим. Существенную помощь Маркусу оказал другой "архисионист" — Хиллдринг, председатель Армейского отделения по гражданским делам, т.е. будущей оккупационной администрации США в Европе. Это он назначил Маркуса главой Отдела военных преступлений (ОВП) и способствовал карьере последнего. В составе ОВП был также Роберт Кемпнер, американский, а в прошлом — германо-еврейский юрист, "фанатический антинацист", посвятивший свою жизнь "крестовому походу против нацизма", как отзывается о нем Батц. Таким образом, "коренные американцы, такие как Телфорд Тейлор, были в составе Нюрнбергского трибунала лишь для внешнего представительства: фактически же всеми Нюрнбергскими судами управляли стоявшие за их спинами сионисты. "Назначение состава Отдела военных преступлений сионистом-фанатиком (Хиллдрингом. — А.Я.)... говорит не только о том, что могут сделать сионисты, занимающие ответственные посты, но

и о том... какие политические силы управляли процессами.” (с.30.)

В антиссионистской концепции Батца ясно прослеживаются две генеральные идеи. Первая — это наличие еврейского заговора против Германии. В этом заговоре все еврейские организации — левые, ортодоксально-религиозные, ”архисионистские” — действуют сообща; в него втянут весь западный мир, во всяком случае — правящая верхушка; силы этого заговора могущественнее, чем Германия, могущественнее, чем ”здравомыслящая” часть западного общества и т.д. Первостепенная задача этого заговора — оклеветать Германию, приписав ей уничтожение евреев (ибо после Второй мировой войны ее, по-видимому, больше не в чем обвинить). Никаких средств державам-победительницам не жалко для достижения этой цели: во имя нее они устраивают Нюрнбергские процессы, идут на фабрикацию многих тонн фальшивых документов, подготавливают лжесвидетелей и даже подтасовывают собственную демографическую статистику. Западным державам, пишет Батц, это нужно для того, чтобы скрыть главные преступления Второй мировой войны: бомбардировку Дрездена, Хиросимы и Нагасаки, а также выдачу Советскому Союзу русских перемещенных лиц.

Но у евреев-сионистов есть и другая, тайная задача в этом грандиозном заговоре против Германии: рассчитывая на жалость легковерного западного общества, под шумок послевоенной антинемецкой истерии выторговать себе Палестину. ”Итоги Второй мировой войны оказались... как раз такими, какие нужны были сионизму для окончательного захвата Палестины. Самыми могущественными державами из войны вышли США и Советский Союз — обе они в это время относились самым дружественным образом к сионистскому делу. При этих обстоятельствах позиция арабов была безнадежна...”(с.233.)

Читатель будет потрясен, узнав из книги А.Р.Батца, до какой степени сионисты держат в своих руках правительство и прочие круги США. Америка ”финансировала политическую программу сионизма” в конце 40-х годов; все неугодные сионистам лица из военной администрации США в Германии в 40-е годы были сняты и заменены сионистами и просионистами и т.д. ”Позиция Эйзенхауэра по отношению к сионистам

всегда была самой дружеской. Незадолго до конца войны сионистский организатор Рут Клигер... посетила штаб-квартиру Главного командования силами союзников в Европе (ГКССЕ) в Париже, чтобы объяснить судье Рифкинду, советнику Эйзенхауэра по делам перемещенных лиц, свою миссию — организацию транспортов евреев в Палестину из Германии. Ее тут же произвели в полковники американской армии и выдали бумаги, необходимые для ее миссии в Германии. На этом услуги Эйзенхауэра не кончились; по приказу последнего в распоряжение сионистов был передан принадлежавший ГКССЕ корабль "Аскания" вместе с командой, и на нем было переправлено в Палестину 2400 евреев. Англичане встретили его по прибытии, однако, не желая осложнений с ГКССЕ, они позволили пассажирам высадиться на палестинский берег. Эйзенхауэр впоследствии стал президентом Соединенных Штатов." (Надо так понимать, что президентом его поставили те же сионисты — в благодарность за услуги.) (с.230.)

Власть сионистов распространяется не только на США: Франция также "в то время встала на позицию открытого содействия сионистскому делу". Англия, обессиленная противоборством с Германией, тоже спасовала перед сионистами.

Вторая генеральная идея, проходящая через всю антисионистскую часть батцевского опуса, — это призрак сионистско-коммунистического альянса. Пожалуй, ничего неожиданного в этой идее для нас нет. Недалекий политический публицист, обращающийся к столь же недалеким читателям, часто склонен валить в одну кучу всех своих идейных противников, кем бы они ни были. У некоторых из советских критиков сионизма мы уже читали о нацистско-сионистском альянсе; в доказательство этого приводится соглашение Гаавара¹¹ об эмиграции евреев в Палестину, заключенное между Еврейским агентством и гитлеровской Германией; директива Гейдриха от 28 января 1935 г. о благопрियствованиях сионистским организациям Германии и все связанные с ней мероприятия и т.д. Те, кому доводилось читать публикации историков-сионистов экстремистского толка, не могут не вспомнить тезиса о нацистско-коммунистическом альянсе (обычно его иллюстрируют советско-германским пактом о ненападении от 23 августа 1939 г. и всей системой договоров и соглаше-

ний, связанных с этим пактом, таких как договор о разделе Польши и т.д.). Совершенно естественно, что А.Р.Батц угощает нас сионистско-коммунистическим альянсом. Против Германии, говорит он, объединились сионисты и коммунисты. Тут и БСС-ЦРУ, и УДБ, и ЮНРРА (Администрация Объединенных наций по помощи и восстановлению) — все они были укомплектованы коммунистами, управлялись сионистами, а работали против Германии. Вдобавок после войны, в 1947 г., коммунистические страны, решив исход голосования в ООН о разделе Палестины, подарили сионистам государство Израиль.

Пора подвести кое-какие итоги разбора книги А.Р.Батца, дать ей некую общую оценку. Мы уже видели, что у автора "Мистификации" были предшественники. Каждая публикация такого рода есть проявление определенной идейно-политической тенденции. Однако было бы ошибкой считать эту тенденцию просто рецидивом антисемитизма тридцатых годов — идейная основа у Батца и его предшественников шире. "Мистификация двадцатого века" принадлежит к специфическому направлению в послевоенной западной историографии, иногда называемому военным ревизионизмом и представляющему собой попытку пересмотреть концепцию Второй мировой войны, снять с Германии вину за ее развязывание, реабилитировать нацизм и представить его цели справедливыми. Вкратце идеи военного ревизионизма состоят в том, что Вторая мировая война была для Германии войной вынужденной, оборонительной, а не агрессивной. Ответственность за развязывание войны несут западные державы (Англия, Франция); немецкая армия на поле боя и в оккупированных странах вела себя самым достойным образом и не совершала жестокостей, ложно приписанных ей впоследствии пропагандой союзников; а если где-то она и вышла за рамки общепринятых в цивилизованном обществе правил ведения войны, то только в России, стране восточной и нецивилизованной, где это было неизбежно (подобным же образом нарушали правила войны американцы во Вьетнаме). Поражение Германии во Второй мировой войне — историческая трагедия; оно имело самые пагубные последствия для всей западной цивилизации, так как привело к торжеству коммунизма и расширению сферы его влияния. Одним

из аспектов военного ревизионизма является ревизия "мифа о Холокаусте".

Попытки пересмотреть концепцию Второй мировой войны были довольно редки в 50—60-е годы, но в 70-е они участились, и, что самое характерное, "ревизионистская волна" вышла за границы Западной Германии. Ревизионистская литература появилась и в США, и в Англии, породив ряд побочных явлений в общественном сознании, таких как гитлериана в литературе и кино и пр.

Однако самое поразительное — это то, что в 80-х годах ревизионистская тенденция пустила корни и в советской историографии. Одной из характерных публикаций такого рода является статья Л.А.Корнеева "Вторая мировая война и мифы сионистской пропаганды" в "Военно-историческом журнале" №6 за 1982 г. Одним из этих мифов, согласно Корнееву, является все та же "легенда о Холокаусте":

"Гнусная спекуляция сионистов на жертвах гитлеризма ставит под сомнение бытующую в прессе цифру 6 млн. якобы уничтоженных во Второй мировой войне евреев, которую нельзя считать научно обоснованной, хотя она и приводится иногда и в некоторых советских изданиях." (с.63; "некоторых" — это, собственно говоря, пока что во всех, кроме статей Корнеева.) А в брошюре Л.А.Корнеева "Курсом агрессии и расизма", изданной в серии "Библиотека "Огонька" в 1982 г. тиражом 100000 экземпляров, этот же дословно повторенный пассаж из статьи дополнен фразой: "Она завышена сионистами в 2—3 раза по крайней мере."

На какой фланг военных ревизионистов поместить Л.А.Корнеева, исходя из последнего тезиса? Степень "завышения" у разных ревизионистов разная: согласно Бургу, общепризнанная цифра завышена в 2 раза, согласно Харвуду — примерно в 12 раз, согласно Рассинье и Батцу — примерно в 6 раз. Корнеев стоит где-то между Бургом и Рассинье; до Харвуда еще далеко.

Проследим, насколько это возможно, концепцию Л.А.Корнеева. Сделать это не так легко, ибо статья очень короткая, а ее положения, в отличие от аналогичных мест у Батца, практически не аргументированы; какой бы то ни было спра-

вочный аппарат, характерный для публикаций серьезного историка (а Л.А.Корнеев, заметим, отнюдь не преподаватель электроники, а кандидат исторических наук), полностью отсутствует. Статья Корнеева — типичная журналистская халтурка, которую не может себе позволить американец Батц без риска получить резкий отпор в печати, как широкой, так и научной. Но нас сейчас интересуют не доказательства, а сами тезисы. Вот они:

1. "Сведения, приводимые различными исследователями относительно статистики еврейского населения на оккупированных гитлеровцами территориях и в странах, вовлеченных в вооруженный конфликт, зачастую значительно расходятся." (с.63; аналогичное место у А.Р.Батца — с.13—17 "Мистификации".)

2. Многие немецкие евреи выехали из Германии до 1933 г. и не погибли. "Для ориентирования в статистических противоречиях относительно эмиграции евреев из нацистской Германии и иммиграции их в Палестину можно проанализировать и архивные материалы межведомственной переписки нацистов." (с.63.) Оба наших исследователя официальным бумагам нацистской бюрократии доверяют куда больше, чем документам еврейским.

3. Многие евреи, не выехавшие из рейха, уцелели в лагерях и в гетто Восточной Европы, куда их вывезли немцы (с.63) — в этом тезисе тоже чувствуется что-то знакомое. Жаль, что он, по корнеевскому обыкновению, не конкретизирован. ("Значительная часть — тысячи людей — была депортирована нацистами в гетто, расположенные на оккупированной территории СССР, например, в Минске.")

Эти фразы, занимающие полстраницы крупного шрифта, ни в малой степени не разъяснят читателю, почему все же цифра еврейских жертв "завышена в 2—3 раза по крайней мере". Корнеев отмахивается: число 6 млн. восходит к Всемирной сионистской организации и лично к Хаиму Вейцману, а значит, не заслуживает доверия.

Очень интересно проследить, что наши разоблачители пишут о поимке Эйхмана и суде над ним в Иерусалиме. Израильская спецслужба, утверждает Корнеев, выкрала Эйхмана из Буэ-

нос-Айреса с целью скрыть преступную связь сионистов и нацистов до и во время Второй мировой войны (а чтобы как можно надежнее скрыть эти связи, добавим мы, довезла его в целостности и сохранности до Иерусалима и отдала в руки израильского правосудия, подвергнув Эйхмана публичному судебному процессу, освещенному мировой прессой). Устраивать такую операцию по поимке Эйхмана было незачем, пишут оба автора, так как он имел чрезвычайно низкий ранг в иерархии СС. "Значимость этого ординарного офицера (капитана) СД, а затем гестапо, раздута сионистской пропагандой (а также всей мировой печатью — А.Я.) до всезаслоняющих масштабов." (Л.А.Корнеев, "Огонек", апрель 1977¹².) Заметим, что Эйхман был не капитаном, а оберштурмбанфюрером СС, что примерно соответствует званию полковника. Вот что по тому же поводу пишет Батц: "Отдел В4 гестапо... возглавлял Карл Адольф Эйхман, самый высокий ранг которого был подполковник или полковник. Эйхман исполнял рутинную работу в связи с еврейской эмиграцией и переселенческой политикой немецкого правительства." Что касается самой поимки Эйхмана, то Корнеев считает, что в этой операции израильской разведки не было ничего примечательного, кроме того, что был "нарушен государственный суверенитет Аргентины" ("Враги мира и прогресса", 1978, с.23). Батц пишет на эту же тему: "Похищением Эйхмана Израиль наплевал на суверенитет Аргентины." (с.183.) Заметим между делом, что правительство страны, чей суверенитет был нарушен, не приняло в ответ на это похищение никаких дипломатических мер против Израиля. Сомневаются наши исследователи и в законности Иерусалимского процесса. Корнеев: "Израиль... преподал типичный пример присвоенного им права на подсудность неевреев." ("Коммунист Вооруженных Сил", 1979, №9; то же, впрочем, можно сказать и о державах, организовавших Нюрнбергские процессы над немецкими военными преступниками.) Батц: "Адольф Эйхман был незаконно похищен из Буэнос-Айреса в мае 1960 года израильскими агентами, чтобы стать жертвой "суда", который побил все рекорды беззакония, поскольку государство, проводившее его, даже не существовало во времена якобы имевших место преступлений." (с.183.)

Заканчивая наше сравнение двух разоблачителей, посмотрим еще на движущие мотивы обоих авторов. Задача А.Р. Батца — реабилитировать Германию и немцев; он не в принципе отрицает массовое избиение евреев, он отрицает, что это сделали немцы; это могли сделать румыны, венгры, русские, наконец, — но не немцы. О своей задаче Л.А. Корнеев пишет в статье "Вторая мировая война и мифы сионистской пропаганды": "Одним из таких средств разжигания антикоммунистической кампании сионизма стало обвинение народов Польши и Белоруссии, Украины, России в том, что они якобы "соучаствовали" в истреблении нацистами евреев в годы Второй мировой войны... Кроме того, сионистские авторы обвиняют другие народы мира в уничтожении 6 миллионов евреев, заявляя, что будто бы все они отвернулись от них, бросили на "растерзание" нацистам. Поэтому разоблачение сионистской спекуляции на евреях — жертвах гитлеризма имеет важное значение, служит благородному делу сближения и дружбы народов." (с.62.) Итак, Корнеев заодно реабилитирует братьев-славян.

В заключение — два слова об этической стороне подобных писаний. Об этической стороне "Мистификации" много писать не надо. Логика автора, состоящая в том, что от обвинения в убийстве 6 млн. надо немцев защитить, а убийство 1 млн. — дозволительно и искупается десятиллионной жертвой наций-агрессоров, в комментариях не нуждается. Совсем другие мысли приходят в голову, когда читаешь Корнеева и некоторых его собратьев по перу.

Прежде всего непонятно: в конфликте между нацистами и евреями — на чьей стороне эти авторы: убийц или жертв? Иногда создается впечатление, что они уже встали на сторону нацистов; о нацистах Корнеев и ему подобные пишут в нейтральных тонах и ни единым словом не выражают своего сочувствия невинным жертвам. Тон, в котором они говорят о погибших евреях, до крайности неуважительный, чтобы не сказать — кощунственный. Чего стоит, например, фраза Корнеева "...убийство евреем-террористом во Франции гитлеровского дипломата" (имеется в виду выстрел Гершеля Гриншпана, родители которого были одновременно изгнаны из двух стран — Германии и Польши). Уж не сочувствует ли автор нацис-

ту-дипломату так же, как он сочувствует "бедняге Эйхману"?

Да, военный ревизионизм, похоже, пустил ростки и по эту сторону границы. Не является ли "корнеевщина" проявлением этой болезни? Помнят ли Корнеев и ему подобные, против кого сражалась Советская армия в 1941—1945?

-----ooOoo-----

Иосиф ЯФФЕ¹³**ЛЕГЕНДА ОБ АГАСФЕРЕ, ИЛИ ВЕЧНОМ ЖИДЕ**

Образ Вечного, или Странствующего, Жида — легендарный образ, выкристаллизовавшийся из других, более древних образов. В своей общепринятой форме христианская легенда о Вечном Жиде, Агасфере, — сравнительно недавнего происхождения.

Вот что рассказывает анонимный автор появившейся в 1602 году немецкой народной книжки, ссылаясь на сообщение доктора богословия и епископа шлезвигского Павла фон Эйтцена. Зимой 1542 года этот доктор, тогда еще виттенбергский студент, во время службы в гамбургской церкви заметил стоявшего там напротив кафедры высокого, босоногого, длинно-волосого и одетого в лохмотья мужчину приблизительно 50 лет, который невольно бросился ему в глаза своим внешним видом и в особенности тем, что он благоговейно слушал проповедь и с громкими вздохами ударял себя в грудь всякий раз, когда проповедник произносил имя Иисуса Христа. На вопрос фон Эйтцена, кто он такой, этот человек рассказал ему, что зовут его Агасфером, что он еврей из Иерусалима, живший уже во времена Христа и занимавшийся тогда сапожным ремеслом. Считая Христа за еретика и оболыстителя народа, он сам содействовал тому, чтобы погубить и устранить этого бунтовщика. Когда же Христос был осужден евреями, Агасфер, призвав всех своих домочадцев и взяв даже самого маленького ребенка на руки, вышел из дома, чтобы посмотреть, как евреи поведут Христа на смерть. Он не позволил Иисусу остановиться и отдохнуть перед его домом и гневно прогнал его, требуя, чтобы тот шел туда, куда ему дорога. Тогда Христос пристально посмотрел на него и сказал: "Я хочу здесь постоять и отдохнуть, а ты должен странствовать до дня Страшного суда." Немедленно после этого Агасфер посадил своего ребенка на землю и, гонимый внутренним беспокойством, пошел за толпою других евреев, что-

бы присутствовать при распятии Христа. Затем он уже больше не вернулся домой и не увидел своей семьи, но печально странствовал по чужим странам, очевидно, как он говорил, предназначенный Богом к тому, чтобы служить живым свидетельством страданий христовых и побуждать всех неверующих и нечестивых искупать свои грехи покаянием.

Как рассказывается дальше в этой народной книжке и в других, последовавших одна за другой и мало отличавшихся от первой, этот Агасфер был весьма сведущ во всеобщей истории, говорил всегда на языке той страны, по которой проходил, жил весьма скромно и уединенно, принимал всегда только самые незначительные из предлагаемых ему подаяний и поражал всех тем, что с величайшим благоговением произносил имя Бога и Христа и весьма огорчался и гневался, когда другие клялись страданиями христовыми. Местопребывание его постоянно менялось. Еще до его встречи с Павлом Эйтценом, как рассказывали люди, его видели в Англии, Франции, Италии и других странах, а затем в 1575 г. — в Мадриде, в 1599 г. — в Вене, в 1601—1603 гг. — в Любеке, Ревеле, Кракове, Москве, в 1604 г. — в Париже. С тех пор (судя по указаниям не только позднейших изданий этой народной книжки 1602 года, но и других источников) число "очевидцев" увеличилось еще больше. Постепенно таинственная фигура вечно странствующего жиде Агасфера, или Исаака Лакедема, как его прозвали в Нидерландах и во Франции, или Буттадея (Будедео, Бедео), как его называли во многих дугих местах, или Кустанде — в новогреческих народных сказаниях, или Мишоба Адера (которого видели при дворе Людовика XIV) — сделалась одной из популярнейших фигур народных сказаний.

О Вечном Жиде был написан целый ряд диссертаций, где приводились аргументы "за" и "против" реальности его существования. В последние столетия из лубочной западноевропейской литературы, как прозаической, так и стихотворной, легенда о Вечном Жиде в качестве поэтического сюжета перешла в художественную литературу многих стран мира.

Однако при такой повсеместной популярности этой легенды до сих пор нет полной ясности, когда и каким образом она возникла. Фольклористика пока не располагает всеми истори-

ческими материалами, необходимыми для решения этой проблемы. Но наиболее правдоподобные гипотезы о происхождении этого образа мы здесь изложим.

В последнее время во Франции и Италии были найдены памятники, которые свидетельствуют о том, что образ вечно странствующего жиде был известен задолго до XVI столетия, в первую очередь, в Италии, где существование подобной легенды вообще раньше отрицалось. Это зафиксировано в народных сказаниях. Наиболее важным источником является полный наивных подробностей рассказ жившего в начале XV века во Флоренции торговца Антонио ди Франческо ди Андреа, обнародованный итальянским ученым Марпурго в 1891 г.

В 1416 г. — так гласит этот рассказ — в Северной Италии появился человек, еврей, который назывался Джованни Буттадио, или Джованни Серво ди Дио (т.е. Иоанн Раб Божий) и которого, как рассказывали старики, еще за сто лет до этого, между 1310 и 1320 годами, видели странствующим по тем же местностям Италии. В 1417 г. и в последующие годы он несколько раз, но всегда на самое короткое время, останавливался в доме Антонио ди Франческо ди Андреа и всегда поражал своим внезапным появлением и своим внешним видом — он был обут только на одну ногу или вовсе босой, но еще более — знанием всех языков, своими предсказаниями и таинственными чудесами. Люди приходили отовсюду, чтобы видеть его и говорить с ним, полагая, что он — тот самый человек, который во время шествия Христа на Голгофу не дал ему остановиться, но ударил его сзади в спину со словами "иди скорее", после чего Христос, обернувшись к нему, сказал: "И ты пойдешь так быстро, что будешь ждать меня." Об этом происшествии, как мы узнаем из рассказа Антонио, Джованни Буттадио не любил говорить и в большинстве случаев, когда к нему приставали с просьбой рассказать о страданиях христовых, отвечал неясными намеками или красноречивым молчанием и горьким плачем. Впрочем, сами тосканцы стремились не столько узнать у Буттадио подробности голгофской драмы, сколько посоветоваться с ним относительно своих частных или общественных дел и расспросить его о своем будущем.

Этот же Джованни Буттадио, о странствиях которого по

Италии в 1416 г. мы имеем и другое свидетельство того же времени, принадлежащее флорентийцу Маннини, в 1400 г., согласно сиенской хронике Сигизмондо Тицио, проходил через город Сиену. Увидев здесь только что законченную художником Андреа Ванни картину, на которой был изображен Христос, несущий свой крест, он заявил, что из всех виденных им когда-либо изображений Христа это отличается наибольшим сходством. Сиенский летописец утверждает, что упомянутый странник был тот самый Иоанн Буттадей, который некогда жестоко прогнал Христа во время его шествия на казнь и которому Христос тогда сказал: "Ты будешь ждать меня, пока я ни приду."

Первые письменные свидетельства о распространении этой легенды в Европе относятся к XIII веку. Так, итальянский астролог Гвидо Бонатти писал в 1269 г., что он встретил Иоанна, современника земной жизни Христа, когда в 1267 г. Буттадей проходил через город Форли, чтобы поклониться мощам святого Якова. К моменту их встречи Вечный Жид уже 1200 лет странствовал по монастырям, ожидая второго пришествия Христа.

Столь раннее распространение этой легенды не ограничивается только Италией, одновременно она была известна во Франции и Сирии. Французский историк и юрист Филипп Наваррский, который более сорока лет прожил в Сирии, около 1250 г. писал, что легендарное долголетие Иоанна Буттадея (по-французски — Жана Бутадье) уже тогда вошло в пословицу.

Эти и другие подобные свидетельства говорят в пользу предположения, высказанного одновременно академиками А.Н.Веселовским и Гастоном Пари, что легенда о Вечном Жиде возникла в Иерусалиме еще задолго до составления в конце XIV века путеводителя по Иерусалиму, в котором указано даже место вблизи города, где Иоанн Буттадей ударил Иисуса Христа.

В 1228 г. — так рассказывает монах английского аббатства Сент-Альбанс Матвей Парижский в своей хронике, списанной почти дословно с подобного же сочинения монаха Роджера Вендоверского, — в Англию приехал какой-то армянский архиепископ, чтобы поклониться мощам местных святых. Когда

он посетил аббатство Сент-Альбанс, его спросили о знаменитом "Иосифе, имя которого так часто поминается людьми, который присутствовал при страданиях Спасителя, говорил с ним и до сих пор живет, в свидетельство истины христианской веры". Архиепископ отвечал, что знает лично этого Иосифа и незадолго перед своим отъездом пригласил его разделить с ним трапезу. Когда его упросили подробнее рассказать об этом человеке, он сообщил следующее:

"Во время суда над Христом Иосиф, называвшийся тогда Картафилом, был привратником претории Пилата; когда евреи влекли осужденного ими Спасителя мимо врат претории, Картафил ударил его в спину и сказал с презрительной улыбкой: "Иди же скорее, Иисус! Что ты так медлишь?" Тогда Христос посмотрел на него строго и сказал: "Я иду, а ты будешь ждать моего возвращения". И Картафил ждет до сих пор второго пришествия Христа; ему было около 30 лет при смерти Спасителя; всякий раз, когда ему исполняется сто лет, на него нападает немощь, кажущаяся неизлечимой, он впадает в какое-то исступление, но затем снова становится здоров и молод, каким был в пору страданий Христа. Когда после смерти Спасителя христианская вера стала распространяться все дальше и дальше, Картафил был крещен Ананией, который крестил апостола Павла, и в крещении он наречен Иосифом. Обыкновенное его пребывание — в двух Армениях и в других странах Востока; он живет в обществе епископов и духовных лиц, ведет святую жизнь, отказывается от всех подарков, довольствуясь самой умеренной пищей и простой одеждой, говорит мало и обдуманно и лишь отвечая на вопросы набожных людей; он рассказывает о былом, об обстоятельствах смерти и воскресения Христа, а также о проповеди апостолов, рассказывает серьезно, без насмешки и при этом проливает слезы как человек благочестивый, боящийся возвращения Христа и дня Страшного суда. Вся его надежда на то, что согрешил он по неведению."

Рассказ этот Матвей Парижский подкрепил свидетельствами других лиц, приехавших из Армении в 1252 г. и сообщавших, что Иосиф Картафил еще жив.

В несколько ином виде этот рассказ встречается и в рифмованной хронике бельгийского архиепископа Филиппа Мускэ,

написанной около 1243 г. Здесь Вечный Жид не назван по имени, про него говорится только, что он побегал из нечестивого любопытства за другими, чтобы посмотреть на казнь. "Когда евреи влекли Спасителя на крестную смерть, он им сказал: "Подождите меня, и я пойду, чтобы увидеть ложного пророка на кресте". Тогда истинный Бог взглянул на него и сказал: "Они не подождут тебя, но знай, что ты будешь ждать меня". С тех пор он ждет и будет ждать до дня Страшного суда."

Из этих вариантов рассказа армянского архиепископа видно, что легенда принесена была действительно из Армении, и возникла она, скорее всего, на Востоке (хотя Матвей Парижский явно смешивает ее с легендой об Иосифе Аримафейском, чудесно сохраненном в темнице).

Разыскивая более древние следы этой христианской легенды, мы наталкиваемся на рассказ Григория Турского о кресте Господнем, найденном святой Еленой по указанию какого-то Иуды, в крещении нареченного Квириаком. Еще более определенно легенда о Вечном Жиде восходит к распространенной в первые века христианства легенде, что любимый ученик Христа Иоанн Богослов не умер, а только спит в своей могиле в Эфесе, из которой он выйдет, когда настанет время возвращения Спасителя. Это верование возникло из ошибочного толкования двух мест Евангелий — от Матфея (16: 28): "Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем"; и от Иоанна (21: 20-23): "Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?" Эти слова послужили основой легенды о том, что Иоанн не умер (хотя в последнем отрывке явно дается опровержение этих слухов), и легенда эта настолько укрепились в умах первых христиан, что Тертуллиан

во II веке напрасно пытался доказать ее ложность. Другие богословы защищали ее (Ипполит, Сульпиций Север, вплоть до жившего в XV веке византийского филолога Георгия Трапезундского), и это периодически приводило к появлению людей, выдававших себя за воскресшего Иоанна.

О родственности легенды об Иоанне с легендой об Иосифе Картафиле свидетельствует уже прозвище любимого ученика Иисуса, "возлежавшего на груди его", которое может по-гречески читаться как *карта филос*, т.е. очень любимый, переосмысленное народной этимологией. Перевод имени Иоанна Богослова заключен в таких именах Вечного Жиды, как *Жан Бутаде* (во Франции), *Джованни Боттадио* (в Италии) — полатыни *Иоганнес Буттадеус*, *Жуан Эспера эн Диос* (в Испании) и *Жоан де Эспера эм Деос* (в Португалии).

Нетрудно также идентифицировать имя Иосиф, встречающееся в рассказе Матвея Парижского. Оно возникло из смешения легенды о бессмертном любимом ученике Христа Иоанне с легендой о чудесно сохраненном Иосифе Аримафейском, которого особенно чтили в Англии за то, что он, по преданию, первый проповедовал там Евангелие.

Гораздо труднее решить вопрос о происхождении имени Буттадеус (Бутаде, Ботаде, Буттадео, Боттадио), которое встречается во французских и итальянских версиях легенды о Вечном Жиде. Правда, в древнейшем памятнике, у Гвидо Боннати, имя Буттадеус явно связано с преступным действием Жиды, с тем, что он толкнул идущего на казнь Иисуса, и производится от латинского глагола *буттаре* — бросать, толкать, и от существительного *деус* — Бог. Это толкование служит прекрасным примером того, как произвольно народная этимология может трактовать имя легендарного персонажа. В упомянутом уже путеводителе по Иерусалиму дается другое объяснение имени Буттадеус: как искаженно-го Иоганнес Девотус Део (т.е. Иоанн Преданный Богу). Это объяснение опять приводит к Иоанну Богослову, так же как и имя Картафил, еще раз доказывая восхождение легенды о Вечном Жиде к Иоанну. Эта версия подкрепляется и тем, что в рассказе Антонио ди Франческо ди Андреа появляется имя Джованни Серво ди Дио (что соответствует по смыслу имени Иоганнес Девотус Део), а также тем, что в одном ис-

панском памятнике XVI века встречается народный герой по имени Жуан де Вото а Деос, очевидно, родственник с Жуаном Эспера эн Диос (т.е. Иоанн Надежда-на-Бога), испанским именем Вечного Жиде. Таким образом, можно предположить, что имя Буттадеус произошло от искаженного Девотус Деос.

Так поражающая современников история о том, что Вечный Жид толкнул идущего на казнь Христа, возникла, по мнению Веселовского, из сближения с наиболее распространенным в Италии рассказом об известном из Евангелия воине Малхе, или Марке. Это объясняет и отношение Вечного Жиде к претории Пилата, о чем говорится в различных версиях. По многочисленным преданиям, этот Малх принадлежал к числу тех, кто бичевал Христа. В Италии его имя даже вошло в поговорку: "У него лицо как у еврея Малха." В легенде о воине Малхе говорится, что когда Спасителя вели в дом Пилата, он ударил Христа железной рукавицей по ланите. За это осужден он пребывать в подземном склепе и вечно, без усталости, ходить вокруг столба. Говорят, что от его непрерывного хождения пол так осел, что столб кажется выше прежнего; а ходит Малх так со дня, когда был распят Христос, и будет ходить до дня Страшного суда. Бьется Малх головой об стену, а умереть не может.

Интересно, что в одном варианте этой легенды, записанном в Венеции в XVII столетии, этот воин назван Иосифом. Отсюда понятно, как имя Иосифа Картафила связано в легенде с преторией Пилата. Отсюда же, по мнению Веселовского, вытекает предположение, что имя Картафил происходит не от греческого *карта филос*, а от византийского слова *картофила*, означающего *привратник*.

Обобщая изложенные факты, мы можем предположить, что легенда о Вечном Жиде возникла в Палестине из легенды об Иоанне Богослове и легенды об ударившем Христа воине и привратнике претории Пилата Малхе. Обоим этим людям народное поверье придало бессмертие, одному — как награду, другому — как наказание. Причем Малх сначала в качестве наказания должен был вечно ходить вокруг столба (по-видимому, того столба, к которому был привязан бичуемый Христос), а затем он пошел по всему свету, превратившись в

Вечного Жиды (что больше соответствовало народным представлениям).

О национальности лица, послужившего прообразом Вечного Жиды, тоже нельзя сказать ничего определенного. В версии Матвея Парижского ничего не сказано о происхождении Иосифа Картафила. Должность привратника в претории Пилата говорит в пользу того, что он был латинянином, а не евреем. Но во всех поздних вариантах легенды он либо всеми принимается за еврея, либо сам себя называет евреем. Вероятно, религиозная нетерпимость христианских народов привела к желанию в образе осужденного Христом на вечное скитание Жиды (свидетеля смерти и воскресения Спасителя) выставить живое доказательство истинности христианской веры, а скитания еврейского народа рассматривать как наказание за предательство и казнь Христа. Этот вопрос, начиная с XII века, поднимался в бесчисленных диспутах христиан с евреями.

В конце XVI века умы людей были взбудоражены распространившимся по всей Европе предсказанием, что скоро наступит конец света и что в Вавилоне уже появился Антихрист, предтеча сатаны, который все силы ада сплотил для последней решительной битвы с христианством и который будет побежден при втором пришествии Христа. Этого Антихриста — так рассказывали люди — евреи уже готовы признать Мессией (может быть, это было эхом многочисленных мощных лжемессианских течений, потрясавших еврейские общины в XVI веке). Другие утверждали, что в 1600 г. Антихрист — порождение дьявола и еврейки Бланшфлер — появился близ Парижа.

О происхождении имени Агасфер можно высказать следующее предположение. В народной книжке 1602 г. Вечный Жид считается и сам себя считает евреем, но евреем кающимся, верующим в Христа и ждущим его возвращения. Вечный Жид в ней назван Агасфером. Имя это персидского происхождения и заимствовано из Книги Эсфири, где оно является именем персидского царя Ксеркса (Ахашверош). Представление о нем как о злейшем враге возникло в Греции, затем распространилось по Европе и у всех христианских народов слилось с предсказанием об Антихристе. В результате смешения всех этих легенд и представлений распространились слухи о ва-

вилонском Антихристе, а Вечный Жид получил имя Агасфер. Под этим именем легендарная фигура Вечного Жида стала наиболее популярной. Таким вот странным образом, вероятно, персидское имя Агасфер стало символом вечно скитающегося еврейского народа.

Интересно отметить, что в странах, где евреи вели обширную торговлю, очень часто какого-нибудь еврейского купца принимали за Вечного Жида. Немало было ловких обманщиков, с корыстной целью разыгрывавших из себя легендарную фигуру, а некоторые из мнимых Вечных Жидов выступали в этой роли в результате религиозного помешательства — неврастеники и психопаты, одержимые манией бродяжничества. Они появляются и в наше время, но служат лишь объектом для медицинских исследований.

Французский врач Анри Мейдж, работавший под руководством Ж.М. Шарко, подробно описал этот феномен в специальном труде, вышедшем в 1893 г. под заглавием "Вечный Жид Сальпетрие (психиатрическая больница). Этюд о некоторых невропатических бродягах". Одним из наиболее интересных пациентов был 38-летний польский еврей, в 16 лет убежавший из России из-за попыток навязать ему православие и с тех пор постоянно странствовавший по всему свету (и прибегавший к материальной помощи еврейских общин). Периодически он жил оседло, в Будапеште даже умудрился завести семью и троих детей, затем перевез их в Палестину, оставил там и пошел странствовать дальше, навещая семью каждые пять лет. Страдая резко выраженной формой неврастении, он во всех городах, находившихся на пути его странствий, обращался к специалистам с целью найти у них средство для борьбы со своей манией бродяжничества. Подавляющее большинство таких бродяг, всем своим видом напоминавших Вечного Жида из легенды, действительно составляли евреи, и особенно евреи из Восточной Европы.

Еще одной из причин популярности этой легенды является ее связь с идущими из глубины веков мифическими представлениями, бытующими у разных народов. В различных версиях легенды про Вечного Жида рассказывается, что он идет по земле в видимом образе или невидимый, в зависимости от желания, что он обладает волшебными деньгами или волшебными

башмаками, что на его лбу виден пылающий крест, который постоянно сжигает его мозг, вечно снова нарастающий, что с его появлением происходят различные чудеса, радостные или горестные события.

Французские крестьяне в Пикардии при внезапном порыве ветра восклицают: "Вот Вечный Жид прошел." Подобным же образом Вечный Жид в немецких сказаниях отождествляется с Диким Охотником, вечно мчащимся по воздуху, а через него — и с древнегерманским богом Воданом, или Одним. В греческой мифологии вечно странствующими героями были Геракл и Беллерофонт, первый странствовал в поисках подвигов, второй — обезумев после низвержения с неба за свою надменность; к этому же ряду можно отнести образы Иксиона и Сизифа.

Этот же легендарный образ восходит, несомненно, и к Библии. Прототипом Вечного Жида может считаться и Каин, сын Адама и Евы и первый убийца на земле, наказанный за свое преступление тем, что его никто не может убить, и он обречен жить вечно. По еврейским народным представлениям вечно живет Илья-пророк. В арабских легендах, опирающихся на Библию, пророк Илья и патриарх Энох, пившие из источника жизни, также живут вечно, постоянно странствуя, один по морю, другой по земле. В Коране рассказывается, что некий человек по имени Самирий поставил в пустыне изображение золотого тельца, чтобы вернуть вышедших из Египта евреев к идолопоклонству, и за это он тоже был наказан бессмертием.

Человечество издревле мечтает о бессмертии как награде и боится бессмертия как наказания. Сложная по генезису и противоречивая легенда о Вечном Жиде акцентирует внимание на проблеме вечной жизни как наказания и одновременно символизирует бессмертие еврейского народа-скитальца, непонятная жизнеспособность и загадочность которого рождали у других народов всевозможные суеверия и предрассудки.

Перекочевав из легенды в художественную литературу, поэтический образ Вечного Жида вдохновил многих писателей богатством возможностей его интерпретации. На эту тему написано множество поэм и романов; некоторые из них в образе Агасфера изображают бессмертное страдающее человечество, идущее к неведомой цели. О Вечном Жиде много пи-

сали поэты-романтики, найдя в этой легенде благодарную тему. Особенно часто разрабатывался этот сюжет в немецкой литературе. Свои поэмы оставили нам Шубарт, Шрейбер, Ленау, Мюллер, Мозен; Гете написал фрагментарный фарс о Вечном Жиде — кусок неосуществленной эпической поэмы. Новелла Франца Хорна "Вечный Жид" послужила сюжетом для созданной Клингеманном пьесы на эту тему. Историк и философ Эдгар Кине в 1833 г. написал фантастическую драму "Агасфер" в духе средневековых мистерий. Очень значительная поэма австрийского поэта Хамерлинга "Агасфер в Риме", дважды переведенная на русский язык. Шелли в юношеские годы написал атеистическую поэму "Странствующий Жид". Интереснейшая поэма Г.-Х.Андерсена "Агасфер" (1848) трактует Вечного Жида как ангела сомнения, пришедшего вместе с Христом на землю. Защитником еврейства является Агасфер в поэме Хеллера "Странствования Агасфера" (1868). В поэме Эдуарда Гренье "Смерть Вечного Жида" (1857) Христос сжалился наконец на Жидом, послав ему долгожданную смерть. Из романов на этот сюжет наиболее популярен "Вечный Жид" Эжена Сю, где Агасфер предстает гением добра, посланником Бога, борцом против монашеского ордена иезуитов. Этот приключенческий роман, обогативший образ Вечного Жида огромным количеством новых деталей, имел в свое время необыкновенный успех и выдержал множество переизданий, трижды он был переведен и на русский язык. В знаменитом романе Я.Потоцкого "Рукопись, найденная в Сарагоссе" одним из персонажей также является Вечный Жид. Встречается этот образ и в стихах Кармен Сильвы, Хаусхофера, Шмитца, Льюиса Уоллеса. В России образ Вечного Жида вдохновил поэтов Жуковского и Фруга.

В 1919 г. три наиболее известных поэмы (Шубарта, Ленау и Беранже) были изданы в сборнике "Легенда об Агасфере — Вечном Жиде". Песня Беранже "Вечный Жид" особенно прекрасна своей отточенной формой и глубоким человеческим содержанием. В завершение рассказа приведем первую и последнюю строфы из этой поэмы в переводе В.С.Курочкина.

Внемли мне, Христианин! Будь
Готов помочь тому, кто просит!

Я Вечный Жид — и вечно в путь
Могучий вихрь меня уносит.
Все мрет вокруг. Мне смерти нет.
С надеждой жду, чтоб загасила
Ночь над землей навеки свет —
Но каждый день встает светило.

Иди! Иди!

Звучит мне всюду с грозной силой.
И вечность, вечность впереди...

Иди! Иди! Иди! Иди!

.....

Над Богочеловеком я,
Когда Он крест свой нес, изранен,
Дерзнул... Прости!.. Бежит земля...
Вихрь гонит... *Помни, христианин:*
Будь милосердным. Казнь мою
Постигни: до скончанья века
Не за божественность свою
Бог мстит во мне — за человека!

Иди! Иди!

Звучит мне всюду с грозной силой.
И вечность, вечность впереди...

Иди! Иди! Иди! Иди!

-----ooOoo-----

Корнелиу МЭНЕСКУ,
Министр иностранных дел
Социалистической Республики Румынии

ВЫСТУПЛЕНИЕ
на Совещании министров иностранных дел
социалистических стран — государств-
участников Варшавского договора
(19—21 декабря 1967 года в Варшаве)
(выдержки)

Уважаемые товарищи!

Как вам хорошо известно, в израильско-арабском конфликте правительство и Коммунистическая партия Румынии занимают иную позицию, чем другие коммунистические страны, (...) и заявляют о своей позиции при всех обстоятельствах, как в своей стране, так и за границей, в ООН и на Московской конференции, проходившей в июне с участием глав правительств социалистических стран. Как известно, мы **воздержались** от подписания Коммюнике, в котором Израиль обвиняется в агрессии. Мы это рассматриваем как односторонний подход, который не отражает действительного положения дел на Ближнем Востоке и не дает объективного освещения причин, приведших к Шестидневной войне.

Мы не склонны принять крайне упрощенный тезис, будто 2,5-миллионный народ заинтересован в том, чтобы жить в постоянном состоянии войны со 100-миллионным народом, занимающим огромную территорию и владеющим колоссальными нефтяными богатствами. Правда заключается в другом: за все эти годы мы ни разу не слышали, чтобы руководители Израиля заявляли о своем намерении уничтожить какое-нибудь арабское государство. В противоположность этому мы слышали от многих арабских представителей заявления о том, что **Израиль должен быть уничтожен**, и арабская пропаганда в по-

следнее время велась именно в этом направлении. Как вам известно, после Шестидневной войны сами арабы признали, что эта пропаганда нанесла им огромный вред накануне и после войны, так как она заметно усилила симпатии к Израилю во всем мире. Обвинения Израиля в агрессии не были признаны не только правительством Румынии, но также и десятками членов ООН, которые отнюдь не настроены против арабов. По нашему мнению, социалистические страны себя сильно скомпрометировали в глазах миллионов коммунистов на Востоке и Западе. Мы также не приняли участия во Второй конференции коммунистических стран в Будапеште, на которой было принято решение оказать арабским странам далеко идущую военную, экономическую и политическую помощь. Наше правительство считает, что это является лишь подстегиванием арабских руководителей, и они будут еще более упорствовать в своей бескомпромиссной позиции в конфликте с Израилем.

И наше предположение полностью оправдалось, когда на Хартумской конференции арабов были приняты решения:

- 1. Не признавать Израиль;**
- 2. Не вести с ним никаких переговоров;**
- 3. Не заключать с ним мирного договора.**

Эти решения, вне всякого сомнения, еще больше обострили положение на Ближнем Востоке. Как представитель Румынского правительства, я считаю, что такая политика не должна быть целью социалистических стран (...).

Мы считаем, что Израиль тоже имеет право на мир и безопасность как самостоятельное и суверенное государство. Мы являемся единственной социалистической страной, которая не порвала дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны. Мы этого не сделали, так как придерживаемся того мнения, что нет никаких оснований для разрыва с ним дипломатических отношений (...). Каково бы ни было отношение к арабо-израильскому конфликту, невозможно опровергнуть тот факт, который привел к Шестидневной войне: **не Израиль, а Египет закрыл тиранский пролив**, признанный почти всеми странами международным водным путем (...).

Кроме того, наше правительство придерживается мнения, что разрыв дипломатических отношений с Израилем не являет-

ся актом мудрости и политической дальновидности. Если мы хотим помочь арабским странам "в ликвидации последствий израильской агрессии", то это может быть достигнуто (...) повседневным контактом с представителями данной страны. Только таким образом можно оказать дипломатическое давление на Израиль и склонить его на уступки, приемлемые для арабских стран. Теперь, спустя шесть месяцев после войны, выяснилось, что дипломатическое оружие, посредством которого вы думали сразить Израиль, действует как бумеранг и ослабляет позиции социалистических стран в данном вопросе. Вы сами собственными руками передали ключ к решению данного конфликта Вашингтону, вместо того, чтобы держать его в своих руках и склонить Израиль к уступчивости.

Заканчивая, я прошу разрешения сделать еще одно замечание о явлении, оказавшем огромное влияние на арабо-израильский конфликт. Коммунистическая печать в последнее время атакует в самых резких выражениях "израильских агрессоров", которых приравнивают к гитлеровцам и другим военным преступникам без всякого на то основания. Акробатика многих коммунистических газет, пытаясь внести различие между израильтянами и евреями, часто доходит до абсурда и подрывает авторитет коммунистических партий (...). Мы считаем, что почти невозможно отличить израильтянина от еврея, особенно в вопросе государства Израиль.

И если коммунистическая печать ведет кампанию против Израиля, то эта кампания неминуемо примет антисемитский характер по отношению к тем евреям, которые проживают в коммунистических странах. Так эту кампанию понимают во всем мире. Интересы коммунистических партий и коммунистических идеалов требуют, чтобы мы как можно скорее отдали себе отчет в этом вопросе.

Уважаемые товарищи!

Мы далеки от мысли, что Абдель Насер и доктор Зуэйн являются истинными представителями социализма и что правительство Израиля — реакционеры и империалисты. Извините меня за следующее замечание: по мнению нашего представителя в Тель-Авиве, "в самом маленьком киббуце Израиля больше социализма, чем во всем Египте"! Что касается социализма и коммунизма, то еще большой вопрос, сидели ли бы

мы с вами сегодня на этой конференции, если бы не колоссальный вклад еврейских коммунистов и революционеров в осуществление идей марксизма-ленинизма (...).

Наше правительство принимает участие в этом совещании с надеждой, что социалистические страны кое-что поняли за истекшие шесть месяцев. Мы считаем, что решение Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года является конструктивной базой для разрешения арабо-израильского конфликта мирным путем. Израильтяне и арабы не являются исключением, и им следует встретиться за столом **прямых переговоров**, чтобы обсудить пути к стабильному миру (...).

По мнению моего правительства социалистические страны имеют достаточно влияния, чтобы побудить руководителей арабских стран реалистически подойти к данному вопросу, полностью отказаться от решения данной проблемы военным путем и найти путь к миру с Израилем.

-----ooOoo-----

-----ooO Ooo ooO Ooo-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----ooO Ooo-----

Выпуск 7

Сентябрь 1985

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

М. БЕЙЗЕР: Васильевский остров. Экскурсия четвертая (окончание)	149
А. СТУПНИКОВ: Стихотворения	172
А. СТУПНИКОВ, И. КОМПАНЕЕЦ: Тому, на чьем месте мог быть я	177
М. ГОЛЬДИНА: Об изучении еврейской музыки в России	180
Ф. НУЛИН: К истории политического мезальянса Зубатов—Вильбушевич	192
М. САЛЬМАН: Евреи Польши и Литвы: динамика численности населения в XV—XVIII веках	199
Еврейский фольклор (составитель Е. Райзе)	212

Михаил БЕЙЗЕР

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Экскурсия четвертая
(Окончание)

Следующий объект нашей экскурсии — небольшое, но внушительное здание, построенное между 1905 и 1913 гг. Первый полуподвальный этаж выполнял служебные функции. Окна второго и третьего этажей украшены решетчатыми рамами. На четвертом этаже справа и слева полукруглые окна со скромным декором. Адрес: 5-я линия, 50. Дом был построен на деньги Моисея Акимовича Гинсбурга — щедрого благотворителя, разбогатевшего на русско-японской войне. М.А.Гинсбург был членом хозяйственного правления Петербургской общины. Он же финансировал строительство синагоги на Преображенском кладбище. В доме помещалась еврейская богадельня, носившая до революции имя благотворителя и председателя попечительского совета — того же Гинсбурга. Видимо, он не был чужд искушению увековечить свое имя при жизни.

До революции богадельней заведовал А.П.Тынянов, а лечил стариков Григорий Исаакович Дембо, второй представитель знаменитой династии врачей (см. экскурсию по кладбищу). В 20-е годы заведующим и врачом богадельни стал Ефим Евсеевич Клионский (1892—1961), впоследствии профессор, специалист по лечению туберкулеза. Квартира его семьи находилась на четвертом этаже. В те годы богадельня содержалась уже на средства ЛЕКОПО¹⁴.

Попечительский совет и дамы-патронессы устраивали благотворительные вечера с целью сбора средств на богадельню. На этих вечерах выступали: совсем юный Фрейдков — будущий бас Мариинского театра, пианист Перельман, ставший позднее профессором Ленинградской консерватории, поэтесса Елизавета Полонская (эмигрировала в Палестину), исполнительница еврейских народных песен Голубева. Условия жизни в богадельне были вполне приличными. Ее обитатели жили по

двое-трое в комнате; большая кухня обеспечивала всех кошеров пиццей.

В 1913 г. в здание богадельни перевели Курсы востоковедения и Еврейское историко-этнографическое общество. На втором и третьем этажах отвели залы для лекций и докладов, "железную комнату" для архива, большой зал для музея.

Историко-этнографическое общество (ИЭО) было образовано усилиями энтузиастов в 1903 г. Они собирали материалы по истории, этнографии и фольклору русских евреев конца прошлого — начала нашего века. Прделанная работа, хоть и не законченная, оказалась бесценной, поскольку традиционное еврейское местечко не дожило до наших дней.

Собственно, повышение интереса к творческому наследию народа, его научное исследование, становление этнографии, охрана памятников старины — все это традиции, вообще характерные для конца XIX века. Работы в этом направлении развернулись в среде русской, украинской интеллигенции, изучалась жизнь малых народов Сибири и Крайнего Севера и т.д. Явления эти были связаны с быстрым прогрессом науки, повышением национального самосознания и опасением, что традиционную жизнь народа завтра уже зафиксировать не удастся. Последнее соображение остро касалось еврейской народной жизни.

Началось все с отдельных выступлений в печати И. Оршанского, И. Лернера, С. Рапопорта (Ан-ского) о необходимости собирания и изучения фольклора. С. М. Дубнов возглавил сбор исторических документов, С. Гинзбург и П. Марек стали собирать еврейские народные песни (от этого начинания родилось Общество еврейской народной музыки). Эта деятельность привела к образованию ИЭО. Оно неоднократно меняло адреса: (1) ул. Каляева (б. Захарьевская), 25 (квартира М. Винавера) — до 1910; (2) ул. Некрасова (б. Бассейная), 35 (квартира Ю. Гессена) — до 1912; (3) 7-ая Советская (б. 7-я Рождественская), 6, кв. 24 — 1915—1916; (4) ул. Каляева, 25, кв. 13 — 1917; (5) 5-я линия, 50 (1918); (6) ул. Рылеева, 8 (1927).

В уставе ИЭО было сказано, что Общество имеет целью собирание, изучение и разработку исторических и этнографи-

ческих материалов о прошлом еврейства России и Польши — от появления первых еврейских поселений до настоящего времени. Общество устраивает собрания с научными сообщениями, публичные лекции по еврейской истории и этнографии, издает систематические сборники актов и регистр, научные труды и т.п. ИЭО возглавлял известный адвокат, русский и еврейский общественный деятель, депутат I Государственной Думы от кадетов Максим Моисеевич Винавер. Товарищами председателя были историк С.М.Дубнов и просветитель М.И.Кулишер. Активными членами общества были С.Гольдштейн, М.Г.Сыркин, Л.Я.Штернберг (председатель Общества с 1924 г.), М.И.Шефтель, Г.С.Слиозберг, С.Г.Лозинский, И.А.Клейнман, С.Л.Цинберг.

С января 1909 г. Общество издавало журнал "Еврейская старина". В журнале помещалось много ценных документов, мемуаров, статей по истории евреев Литвы, Польши и России. Общество собрало значительную коллекцию рукописей и других памятников старины. Функционировало оно только в Петербурге и отделений в других городах не имело. После эмиграции М.Винавера, а затем С.Дубнова, председателем ИЭО и редактором "Еврейской старины" стал профессор Л.Я.Штернберг (см. экскурсию по кладбищу), а с 1927 г. — С.Л.Цинберг. К 1925 г. в Общество вошла Комиссия по изучению социальной биологии и психофизики евреев, которая еще в 1922 г. значилась как самостоятельное общество и располагалась по адресу: ул.Фурманова (б.Гагаринская), 20. Председателем Комиссии был А.М.Брамсон. В 1916 г. у Общества уже был музей. Директором музея стал академик И.Я.Гинзбург. Он же возглавлял музейную комиссию. Общество просуществовало до 1930 г.

В организации еврейского музея — он находился здесь же — огромную роль сыграл С.Ан-ский, известный писатель на русском и идише, бывший народник и секретарь П.Лаврова, автор знаменитой пьесы "Дер Диббук" и гимна Бунда "Ди швуэ" (клятва). В 1911—1914 гг. С.Ан-ский возглавил этнографическую экспедицию на Волынь, Подолье и в Киевскую губернию на средства семьи баронов Гинцбурггов. В экспедиции участвовали специалисты по еврейскому музыкальному фольклору Ю.Д.Энгель и З.А.Киссельгоф, а также мо-

лодой художник С.Б.Юдовин. Из-за войны экспедиция прервала работу. А в 1916 г. на основе собранных материалов усилиями С.Ан-ского в богадельне был открыт музей. В 1917 г. музей закрыли, а затем снова открыли в начале 20-х годов. Музей имел отделы: этнографический, исторический, музыкальный, художественный и старого искусства. Здесь было около 1000 экспонатов: нотные валики с записями народных песен, собрания народных легенд, сказок и т.п., рукописи, старопечатные книги, фотографии старых синагог, сцен народного быта, синагогальная утварь, выполненная иногда очень искусно, образцы старинной одежды, свадебных украшений, посуды и т.п. Уже в 20-е годы музей пополнялся картинами на мотивы еврейской жизни. Их авторами были Н.Альтман, Ю.Пэн, С.Гершов, А.Каплан, А.Тышлер и сам С.Юдовин, который стал хранителем музея и жил в нем со своей семьей. Музей был открыт для посетителей по субботам и воскресеньям по 3 часа. После смерти И.Гинцбурга председателем музейной комиссии стал А.М.Брамсон. В комиссию входили также Е.Клионский, С.Юдовин и И.Равребе, который в 20-е годы также жил там, т.к. его жена работала экономкой в богадельне. Музей прекратил свое существование вместе с Историко-этнографическим обществом.

Интересно, что и сам Семен Акимович Ан-ский некоторое время жил в здании богадельни. Об этом сохранились замечательные воспоминания Ривесмана (Еврейская Летопись, 1926, т. III). Вот как происходила их встреча.

”Однажды он (Ан-ский) очутился в Петербурге, куда не имел права въезда ни как ‘политический’, ни как ‘бесправный’, без приюта на ночь. Он вообще жил в Петербурге нелегально, ночуя где попало. В последний раз я его встретил утром в комнатке на Васильевском острове, где была богадельня, а под вечер... в Зоологическом саду.

Когда я был у него утром, он еще лежал на чем-то, едва напминавшем кровать. Только перо Гоголя могло бы изобразить ‘обстановку’ этой комнаты. Скажу только, что всякая вещь занимала несоответствующее ей место. Так может жить только истинный ‘сын богемы’. Он встал, сел на ‘кровать’, протер глаза и, узнав меня, сказал:

—Хорошо, что вор не забрался...

И засмеялся таким великолепным смехом, довольный своей шуткой, что мгновенно заразил меня.

—Ну, не слезьте меня. Вот видите, я и зевать начал... Который час? Часы третьего дня у меня выкрали.

—Около двенадцати, — сказал я.

—Недурно. А в 11 я обещал быть у С.М.Дубнова, в 12, впрочем, этого я вам не скажу. Вы, вероятно, надеялись выпить со мной чаю...

—Я уже пил.

—Экий вы счастливец. Ну, вот что... Достаньте вот с этой полки тетрадь. Спасибо. Сядьте и слушайте. Только после чтения не ударяйтесь в критику.

И он стал читать первые сцены драмы-легенды "Дер Диббук". Читал он превосходно, и я слушал его с затаенным дыханием. Когда он кончил чтение первого действия, то спросил:

—Ну, каково? Это дитя выношенное. Ни рахитизма, никаких других детских болезней...

—Дорогой С.А., читайте дальше.

—А... Разобрало вас... А мне есть хочется...

—Я сбегая за булками и другой провизией.

—Вот это я понимаю! Бегите, оленю подобный!

Я побежал, подгоняемый перспективой услышать из уст даровитого автора следующее действие его дивной драматической поэмы. Ан-ский был очень рад завтраку и продолжал читать, не оставляя без внимания булку, сыр и масло. Чем дальше, тем драма становилась интереснее. Наконец, он остановился и сказал: 'Доселе читают в Великую субботу'. Больше я еще не написал. Надеюсь до своей славной кончины закончить пьесу."

В этом же доме №50 в 1915 г. было учреждено Еврейское общество поощрения художеств во главе с тем же М.М.Винавером. Товарищем председателя Общества был известный скульптор Илья Яковлевич Гинцбург. К 1917 г. Общество переехало в дом, где жил Винавер: на Захарьевскую, 25. После 1917 г. оно, вероятно, распалось — с отъездом за границу председателя. За время своей деятельности общество устроило несколько художественных выставок и конкурсов, хотя первоначальные планы его создателей были гораздо ши-

ре: издавать книги и журналы, помогать молодым талантам и пр.

Вообще, за полстолетия (1880—1930) в Петербурге можно насчитать не менее 40 еврейских обществ культурного, просветительного, благотворительного и других направлений. Некоторые оказались нежизнеспособными или не успели развернуться, другие, как например, Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ), Общество распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), Еврейское колонизационное общество (ЕКО) и Историко-этнографическое общество (ИЭО), сыграли важную роль в истории евреев России.

Ленинградцы помнят, что в доме №33 по 10-й линии еще недавно находился математико-механический факультет ЛГУ. До революции здесь размещались Высшие женские курсы, больше известные под названием Бестужевские. Не углубляясь в историю самих курсов, впрочем, весьма интересную, отметим, что и к еврейской истории они имеют отношение.

Известный адвокат М. Айзенберг в своей статье "Плеве и еврейки-бестужевки" вспоминает, как некая Двойра Рафайлович, окончившая Курсы, поселилась в 1902 г. отдельно от отца, но ее право на жительство в столице как обладательницы диплома о высшем образовании не было признано полицией, так как незадолго до того министр внутренних дел В. Плеве приказал полицейскому управлению не делать евреям снисхождений. Айзенберг занимался делом несчастной Д. Рафайлович целых 8 лет, до тех пор пока наконец в мае 1910 г. государственный совет не признал Бестужевские курсы высшим учебным заведением. До тех пор, все эти 8 лет, ранг курсов был официально снижен только для того, чтобы выгнать из Петербурга нескольких выпускниц-евреек.

В 1904 г. здесь недолго училась дочь историка С. М. Дубнова Софья (впоследствии жена члена ЦК Бунда Г. Эрлиха); в том же году ее исключили за участие в студенческих волнениях. Тогда же она написала пророческие стихи про Плеве, гонителя евреев. В стихах Плеве сравнивался с Аманом,

японцы — с Киром, а царская Россия почему-то с Вавилоном. Стихи были напечатаны "Восходом", но весь тираж был конфискован полицией. Зато пророчество С. Дубновой сбылось — министр внутренних дел был вскоре убит эсером Сазоновым.

В 1910-х годах на Бестужевских курсах существовал кружок по изучению еврейской истории под руководством профессора Карташова. В 1920-х в здании курсов разместился рабфак (директор — Шульман). Рабфак готовил слушателей в ВУЗ. Учиться нужно было 3 года. Существовали и национальные отделения, в том числе еврейское, которым заведовал Гитлиц. Обучение там велось на идише. Математику преподавал З.А.Киссельгоф, а черчение и рисование — С.Б.Юдовин.

На Васильевском острове первое еврейское учебное заведение появилось не позднее 1879 г. В газете "Гамелиц" за 16 (28) октября 1879 г. было опубликовано сообщение о том, что частная еврейская гимназия и коммерческая школа доктора Вайдемана теперь возглавляется доктором Эрделем и переехала на новое место по адресу: 9-я линия, д.44, кв.17. В последующие годы небольшая, но сплоченная община Васильевского острова постоянно содержала какие-либо учебные заведения, главным образом хедеры при небольших синагогах-молельнях. На 3-й линии в д.48 на втором этаже (вход со двора) в начале XX в. находилась одна из таких синагог. При ней существовало еврейское училище для детей бедняков. Заведовала училищем Софья Афанасьевна Зельцер. Училище поддерживалось Обществом оказания помощи бедным евреям Васильевского острова и Галерной гавани, "Цдоко Гдейло". Председателем Общества был доктор Л.И.Вейнгеров (адрес Общества: Средний пр., 33). В училище дети учились 3—4 года. Вместе с религиозными предметами там преподавали иврит и основы еврейской истории (по-русски). В 1818—1920 гг. еще одна молельня находилась на Среднем пр., 16. Тут же был и хедер.

На Васильевском острове существует здание, история которого более полувека была связана с воспитанием и обра-

зованием еврейских детей. Это дом под номером 37 по 10-й линии, рядом с Бестужевскими курсами. При доме небольшой сад с высокой оградой. Еще в прошлом веке не позднее 1890 г. жена знаменитого барона Горация Гинцбурга — Анна Гесселевна — основала здесь еврейский сиротский дом. Впоследствии финансирование этого учреждения взял на себя ее сын, золотопромышленник Александр Горациевич. Заведование домом перешло к дамскому попечительскому комитету под председательством баронессы Матильды Юрьевны Гинцбург (вероятно, жены Давида Гинцбурга). Лечил детей все тот же Г. И. Дембо.

Вместе с революцией ушло время сиротских домов, существовавших на частные пожертвования. Их сменили детские дома, финансируемые государством. Еврейское население бывшей черты оседлости за время войны и революции потеряло на фронтах, во время погромов всех мастей и погибшими от голода не одну сотню тысяч человек. И везде оставались бесчисленные сироты.

В начале 20-х годов в Петроград пришел поезд из 10 вагонов. В поезде ехали еврейские дети из Белоруссии и Украины, много повидавшие за свою короткую жизнь. Среди них были будущие математики и музыканты, комсомольские активисты и герои грядущей войны. Дети ехали начинать новую счастливую жизнь без ужасов и ночных кошмаров. Их привезли сюда, на 10-ю линию, где открылся 93-й (впоследствии 76-й) детский дом. Их общим отцом стал заведующий домом Зиновий Аронович Киссельгоф.*

З. А. Киссельгоф — ярчайшая личность, педагог в самом высоком смысле этого слова, — был известен в общественной жизни Петербурга еще с 1910-х годов. Мы встречаем его имя в составе ЦК ОПЕ, среди членов комитета Общества еврейской народной музыки, в числе преподавателей Еврейской гимназии Эйзенберта и Еврейского ремесленного училища при ОПЕ на Офицерской ул., 42. В историю он вошел как талантливый преподаватель, организатор еврейского образования,

* Журналист Д. Левин написал о детском доме книгу "Десять вагонов".

хороший музыкант и собиратель еврейской народной музыки, блестящий знаток фольклора.

В 1917 г. Киссельгоф вместе с другими ведущими евреями-преподавателями Петрограда организовал Петроградское еврейское учительское общество и вошел в его комитет. В воззвании общества говорилось: "Наконец-то наступил момент, когда многое из того, о чем мы мечтали многие годы, может и должно воплотиться в жизнь. Теперь, товарищи, цепи рабства пали. Созданы большие возможности, горизонты нашей работы расширились и углубились. Теперь, когда вся страна и каждая группа в отдельности приступают к организации своих сил..., нам, евреям, безусловно необходимо возможно скорее осуществить и зафиксировать наши естественные культурные права... В союзе с другими нацменьшинствами упрочится и наша собственная позиция..." Учредители общества были полны решимости поставить еврейское школьное образование должным образом.

Должность заведующего еврейским детским домом в определенной степени давала возможность Зиновию Ароновичу приступить к осуществлению своих планов. Впоследствии на базе детского дома была образована 14-я полная национальная еврейская школа, а затем (с 1938 г.) — 11-я неполная национальная школа. При этом Киссельгоф получил должность директора школы. Заведовать детским домом стала Юдифь Михайловна Дворкина. К 1931 г. в школе насчитывалось 267 учащихся, по 30—35 человек в классе. Большая часть учеников была приходящей, детдомовцы составляли не более 10%, но именно они говорили на идише и были национальным ядром школы. Для ленинградских же, домашних детей школа была притягательна главным образом из-за качественного преподавания общих предметов и высокой успеваемости учащихся. Еврейский язык, который они изучали наряду с другими иностранными языками 2—3 раза в неделю, ощущался коренными ленинградцами скорее как обуза, а получать за него пятерки считалось даже непрестижным. Дирекция сделала было попытку в начале 30-х годов перевести преподавание большинства предметов на идиш, но от этого пришлось отказаться, так как многие владели языком плохо, и успеваемость стала быстро падать.

Зато процветала внеклассная еврейская культурная жизнь. Зиновий Аронович поощрял художественные, музыкальные и драматические кружки. В школе был хор, многие ребята показали себя хорошими певцами и музыкантами. Сам Киссельгоф играл на концертине. На 3-м этаже, в актовом зале, где во времена сиротского приюта была синагога, часто устраивались замечательные концерты. В благоприятной обстановке у многих ребят открылись творческие таланты. Фрида Юдбовская (погибла во время войны) обладала замечательным сопрано. Она одинаково хорошо исполняла русские классические романсы и еврейские песни. В памяти воспитанников до сих пор сохранилась бесхитростная колыбельная, которую она часто пела:

Шлоф, шлоф, шлоф
 Дайн тате вет форн ин дорф,
 Вет эр бренген а ниселе —
 Вет зайн гезунд ди фиселе.
 Шлоф, шлоф, шлоф
 Дайн тате вет форн ин дорф,
 Вет эр бренген ан эпеле —
 Вет зайн гезунд ди кэпеле.

Спи, спи, спи,
 Твой папа поедет в деревню,
 Привезет орешки —
 Будут здоровы ножки.
 Спи, спи, спи,
 Твой папа поедет в деревню,
 Привезет яблоки —
 Будет здорова головка.

Миня Вейсман, Арон Рубинштейн, Сема Жаровский и другие играли в драматическом кружке. Самого талантливое из них, Леву Шмидта, Михоэлс взял в свою труппу. Кипела жизнь и у юных живописцев, работавших под руководством учителя рисования Бориса Ефимовича Цирлина. Оформлялись выставки на русском и идише о жизни школы, выпускалась стенгазета "Детдомовец". Один из ребят, Кацман, стал профессиональным художником. Он погиб во время войны.

Для Зиновия Ароновича фольклор был не мертвым памятником старины, а сегодняшним народным богатством. И он щедро дарил его своим ученикам. Школу нередко посещали знаменитые тогда еврейские актеры, многие из которых были личными друзьями директора: Эпельбаум, Михоэлс, Зускин, Маркиш. Приезжал еврейский вокальный ансамбль "Евоканс". Да и сами дети выступали с концертами в Евдомпросвете, в ленинградском отделении ОЗЕТ (Общества по земельному

устройству трудящихся евреев), в трампарке им. Леонова, который шефствовал над школой.

Киссельгоф сумел сделать школу родным домом не только для сирот, но и для проходящих учеников. Он достиг этой цели благодаря своей мощной эрудиции, опыту, педагогическому таланту, неподдельной любви к детям. Школа занимала все его время. Он и жил здесь же. Квартирка его семьи, состоявшая из одной комнаты и кухни, находилась рядом с учительской, и здесь преподаватели бывали не реже, чем в самой учительской. Отбирал учителей Зиновий Аронович очень тщательно и придирчиво, но уже те, кто был принят, оставались работать надолго. Между учителями были самые дружеские, неформальные отношения. Как и директор, многие были незаурядными специалистами с неумным энтузиазмом. Обучение велось гораздо шире школьной программы. Неудивительно, что почти все ученики впоследствии получили высшее образование, а многие защитили кандидатские и докторские диссертации.

Кажется, что сказанное все равно не объясняет, что же замечательного было в этом коллективе. Были ведь и в других школах квалифицированные преподаватели и способные дети. Что же касается еврейской культуры, то она существовала в школе в довольно ограниченном виде: без иврита, еврейской истории, основ религиозных знаний и т.п., да и идиш преподавался весьма посредственно. Почему же тогда так загораются глаза и сегодня у бывших учеников, лишь только вспоминают они эти годы? Почему по сей день они ищут друг друга и своих учителей, знают друг о друге, встречаются, перезваниваются и переписываются? Вероятно, причина тому — атмосфера доброты и братства, "лицейский дух", который смог вдохнуть в небольшой коллектив педагог милостью Божьей, Зиновий Аронович Киссельгоф. Все помнят его согнутую фигуру (что-то у него было с позвоночником), заложенные назад руки, лысый череп и небольшие усы. Характер он имел вспыльчивый, иногда даже кричал на учеников, но этого никто не боялся, зная доброту директора. Самым серьезным наказанием дети считали не выговор, а когда директор возьмет за руку провинившегося и водит за собой из класса в класс весь день (он преподавал математику), на

уроках посадит рядом с собой, в перерыв уведет в учительскую, накормит обедом у себя на кухне — и так до вечера.

Многие воспитанники не дожили до сегодняшнего дня, особенно мужчины. Во время войны их возраст был самый призывной. Те, кто по спецнабору был взят в артиллерийские школы еще до войны, погибли в самом ее начале. Среди детдомовцев это — Арон Рубинштейн, Ефим Гамбург, приходящие — Яша Гершкович, Ролик Гельбергер. Гершкович был эрудитом и прекрасным оратором. Рубинштейну прочили прекрасное будущее в науке. Этим надеждам не суждено было сбыться. Но кое-кто все же остался. Среди них — химики, биологи, юристы, искусствоведы. Бывший пионервожатый Айзик Шпильберг окончил еврейский рабфак, а затем юридический факультет университета, стал еврейским писателем и журналистом, живет в Смоленске и публикуется в "Советиш геймланд".

И все они с восторгом вспоминают учителей: Дину Григорьевну Михайловскую (биология), Марию Ноевну Розенблюм (секретарь директора и учитель музыки), Марка Давыдовича Домнича (история, погиб в первый год войны), Марка Яковлевича Шницера (физика), Надежду Исааковну (немецкий язык), Льва Марковича Иохельчука (завуч и преподаватель идиша), Исаака Лондона (география) и прежде всего, конечно, Зиновия Ароновича Киссельгофа. Печальная возможность показать на деле свое отношение к обожаемому учителю представилась ученикам в 1937 г., когда Киссельгоф был арестован. Тогда школьники написали коллективное письмо в его защиту. Мы не знаем, помогло ли письмо или были другие причины, но примерно через год постаревшего и больного преподавателя отпустили. По поводу его освобождения в Ленинград приехал Михозлс и устроил праздник в честь своего друга, как тогда говорили, "триумф". На празднике Зиновий Аронович простудился и через пару недель умер. На похороны З.А.Киссельгофа на Преображенском кладбище пришли многие его бывшие воспитанники. Вместе с ним кончилась и история школы на 10-й линии Васильевского острова, последней еврейской школы в Ленинграде.

В течение экскурсии мы неоднократно упоминали имя Семена Марковича Дубнова, еврейского историка. В Ленинграде многие адреса связаны с его жизнью. На одном только Васильевском острове он жил на 8-й линии, д.35 (б.33), на 18-й линии, д.9, готовился к лекциям по древней истории в Азиатском музее (1906), работал в книгохранилище у Л.Фридлянда (1888—1889), читал лекции о значении еврейской истории на Бестужевских курсах (1911) и лекции по истории на Курсах востоковедения (1908—1917), выступал на еврейском митинге в здании Биржи в июне 1917 г.

Семен Маркович Дубнов (1860—1941), еврейский историк, публицист, литературный критик и общественный деятель, прожил долгую и плодотворную жизнь.

Что же стоит за этими словами? Историк — он создал новое направление в еврейской истории, собрал, опубликовал тысячи документов, написал 10 томов "Всемирной истории еврейского народа", "Историю евреев Польши, Литвы и России", участвовал в создании Еврейской энциклопедии и первых томов "Истории еврейского народа" (другие тома не вышли), редактировал журнал "Еврейская старина" и пр.

Историков восточно-европейского еврейства почти не было до Дубнова, за исключением Оршанского и Бершадского. И хотя сейчас его книги могут показаться слишком многословными, но подумайте, найдете ли вы хотя бы одну серьезную историческую работу о евреях Польши, Литвы и России без ссылок на С.М.Дубнова или даже без пересказа фактов, выбранных из его трудов?

Публицист, литературный критик... Трудно найти еврейское издание в Петербурге с 1880 по 1920 гг., от умеренного "Русского еврея" до сионистского "Рассвета", где бы не появлялись статьи Дубнова. Но главным его журналом был, конечно, "Восход", в котором он сотрудничал под псевдонимом Критикус со второго года существования журнала. В своих статьях он боролся против антисемитизма, отстаивал права евреев на национальную автономию, боролся за реформы еврейской общинной жизни, выступал против ассимиляции, поддерживал развитие национальной литературы.

Общественный деятель — это значит, что на протяжении всей его жизни процессы, происходившие в русском и мировом

еврействе, не были безразличны Дубнову. Он всегда был активным участником общественных событий, менее всего похожим на кабинетного профессора. В своих бесчисленных статьях, книгах, редактируемых журналах он настойчиво убеждал, спорил, доказывал, воспитывал. Не имея даже диплома о высшем образовании, прочел сотни публичных лекций по множеству тем. Состоял председателем Еврейского литературного общества, товарищем председателя Еврейского историко-этнографического общества. Самостоятельно осмысливая прошлое и настоящее еврейского народа, он разработал теорию автономизма, которую сам из системы философско-исторических взглядов стал преобразовывать в общественно-политическое учение, создав для этой цели Еврейскую народную партию.

Трудно себе представить столь насыщенную человеческую жизнь длиной в 80 лет. Она началась в эпоху расцвета либерализма Александра II и оборвалась нацистской пулей на улице оккупированной Риги. Жизнь, в которую человек вошел активным поборником просвещения и реформы иудаизма, надеясь на скорое всеобщее братство, а закончил, лихорадочно торопясь записать подробности гитлеровских еврейских погромов в Германии, свидетелем которых — увы! — он тоже был.

Семен Маркович родился в Мстиславле на второй день Рошга-Шана в 5621 г. (1860). Его дед, Бен-Цион Дубнов был духовным лидером Мстиславля, а предки жили в г.Дубно на Волыни с середины XVII века.

Впервые Дубнов приехал в Петербург в июне 1880 г. с целью продолжить свое образование. С тех пор до 1922 г. жизнь его связана с нашим городом. И хотя с 1889 по 1906 г. Дубнов жил постоянно в Одессе и Вильне, но и в те годы он регулярно посещал Петербург. Экзамены за курс классической гимназии сдать не удалось, и, изменив свои планы, Дубнов решает заняться изучением истории и журналистской деятельностью. В 1882 г. он становится одним из основных сотрудников "Восхода", бывшего на протяжении многих лет единственным журналом на русском языке для "новой" еврейской интеллигенции. Как и его журнал, Дубнов выступает сначала как защитник мировоззрения гаскалы, которая из-за волны погромов 1881—1882 гг. переживала в то время глубокий кризис. Ассимилированная интеллигенция, разочарованная в

старых идеалах (т.е. в том, что просвещение само по себе несет народу равенство и счастье), искала выход в возврате назад, к традиционной жизни, в крещении, в революции, в сионизме. Вокруг "Восхода" тогда сплотились все те, кто еще верил и отстаивал мировоззрение 60-х годов.

В одной из первых своих статей "Какая самоэмансипация нужна евреям" (Восход, 1883, V—VIII), представляющей собой публичный ответ на палестинофильскую брошюру Л. Пинскера "Автоэмансипация", Дубнов доказывает, что евреям нужна не Палестина, не государство, а в первую очередь внутренняя религиозно-бытовая реформа. Автор видел в евреях не нацию, а только религиозную общность. Да и религия, по его мнению, требовала обновления, так как Талмуд, а в особенности раввинизм, невероятно запутали и усложнили моисеево законодательство, изолировав еврейский народ от других народов. Необходимо "уничтожение племенной обособленности, освященной раввинизмом, путем подкапывания основ последнего и, возможно, полная гражданская ассимиляция с окружающим не-еврейским населением", — вот что рекомендовал народу молодой (23-летний) просвещенец и космополит. В том же духе была выдержана статья "О реформе школьного образования" (Восход, 1885, V—VII), где предлагалось уничтожение хедеров, о чем должно было позаботиться правительство, не отставившись перед самыми строгими мерами.

Однако к концу 80-х годов Дубнов и журнал "Восход" переходят на национальные позиции. На этот переход, вероятно, повлияло ухудшение положения евреев в России, взросление автора и, конечно, усиленные занятия еврейской историей, которые захватывают его уже в начале 80-х годов. Первые же работы "Саббатай Цви и псевдомессианизм в 17 в.", "Яков Франк и его секта христианствующих", несколько статей о хасидизме определили основную область его исследований — историю евреев России и Польши, тогда еще мало изученную. В своей брошюре (1891) он обращается к населению с просьбой собирать исторические документы. Ему начинают присылать материалы, и эта работа (сбор и публикация документов) становится важной частью его жизни. Достаточно упомянуть приложения к "Еврейской старине": "Областной пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы", "Регистры и надписи", ку-

да вошла часть материалов, собранных историком. Да и сама его жизнь давала новый исторический материал. Его дневники "Книга жизни: Воспоминания и размышления" (Рига, 1935) справедливо названы автором "Материалы для истории моего времени". И надо сказать, что это ценнейшие мемуары. В том числе и для экскурсий по городу. Приведем несколько цитат из второго тома (1903—1922).

"Из шумной 8-й линии мы передвинулись в более тихую 18-ю линию и попали в один из тех каменных мешков, каких много в Петербурге. Квартира в надворном флигеле пятиэтажного дома выходила окнами на узкий и глубокий двор-колодец, доставляющий скупой свет даже летом; осенью и зимой дни превращались в вечерние сумерки." (1910, гл. 50, с. 113; адрес: 18-я линия, 9.)

"В городе мы очутились в новой обстановке. Из тесной квартиры на окраине Васильевского острова мы переместились в просторную квартиру, нанятую в новопостроенном доме моего приятеля, адвоката Манделя на Петроградской стороне (адрес: Б. Монетная, 21, ныне ул. Скороходова, 29). В доме, построенном на берлинский лад, с центральным отоплением, пришлось ввести и электрическое освещение. Только с одним культурным удобством я еще не мог мириться — с телефоном. Как ни трудно было обойтись в большом городе без телефона, я сопротивлялся всем попыткам устроить в моей обители эти 'уши в стене', через которые в любой момент может ворваться шум улицы и мешать моей сосредоточенной работе." (1912—1913 гг, гл. 52, с. 137.)

В 1914—1916 гг. Дубнов часто вспоминает 80-е годы, свою молодость, работу в "Восходе", тогдашних друзей, снова переживает прошедшее. "Вчера после полудня ходил по Киврей авот' (могилам предков). В серые полусонные часы бродил по Никольскому садику, прошел по Виа Долороза 1883 и 1885—86 гг. от бывшей квартиры до Средней Подъяческой (все также стоит тот старый желтый дом №116), через Львиный мостик мимо Казанского участка, к редакции "Восхода". Теснились в голове образы былого, когда я спешно под накрапывающим дождиком проходил по этим могилам прошлого." (1914, 11 сентября, с. 164.)

"Потом пошел с Ч. на Киврей авот', к тому двух-

этажному дому на площади Троицкой церкви у Измайловского пр., где мы провели с Фругом осень, зиму, и весну 1883—1884 годов. Стоит ветхий домик в прежнем виде, но весь занят фабрикой.” (Этот дом не сохранился.)

”Кончил ”Воспоминания о Фруге”, просидев таким образом дважды ”шива”, проделав двойной траур. Сегодня был опять в том районе, где мы жили. Прошел через памятный Львиный мостик на Офицерскую, немножко поднялся по лестнице дома № 17, где в 1882-85 гг. была редакция ”Восхода”, затем прошел по пл. Большого театра, где была типография с редакцией с 1886 г. Опять бродил по кладбищу прошлого, и дивны, священны переживания этих минут.” (1916—1917 гг., гл.58, с. 208—209.)

Итак, мы уже упомянули, что к концу 80-х, в 90-х годах взгляды Дубнова стали более национальными. Скажем больше: к концу XIX в. оформилось зрелое мировоззрение историка, его отношение к еврейской истории, нации, литературе, прошлому и будущему народа.

История евреев Дубнова — это не история законодательств о евреях, как у Оршанского, не история только духа, как у Греца, не непрерывная цепь страданий и незаслуженных преследований (как писали в XIX в. еврейские историки Германии, пытаясь в чем-то оправдаться перед христианскими читателями). Дубнов делает попытку создать полнокровную картину эволюции еврейской жизни со всеми ее темными и светлыми моментами, с экономикой, политикой, бытом, религией, культурой. В его истории активно участвует сам народ, не являясь только жертвой сильного соседа. И хотя такой подход Дубнову не совсем удался, но после него никто работ по еврейской истории уже по-старому не пишет.

Современны сегодняшним понятиям были взгляды Дубнова на еврейскую литературу как на литературу на любых языках, написанную евреями для евреев. Приветствуя возрождение иврита как исконно еврейского языка, он ценил роль и значение в диаспоре литературы на идише, способной дойти до самого малообразованного читателя. Он также признавал еврейскую литературу на русском, немецком и других языках, коль скоро они близки еврейскому читателю.

Мировоззрение Дубнова, каким оно стало в начале XX в.,

наиболее полно выражено в "Письмах о старом и новом еврействе" (СПб, 1907) — сборнике статей, выходявших с 1897 по 1907 гг. Книга во многом раскрывает позицию автора. В "Письмах" историк дает свою теорию развития нации, которое, по его мнению, разделяется на три этапа: 1) расовый; 2) территориально-политический или социально-автономный; 3) культурно-исторический или духовный. Нации на двух первых этапах могут распадаться и исчезать, так как существование их зависит от внешних факторов: общности территории, государственности. Нация третьего типа не распадается, если в ней присутствует духовный элемент: культура, история. Чем дальше продвинулась нация по этапам своего развития, тем большую роль играют в ее определении не экономико-политические факторы, а духовные, и в первую очередь, национальное сознание. Единственным примером сохранения нации при утрате государственной самостоятельности и общей территории Дубнов считал евреев, прошедших второй этап еще очень давно — 2 тыс. лет назад, и представляющих собою духовную нацию. Здесь он цитирует Фурье: "Народ, прежде всего, есть совокупность людей, которые сами рассматривают себя как народ".

"Иудаизм, — пишет Дубнов, — это целая полоса культуры — всеобъемлющее мировоззрение." (Не только религия.) "Можно быть евреем по пророкам или по Талмуду, по Маймониду или "Шульхан Аруху", по Мендельсону или Бешту, даже по Спинозе и Гейгеру." Т.е., еврей неверующий, как правило, может найти близкие себе идеи внутри иудаизма. "Евреям, как нации, если не присуща определенная идея всей истории, то, несомненно, присуща 'идейность', непрерывное духовное творчество без периодов варварства."

Всей своей книгой Дубнов выступает за право евреев называться нацией, против ассимиляции. "Ассимиляция — есть не только отречение от народных интересов еврейства, но и отрицание индивидуальной свободы еврейской нации и ее равноценности в международной семье." (Письмо 2.) Национализм автора писем — это ни в коей мере не принижение других народов или презрение к ним, но стремление к равенству своего народа среди других свободных наций. "Признавайте свободу всякого национального индивида, как свободу своей

собственной нации, или: уважайте чужую национальную личность, как свою собственную.” Дубнов считает, что еврей не может рассчитывать на уважение других народов, не будучи патриотом своего собственного, ”т.к. с уважением относятся только к личности, которая сама себя уважает”. В то время как ”ассимиляция — способ спасения еврейского народа через национальное самоубийство” (Письмо 4). Но как получить полное гражданское равенство и одновременно избежать ассимиляции в диаспоре? Ведь в Западной Европе, да отчасти и в России, долгое время считалось, что эмансипация евреев есть плата за национальное самоотречение. Как спасти народ, отходящий от религии, когда лишь религия, она одна, на протяжении веков сохраняла еврейский народ? Ответ на оба вопроса один — создавать национальные партии, бороться совместно за национальные интересы, отстаивать национальную культурную автономию, т.е. функции распадающейся еврейской общины должны взять на себя организации нового типа.

Чтобы убедить читателей в правильности своих слов, Дубнов цитирует речи и статьи многих общественных деятелей — неевреев: депутата австрийского райхстага Брейтера, писателя Марка Твена, чешского профессора Массарика и др. Все их высказывания сходятся в одном: причина бедственного положения евреев именно в том, что они слишком пассивно борются (или вообще отказываются бороться) за национальные интересы.

Что же понимает Дубнов под национально-культурной автономией? В Письме 5 (”О национальном воспитании”) он определяет автономию как самоуправление общины, свободу языка и автономию школы. Права на эти три момента национальной жизни, по его мнению, евреи могут и должны добиваться в любой стране проживания. Борясь с ассимиляторами, Дубнов одновременно резко полемизирует с сионизмом. Ему понятен духовный сионизм Ахад-Гаама (о создании в Палестине национально-культурного очага). Политический же сионизм (т.е. еврейское государство) он считает не только утопической, но и вредной для масс идеей. Путем простых выкладок, умножая максимальные темпы иммиграции в Палестину до 1898 г. на число лет, учитывая прирост и оптимистиче-

ский прогноз, Дубнов показывает, что даже в лучшем случае к началу XXI в. в Палестине будет жить не более полумиллиона евреев. А что делать остальным 10 миллионам евреев Европы? Для них сионизм станет разочарованием, несбывшейся мечтой, толкнет обратно в ассимиляцию. Если только Палестина может спасти народ от исчезновения, "то сионисты невысокого мнения о еврейском народе", "сионизм — это лекарство для слабых. Но опасное лекарство, если утопия не обратится в реальность..." (Письмо 6.) И добавляет: "Мне нет надобности быть палестинофилом для того, чтобы оставаться евреем." (Там же.) И тут, в полемике даже с близким Дубнову Ахад-Гаамом, он неосознанно, походя, и от этого еще более жутко пророчествует холокауст: "Охотно допускаю, что горсть евреев в Палестине будет жить более 'полной национальной жизнью', чем в диаспоре, и наперед радуюсь этому, но меня занимает также участь громады еврейства, остающейся в диаспоре. Или, может быть, Палестина будет Ноевым ковчегом, где спасается от всемирного культурного потопа лишь часть евреев, между тем как все остальные погибнут? Но такой жестокий приговор над диаспорой, конечно, не входит в программу духовных сионистов." (Письмо 7.)

Много других, главных, жизненно важных для тогдашнего еврейства вопросов обсуждается в "Письмах о старом и новом еврействе". Здесь и обзор еврейской прессы в России за 40 лет, и эмиграция в Америку, и пылкий, пронзительный анализ уроков еврейских погромов в Письме 12 "Уроки страшных дней", где автор с глубокой горечью говорит о более чем скромной реакции русской общественности на жуткие проявления средневекового варварства. "Как разное реагировали ("прогрессивная общественность") на погромы и на введение военного положения в Польше. По поводу первого (тысячи трупов) — вздох сожаления, кое-где крики негодования. По поводу второго — организованная забастовка, протесты и негодующие резолюции, серьезные представления правительству (там жертв не было)."

В качестве первых конкретных шагов для осуществления автономизации Дубнов в своей книге предлагает создать Еврейскую народную партию, которая и была им создана в 1906 г.

из некоторых бывших членов Союза для достижения полного права еврейского народа в России. Партия, впрочем, так и не стала играть существенной роли в жизни русских евреев.

Помимо научной и политической деятельности ни на день не прекращалась общественная, преподавательская, литературно-критическая деятельность Дубнова. Он пишет статьи о выдающихся представителях еврейской культуры: "Еврейский Некрасов" (о Гордоне), "Луцатто" (Восход, 1887, V—VI), "Иммануил Римский" (Восход, 1886, III—V), с 1908 г. читает лекции в Вольном университете Лесгафта, на Высших курсах еврейских знаний (Курсы востоковедения) барона Гинцбурга. После революции преподает в Еврейском университете в Петрограде.

Октябрьскую революцию Дубнов не принял. В 1922 г. он покидает Россию. Можно себе представить, как тяжело было 62-летнему человеку расставаться с городом, где прошли его лучшие годы (25 лет), тем более, что он всегда был склонен сентиментально-ностальгически ощущать прошлое. Помните? "Сегодня был опять в том районе, где мы жили. Прошел через памятный Львиный мостик, немного поднялся по лестнице д. №17... Опять бродил по кладбищу прошлого."

Сначала Дубнов уезжает в Литву, но там не оказывается подходящего для него места в университете. Берлин поначалу оказывается более приветливым. Здесь выходит его "Всемирная история евреев", переведенная на английский, французский, испанский, идиш и иврит. Приход нацистов к власти не сразу поднимает его с места, а когда он все же уезжает из Германии от преследований и террора, то не в Америку или Палестину, куда его зовут, а в Ригу, где, по мнению Семена Марковича, будет легче работать над последним в его жизни томом еврейской истории. Здесь он погиб в самом начале гитлеровской оккупации, отказавшись от предоставленной ему в последний момент возможности спастись бегством. Вот какими, по преданию, были его последние слова: "Братья, не забудьте, запомните все, что было! Братья, оставьте это в памяти!"

Ясно, что в своих взглядах Дубнов "в чем-то был неправ, чего-то не предвидел". Его "автономизм" развалился под ужасным ударом, полученным еврейством во Второй мировой

войне. Однако главная задача историка — не пророчествовать будущее, а добросовестно и честно фиксировать настоящее и изучать прошлое. И вот этот труд Семена Марковича Дубнова, труд бесценный, остался и сохранился надолго.

Уходит из-под ног у дедов почва
В могучей Вильне, в некогда богатой Варшаве
И центре знаменитом талмудизма
Воложине. Их внуки
Бегут от варваров, галут приумножая.
Спасаются от римских легионов.
Кто прытью ног, кто хитростью крещенья.

Оставленный бегущими поэт
О преданной Шехине горько плачет
Пред теми, кто еще не убежал
По слабости, по глупости и лени.

Толпливые когда-то синагоги,
Бейт-мидраши, йешивы и дворы
Хвастливых цадиков, равно как и погосты,
Теперь пусты. Не Бог, а многобожье
Теперь в почете у израильтян.

”Треть вымрет, треть сбежит, треть отречется”, —
Оракулы в чиновничьих мундирах
Правей бывают самых правоверных,
В такое время не талмид-хахамам
Провозглашать провидческие сны.

Пустеет Вильна-Сурра с Пумпедитой
И нового гаона не родит.
Какое там, погромы за погромом.
Литва была почти что Палестиной.
Теперь — Черта, вычеркивает жизни,
И жертвой беспричинных враждований
Падет не первый, не последний храм.

Сбежавший из Черты интеллигент
В немецком платье, в сером Петербурге
Средь шума Петроградской стороны,
А может, на Василиевском тихом
Пытается, что можно, сохранить,
Собрать, запомнить, записать, оставить.

Иосиф Флавий, но не перешедший
На сторону Тита. Нет, с его культурой,
Но не с всеядством царского слуги.

Он знает, что пройдет и этот ужас...
Когда-нибудь. Тогда его работу
Разыщут непременно и прочтут.

Работает историк день и ночь,
Пока еще на улице спокойно.
И есть минута сесть и написать
О появлении новых Маккавеев.*

-----ooOoo-----

*Автор стихотворения — М.Бейзер (Прим. ред.)

Александр СТУПНИКОВ

Александр Ступникову тридцать лет. Он родился в Белоруссии, в семье военного летчика. После школы Александр учился на факультете журналистики в Минском университете, откуда его отчислили и исключили из комсомола. С 1975 г. он работал грузчиком, затем служил в армии. После службы он женился и вместе с женой уехал на два года в Воркуту, где работал на телевидении. Затем семья Александра переехала в Донецк, и там он тоже работал на телевидении до 1982 г. Александр Ступников — автор многих стихов, рассказов, репортажей. Недавно Александр выехал из СССР.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Декабрь 1984 — январь 1985

* * *

А. Холмянскому

Я думаю, что жил уже когда-то.
Был молодым и тоже бородатым.
И черные Иакова шатры
Меня тогда спасали от жары.
А на руках доньине не остыли
Прикосновенья царственной Рахили.
И мне уже конечно не забыть,
Где был рабом,
чтоб больше им не быть.
В пустыне я, свободой опаленный,
Внимал словам великого Закона.
И Адонай, единый и незримый,
Водил меня в атаки против Рима.
Почел бы я высокою наградой
Быть кем-то из защитников Массады.

Как просто быть
и как непросто Стать.
Давай немного помолчим о прошлом —
Где слово не прочитано с листа
И потому уже не будет пошлым.
Где некогда и незачем — назад,
Чтоб жить и говорить наполовину.
И зависть,
даже глядя нам в глаза,
На самом деле видит только спину.
А все-таки,
вначале был Вопрос.
И, значит, отвечать еще не поздно,
Пока огнем посадочных полос
Под нами —
опрокинутые звезды.

* * *

Подумать грустно, сколько объяснят
Загоны из расставленных преград,
Когда чины достоинством считая,
Приобретают — словно вычитают
Из смысла лет
бессмыслицу наград.
Подумать только, сколько говорят
В круговороте бытоописаний
Ненужных столкновений и касаний.
И соприкосновения утрат
Расходятся кругами под глазами.
Смешно сказать, никто не виноват
В растрате жизни — худшей из растрат.

* * *

Мне кажется. Мне очень даже кажется,
Что люди вдруг собою быть отважатся.
Когда уже нельзя в полутонах

Любить, и ненавидеть, и стонать.
И над своим достоинством куражиться.
Но мне, наверно, слишком много кажется.
Мне хочется. Мне очень даже хочется,
Чтоб дочь моя гордилась своим отчеством.
И верила, что мы — неповторимы.
Как верят в Палестину пилигримы,
Где путь для них начнется,
а не кончится.
Но мне, наверно, слишком много хочется.
Мне верится. Мне очень даже верится,
Что есть на свете рыцари и мельницы.
И где-то, но у каждого своя,
В душе — Обетованная Земля,
Где грех в благодеянье перемелется.
Но мне, наверно, слишком в это верится.
Мне надо бы. Мне очень даже надо бы
Тебя коснуться робко и негаданно.
Но поезда кричат, как люди — жалобно,
Когда у них нет солнца. Только жалюзи.
Я знаю — возвращение в награду нам.
Но мне, наверно, слишком много надо бы...

* * *

Я на земле транзитный пассажир.
Я жизнь себе на время одолжил.
И имя от рождения меняя,
Стихи пишу — как будто вспоминаю
Увиденные в прошлом миражи.
Мигель де Унамуно и Вийон,
Десятки неизвестных мне имен —
Мои единокровные собратья,
Чего во имя
и чего не ради
Я с вами одиночеством скреплен?
В глаза мне удивленно посмотри,
Единоверец мой, Аль Маари:

Все тот же мир, и запахи, и краски,
И лицемеров вежливые маски —
Как запертые двери изнутри!
 Аль Маари, порвем календари!
 Нет глена, если жизнь — самосожженье.
 И пламя опрометчивых решений
 Продуманностью слова озарит.
Когда немые в голос говорят
И души одинаково горят,
Мы все обречены на откровенье
Жить в новом обрамлении лица
И мучаться, не ведая конца, —
Как тени
 от своих стихотворений.

* * *

Не знаю я, где правда, где обман.
Я в жизнь пришел,
 хотя и не был зван.
И тридцать верст осталось за спиной —
Как тридцать гнезд, разрушенных войной.
 И тридцать зим за тридцать медяков
 Меня держали за руки с боков.
Куда я торопился? И зачем?
Когда есть одиночество ночей.
И словно наказание — благодать
Все знать.
 И ничего не понимать.
Незванный я. Но все-таки не гость,
Поскольку мне родиться довелось.
И тридцать весен, как единый долг
Сказать себе: "Я сделал все, что мог".
 Но утренний рассеянный туман.
 Не знаю я, где правда, где обман...

-----ooOoo-----

А. СТУПНИКОВ, И. КОМПАНЕЕЦ¹⁴

**«ТОМУ, НА ЧЬЕМ МЕСТЕ МОГ БЫТЬ Я»
(Йом Зикарон в Ленинграде)**

Ленинград. Преображенское кладбище, на котором покоится прах пяти поколений евреев. В сырой весенний день около небольшого памятника собралось человек пятьдесят. У большинства из них в годы фашистского нашествия родные и близкие погибли на фронтах, в газовых камерах, во рвах тысячекилометрового Бабьего Яра Европы. Невосполнимая боль утрат, острое чувство сопричастности общенациональной трагедии собрало этих людей в День памяти Катастрофы и героизма (Йом Зикарон). Этот день, приуроченный к годовщине восстания Варшавского гетто в Песах 1943 года, отмечается во всем мире.

Памятник, к которому приходят в Йом Зикарон, прост и символичен. Высокая стальная решетка напоминает створку ворот концентрационных лагерей, грандиозных фабрик смерти. Наверху помещен Маген-Давид, а в середине — неброская плита, где перечислена большая еврейская семья, погибшая во время войны. Показательна поименная география ее надписей: Освенцим, Сталинград, Петсамо в Заполярье, Сосновый Бор под Ленинградом...

Понятно, что памятник этот стал не местом захоронения, но прежде всего — обобщенным образом, зримым воплощением Памяти о воинах и мучениках.

Выступающие здесь говорят о Памяти, о долге перед ней, о павших, крещенных свинцом и газом, о преемственности духа живых. О том, что великая потеря выражается не только числом погибших евреев, но и фактом исчезновения исконных традиций идишистской культуры. Целый мир, с его неповторимым своеобразием, историческими корнями и глубокой духовностью, безвозвратно сгорел в печах Освенцима и Майданека.

Помнить об этом — значить знать. И узнавать. И защищать от клеветы и забвения. И возрождаться. И жить, возрождаясь.

Поэтому особое значение в Йом Зикарон приобретает тема еврейского героизма. Тема, которую одни замалчивают, другие искажают, а третьи... Кто не знает о шестимиллионной Катастрофе! Но, положи руку на сердце, что мы можем рассказать о ней, кроме как о длинной веренице жертв, идущих на бойню? И кому рассказать? И зачем?

Прежде всего, надо знать самим. И помнить не только Бабий Яр, но и отчаянные восстания в гетто и лагерях смерти: Трешлинке и Собиборе, Варшаве и Минске. Не только Румбулу, но и десятки тысяч евреев, с оружием в руках погибших на фронтах Великой Отечественной. Не только Понары, но и пятнадцать тысяч еврейских партизан в лесах Белоруссии. И то, что двадцать процентов *маки* французского Сопротивления были евреями, и более ста героев Советского Союза — тоже, и...

Тогда, в апреле 1943 года, зная о том, что пощады не будет никому, в Варшавском гетто нашлись люди, которые буквально дописывали историю европейского еврейства и поставили последнюю точку. В металлических бидонах, большинство из которых, к счастью, найдено, они закапывали исписанные листы бумаги в оплавленную землю Варшавы. Они думали, они помнили о нас. О тех, кто еще родится в семьях выживших, переживших Катастрофу. Они чувствовали ответственность за историческую реабилитацию евреев и боролись с клеветой об их беспомощности и раболепии. И они верили в нас, как в себя, и надеялись на нас даже больше, чем на себя. Иначе не писали бы тогда...

Вот почему Йом Зикарон — это своеобразная Ханука XX века, гимн вечному духу Маккавеев Сопротивления и народа, величавого в Памяти своей.

Много лет назад одному из нас довелось побывать в Освенциме. Туристом. Место страшное: и почти четырехмиллионной цифрой загубленных жизней, и тысячами сваленных в кучу очков, и бетонными стенами газовых камер, поглотивших тепло стольких сердец.

У печей, где сжигали замученных, стоял венок, принесенный кем-то из посетителей. Только одна фраза по-польски была написана на нем: Тому, на чьем месте мог быть я."

Незабываемые слова. По нашему общему ощущению, лишь еврей мог возложить венок с такой надписью.

Разные города. Непохожие страны. Но общая Память и единая судьба. Судьба народа, его прошлое. А будущее? Оно в наших руках.

Апрель 1985 года. Ленинград. Преображенское кладбище. Пятьдесят рук, и в каждой свеча. И вот пятьдесят зажженных трепетных свечей усыпали землю вокруг памятника со звездой Давида.

Всего пятьдесят?

Уже пятьдесят...

-----ooOoo-----

М.ГОЛЬДИНА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ В РОССИИ*

Огромные еврейские поселения, население которых составляло около 70% всего еврейского народа, достались Екатерине II в результате трех разделов Польши (1772, 1792, 1795). Однако в то время просто не было такой категории людей, которая интересовалась бы еврейской музыкой: для большинства евреев это была "часть быта", неотделимая от повседневной жизни, а то меньшинство, которое поселилось вне черты оседлости, еврейской культурой не интересовалось. Для русских музыкальных деятелей эта культура была еще очень далекой, не имеющей точек соприкосновения с русской: именно в этот период они только начинают изучать и осмысливать богатство своего фольклора (первые сборники русских народных песен: сб. Трутовского — 1776 г. и сб. Прача — 1790). Число ассимилированных, европейски образованных евреев, живущих в крупных городах, в частности, в Петербурге, возрастает, но в условиях жесточайшей внутренней политики Николая I (который даже организовал специальный Еврейский комитет, чьей официальной задачей было "уменьшение евреев в государстве", т.е. разработка методов насильственной ассимиляции), естественно, вопрос о собирании и изучении еврейской музыки просто не мог возникнуть.

Только в годы общественного подъема (начало 60-х годов) стали появляться первые нотные записи. Помимо многочисленных неопубликованных альбомов канторских напевов и клезмерской — инструментальной свадебной музыки (т.е. записей, сделанных еврейскими музыкантами и имеющих чисто утилитарное значение), появились записи еврейской музыки, сделанные композиторами "Могучей кучки", которые, как из-

* Перевод статьи "Фун дор цу дор" (От ступени к ступени) из газеты "Биробиджанер штерн".

вестно, с большим вниманием относились к национальным культурам, в частности, к фольклору. Глинка, Балакирев, Серов и Мусоргский записывали еврейские мелодии и использовали их в своем творчестве. В сборнике украинского музыканта С.Карпенко "Васильковский соловей Киевской Украйны" (СПб., 1884) появляются первые публикации еврейских танцев. В Вильне, крупнейшем еврейском центре, 40% населения которого было еврейским, выходит сборник "Иудейские звуки" (сост. Е.Голомб, Вильна, 1887). Петербург, Киев и Вильна становятся тремя крупнейшими центрами изучения еврейской культуры, позднее к ним присоединяется и Москва.

К концу прошлого века уже наблюдался значительный, едва ли не всеобщий интерес к еврейской культуре. Так, Стасов принимает деятельное участие в обсуждении проекта петербургской синагоги. В одном только Петербурге сосредотачиваются богатейшие коллекции еврейских рукописей и книг. Азиатский музей Академии наук, основанный в 1818 г., к началу XX в. занимает первое место в мире по количеству еврейских печатных книг: около 40 тыс. книг и более 2 тыс. рукописей, в частных коллекциях Петербурга — более 4 тыс. еврейских рукописей. В этих собраниях широко представлены сборники песенных текстов: например, изданный в 1901 г. Библиографический указатель сборников песен на разговорном еврейском языке, находящийся в Азиатском музее, включает 150 названий.

Если до этого времени сведения о музыке евреев лишь изредка попадались в этнографических исследованиях (например, М.Берлин. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. СПб., 1881), то в конце века писатели уже обращаются к использованию еврейского народного творчества. Такие исследователи как И.Оршанский, И.Лернер, С.Рапорт обращают внимание на необходимость собирания и изучения фольклора. С.Гинзбург и П.Марек через еврейские журналы обращаются к населению с просьбой записывать и сообщать им сведения о народных песнях. Они писали, в частности: "Живой материал, отражающий взгляды народа на ту или другую из переживаемых им эпох, грозит безвозвратным исчезновением, если он не будет своевременно зарегистрирован." Но не только активное собирание фольклора послужило

примером и толчком для систематических записей еврейской музыки. Вопрос о необходимости записывать мелодии поднимают на страницах журналов И. Липаев, Л. Винц, П. Минковский. Гинзбург и Марек привлекают к собиранию еврейского музыкального фольклора Ю. Энгеля (1868—1927), который с этого времени становится страстным собирателем и пропагандистом еврейских песен и едва ли не самой значительной фигурой в этой области. Известный общественный деятель, критик "Русских ведомостей", он в 1898 г. с фонографом отправляется в поселения черты оседлости, где записывает песни, которые затем обрабатывает и издает, несмотря на письма с угрозами от черносотенцев. В 1900 г. Энгель организует первый в России концерт еврейской музыки, на котором впервые провозглашается, что "еврейская песня действительно существует и представляет крупный самостоятельный интерес, как этнографический, так и художественный", и дается характеристика синагогальной музыки: "В духовной музыке мы встречаем напевы несомненно древние, которые поются более или менее одинаково почти всеми евреями на земном шаре. Происхождение напевов теряется во мраке столетий, а может быть, даже тысячелетий..."

Кроме того, Энгель организует концерты еврейской музыки в разных городах и местечках черты оседлости на манер передвижников и вполне в духе народнических представлений, что надо "выплачивать долг" народу.

Кроме отдельных энтузиастов, фольклорные экспедиции организуют правительственные учреждения, такие как Этнографическая комиссия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Азиатский музей Академии наук в Петербурге. Это было время тотального увлечения этнографией — вспомним хотя бы всемирные выставки в Париже. С другой стороны, эти мероприятия поддерживались еврейской общественностью: из фонда барона Г. Гинзбурга, председателя петербургской еврейской общины, финансируются этнографические экспедиции. Отчеты об экспедициях, очерки, статьи публикуются как русскими еврейскими изданиями (которых с 1871 по 1918 гг. только в Петербурге и Москве открывается не менее 20), так и центральными музы-

кальными журналами: "Русская музыкальная газета", "Музыка", "Музыкальный современник". Некоторые валики экспедиций тех лет и ныне хранятся в фонограммархиве Пушкинского Дома (ИРЛИ АН СССР) и после необходимой реставрации могут стать доступными для прослушивания.

И. Финдейзен, авторитетнейший историк русской музыки, издатель-редактор "Русской музыкальной газеты" (РМГ), редактирует переведенную с немецкого "Всеобщую историю музыки" В. Наумана, которая содержит огромный раздел, посвященный древнееврейской музыке. Помимо многочисленных сведений об инструментарии Иерусалимского храма, о мелодике и форме напевов и попытке их классифицировать и датировать, в "Истории" Наумана дается очень высокая оценка этической значимости древнееврейской музыки, впрочем, в несколько идеалистических тонах: "История музыкального искусства впервые показала нам в израильтянах народ, для которого простая природная сила и магическое чувственное действие звука стояли позади его идеальной потребности: найти в звуках выражение глубочайшим чувствам и побуждениям души... На началах такого более глубокого сознания и понимания идеальных задач музыки это искусство могло смело продолжать развиваться по пути к наивысшим вершинам, которых ей суждено было достигнуть со временем. От той печальной песни о Сионе и потерянной родине, которая пелась у берегов Евфрата, до Мизерере Аллегри или до Баховской песни о страдании в стиле арии "Помилуй меня, Боже, ради слез моих" — только один шаг."

Постепенно древнееврейская музыкальная культура входит неотъемлемой частью в историю музыки древнего мира. Переводится на русский язык словарь А. Кегута "Знаменитые евреи, мужчины и женщины, в истории культуры человечества". Первый раздел этого словаря — "Музыкальные деятели". И. Липаев в статье "Еврейские оркестры" писал: "Я думаю, что никто не будет отрицать того мнения, что еврейский народ сыграл в истории музыки огромную роль..." (РМГ, 1908, №№4-7.) В лекциях по истории музыки, читавшихся в то время, также выражена эта точка зрения (РМГ, 1909, №2).

Помимо фольклорного и исторического направлений, разви-

вается изучение синагогальной музыки. Выходит в свет книга Дунаевского* "Еврейские богослужбные песни" и Минковского "Развитие синагогальной литургии до реформации XIX века". Одесский кантор рассматривает музыку в тесной связи с развитием религиозных институтов, с историей народа, прослеживает связь еврейской культовой музыки с народной, отмечает ее роль в формировании христианской музыки.

В 1908 г. в Петербурге открывается Еврейское историко-этнографическое общество, организующее в 1912—1914 гг. экспедиции по Волынской, Каменец-Подольской и другим губерниям, и Общество еврейской народной музыки, целью которого было "содействовать развитию еврейской духовной и светской жизни путем собирания образцов народного творчества, художественной их обработки, издания и распространения в обществе" (РМГ, 1908, №42). Кроме записи песен, Общество занимается активной их популяризацией: за первые пять лет существования Общества еврейской народной музыки было проведено 154 концерта. Концерты встречали неизменное одобрение слушателей. "Об успехе и аплодисментах нечего и говорить. Воодушевленное настроение публики принимало иногда стихийный характер..."(РМГ, 1910, №3). "Вечер еврейской народной песни затянулся далеко за полночь... Чему я искренне завидовал, так это той радости, тому удовольствию, с которым выслушивала каждую песню многочисленная публика (почти исключительно еврейская), требовавшая бесчисленных повторений. Исполнители были на высоте прекрасного исполнения..." (Гр.Прокофьев, РМГ, 1913, №8). Концертная деятельность Общества преследовала различные цели: вытеснение псевдонародной музыки, подготовку образцовых исполнителей, выработку каталога сочинений, рекомендованных для исполнения (издания Общества, сочинения на еврейские темы, на библейские тексты и слова еврейских поэтов). На собраниях Общества читались и обсуждались доклады (например, "Евреи в музыке и музыка у евреев" Д.Шора, "Еврейская музыка, ее прошлое и настоящее, ее перспективы" Л.Саминского), исполнялись произведения на еврейские те-

* Известный кантор, дед композитора И. О. Дунаевского.

мы А.Крейна, М.Гнесина и др.*, обсуждалась организация ансамблей, комиссий и т.д. (музыкальные курсы, хор, струнный квартет, музыкально-этнографическая комиссия, которая должна была осуществлять теоретические исследования и списывание с валиков). Отделения Общества были в 1913 г. организованы в Москве, Киеве, Харькове, в 1916 г. — в Симферополе. В Комитет Общества входили М.Гнесин, А.Житомирский, П.Львов, Л.Саминский, С.Розовский, Е.Шкляр, З.Киссельгоф и др. — почти все они были консерваторскими учениками Римского-Корсакова.

В начале XX в. в консерватории обучалось много евреев; это связано, прежде всего, с появлением большой категории "просвещенных", ассимилированных евреев, тянувшихся к европейской образованности. Эти люди, как и представители других нерусских культур, встретили очень благожелательное отношение и поддержку русских музыкантов и в первую очередь самого Римского-Корсакова. Сохранились воспоминания учеников об атмосфере занятий, об отношении композитора к студентам. "Как охотно высказывался он об особенностях этих (национальных) мелодий, какую проявлял чуткость при помощи в их обработке, поощряя и русских, и украинцев, и латышей, и армян, и евреев! Один из моих товарищей по классу принес однажды на урок две пьесы, кажется, для скрипки с сопровождением фортепьяно, под названием "Восточные мелодии". "Очень милые сочинения, — сказал Римский-Корсаков, прослушав музыку. — Но почему вы их называете "Восточными мелодиями"? Ведь это типичные еврейские мелодии! Их трудно спутать с другими"**. Л.Саминский вспоминает

* Так, перу А.Крейна принадлежат "Еврейские эскизы для струнного квартета и кларнета", кантата "Кадиш", 10 еврейских песен. М.Гнесин пишет вариации на еврейскую тему для струнного квартета, симфоническую фантазию в еврейском роде, оперу-поэму "Юность Авраама". Вокальные циклы М.Гнесина — "Еврейские песни" и "Повесть о рыжем Мотеле" — образцы художественного претворения народно-песенных интонаций, тонкой композиторской работы; в них сочетаются художественная полнокровность и яркость национального стиля.

** М.Гнесин. Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове. М., 1956.

такие слова своего учителя: "Я очень рад видеть, что вы пишете сочинения в еврейском духе. Как странно, что ученики мои — евреи — так мало занимаются своей родной музыкой. Еврейская музыка существует; это замечательная музыка и она ждет своего Глинку"*.

Очень показательна для предреволюционных лет полемика между Ю.Энгелем и Л.Саминским, в которой Энгель отстаивает художественную ценность народной песни**.

Интерес к еврейской культуре в эти годы столь велик, что в 1915 г. в Петрограде основывается еще одно общество — Русское общество для изучения еврейской жизни. Как гласит устав этого общества, целью его является "изучение и исследование еврейской истории, письменности, литературы, искусства, фольклора, быта, экономического и правового положения". Среди членов комитета Общества — М.Горький. В Литературно-музыкальных вечерах принимают участие выдающиеся музыканты — А.Глазунов, А.Зилоти, В.Каратыгин, С.Кусевицкий, А.Римский-Корсаков, Ф.Шаляпин; писатели и художники — А.Бенуа, З.Гиппиус, А.Куприн, Д.Мережковский и др.

В первые годы после Октябрьской революции еврейское искусство развивается весьма интенсивно. Открывается Еврейский театр (1918), Еврейская театральная студия в Петрограде (1920), которая переезжает в Москву и получает название ГОСЕТ — Государственный еврейский театр. "Театр оказался аккумулятором лучших творческих сил. К нему тянулись художники, музыканты, писатели, общественные деятели..."*** И действительно, спектакли оформляют Бенуа, Добужинский, Шагал, Альтман, Фальк; музыку пишут Крейн, Пульвер, Ахрон.

* Л.Саминский. Об еврейской музыке. СПб., 1914.

** Эта полемика разворачивается на страницах русской еврейской прессы; см.: Рассвет, 1915, №№ 5, 7; Еврейская неделя, 1916, №№ 4, 11, 12, 19, 51; 1917, №1.

*** С.Михоэлс. Статьи. Беседы. Речи. Воспоминания о Михоэлсе. М., 1964.

Продолжается соби́рание, публикация и изучение народной и синагогальной музыки. Л.Сабанев пишет брошюру "Еврейская национальная школа в музыке", в которой высказывает интересные "музыкально-социологические" наблюдения над условиями и закономерностями становления национальных композиторских школ и возлагает большие надежды на композиторов Общества еврейской музыки в Ленинграде: "Эта группа имеет много шансов сама стать "Могучей кучкой" еврейства"*.

Общество готовит к изданию исследование Д.Маггида "О древнееврейских музыкальных инструментах", а в сборнике "Ди Музыка" публикуется очень серьезное, глубокое теоретическое исследование того же автора об интонационных особенностях синагогальных напевов, их связи с древнееврейским языком, о влиянии языка на интонацию и форму**.

Еврейской музыкой (по преимуществу фольклорной) занимается и дочь Д.Г.Маггида — С.Д.Маггид. Около 150 фонографических валиков, на которых записаны бытовые, свадебные, культовые, хасидские, субботние и другие песни, скрипичные наигрыши, фантазии, народные музыкально-театральные представления, хранятся в фонограммархиве Пушкинского дома; в настоящее время производится реставрация некоторых из этих записей. Здесь же находится одна из историко-теоретических работ С.Маггид***, в которой рассматриваются музыкальные и литературные особенности еврейской баллады — в сравнении с балладами других народов. Еще шесть рукописных работ этого автора хранятся в ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина.

В предвоенные годы появляются две значительные работы по истории древнееврейской музыки: соответствующая глава в "Истории музыкальной культуры" Р.Грубера и очерк К.Зак-

* Л.Сабанев. Еврейская национальная школа в музыке. Л., 1924.

** Д.Г.Маггид. О древней еврейской музыке и о псалмодии евреев. — В кн.: Ди Музыка, вып.3. Л., Академия, 1927.

*** С.Д.Маггид. Баллада в еврейском фольклоре. Приложение: Краткий очерк языка идиш. Машинопись, 1938. Фонограммархив ИРЛИ АН СССР.

са в переводном сборнике "Музыкальная культура древнего мира" под ред. Р. Грубера.

Продолжается и даже активизируется изучение еврейской музыки и в других странах. В 1925 г. открывается Еврейский научно-исследовательский институт (ИВО), отделения которого размещаются в 18 странах мира. Этнографическая комиссия, педагогическая, психологическая и филологическая секции размещаются в Вильне, экономико-статистическая секция — в Берлине. Таким образом, именно в Вильне сосредотачиваются многочисленные фольклорные материалы. К 1938 г. в архиве Института хранится уже свыше 63 тыс. фольклорных записей, из которых немало музыкальных. Невосполнимой утратой стало уничтожение архива в военные годы. Но часть его удалось спасти; документы были переданы в Нью-Йоркский институт под тем же названием — ИВО.

В 1928 г. в Киеве открылся Институт еврейской пролетарской культуры, который существовал до 1936 г., а затем, с 1936 по 1949 — работал Кабинет по изучению еврейского языка, литературы и фольклора АН УССР. В Кабинете проводились еженедельные встречи-заседания, слушались сообщения, музыкальные записи. В фонотеку Кабинета были переданы фонограммы Еврейского историко-этнографического музея в Петербурге, фонограммы Ю.Энгеля, З.Киссельгофа (активного участника петербургского Общества еврейской музыки). Архив Кабинета располагал ценными материалами, например, фотокопией старейшего рукописного сборника еврейских песен, датированного XVI в. Руководителем фольклорного отдела сначала Института, а затем Кабинета, был М.Я.Береговский, ученик М.О.Штейнберга. Большой знаток и любитель еврейского искусства, М.Береговский подготовил к печати пять томов "Еврейского музыкального фольклора" (изданный I том — революционные песни; неопубликованные II—V тома — любовные и бытовые песни, инструментальная народная музыка, напевы без слов, пуримшпили, — объемом 113 п.л., хранятся в архиве ЛГИТМиК¹⁶. 150 песен, напевов без слов и инструментальных наигрышей вошли в сборник, изданный в 1962 г.*

* М.Я.Береговский. Еврейские народные песни. М., 1962.

Помимо "фольклорного" сборника, подготовленного М. Береговским, в послевоенные годы издано несколько сборников обработок (напр., Л. Коган. Еврейские народные песни. М., 1958; Еврейские народные песни, в обработке М. Гольдина. М., 1972). Это — единственный жанр, представленный как в нотных изданиях, так и в грамзаписях, благодаря которым удалось сохранить уникальные программы — Михаила Александровича, Нехамы Лифшицайте, Сиди Таль и других исполнителей — последние жемчужины ушедшей традиции. "Язык ее! Язык! Ее галицианский идиш! Ведь он составлен не только из слов, но и из вздохов, вдохов и выдохов, обладает особой музыкальностью и не повторяющейся ни в одном другом еврейском диалекте интонацией."*. Современные коллективы, исполняющие еврейскую народную музыку, как самодеятельные (в Вильнюсе, Каунасе, Риге), так и профессиональный Камерный музыкальный еврейский театр (Биробиджан-Москва, художественный руководитель Ю. Шерлинг), ориентируются почти исключительно на жанр эстрадной обработки народных песен или авторской эстрадной песни.

В последние годы возобновились попытки теоретического осмысления еврейской музыки (пока на уровне дипломных работ). Автору настоящих строк известны "Еврейская народная песня в творчестве С. Прокофьева и Д. Шостаковича" П. Велиловской, выпускницы Московского педагогического института им. В. И. Ленина, и "Проблемы изучения еврейского фольклора" Л. Дахиной, выпускницы Владивостокского института искусств.**

* Слова Михозлса, по воспоминаниям А. Вергелиса "Несколько слов о Сиди Таль", на грампластинке: Сиди Таль. Из концертных программ. Мелодия, 1973.

** Автору настоящего очерка принадлежат также работы: "Некоторые вопросы истории и теории древнееврейской музыки" (по кн.: "История еврейской музыки" А. Идельсона (вступительная статья, перевод, комментарии, приложения). Дипломная работа ЛОЛГК¹⁷, 1983; "Священные напевы" ашкеназов как результат взаимодействия восточной и западной культур в эпоху Средневековья" — В сб.: Тезисы докладов межреспубликанской конференции "Национальное и интернациональное в музыкальном искусстве", Алма-Ата, 1983.

В заключение отметим, что отличительной чертой всей истории изучения еврейской музыки в России является ее демократическая направленность, особое внимание к народной песне. Но это не означает односторонности. Самое понятие еврейской народной музыки включало также религиозные напевы. "Объем термина "еврейская песня", — пишет В.Пасхалов, — довольно обширен. Дело в том, что песня эта является продуктом древней высокой культуры Востока и религиозного творчества еврейского народа."* Художественную и этическую ценность синагогальной музыки понимали и руководители Общества еврейской народной музыки. Это подтверждается рецензиями — на концерт хора: "Руководитель курсов, по-видимому, из чисто практических соображений начал с учениками со светской музыки... Можно лишь пожелать, чтобы в программах будущих концертов нашла себе подобающее место духовная песня..."**; на доклад Ю.Энгеля: "Выдающаяся роль хасидизма в музыкальной сфере побудила докладчика остановиться подробнее на религиозно-мистическом, "хасидском" движении XVIII века. Ю.Энгель дал характеристику основателя хасидизма Бешта..."***. Однако и в собирании, и в публикациях еврейской музыки фольклор занимает ведущее положение. Так, в предреволюционные годы мы наблюдаем всеобщую увлеченность музыкальным фольклором (приводившую к возникновению различных обществ), активную концертную деятельность, стремление к широкому, многостороннему осознанию еврейской музыкальной культуры.

Характерной чертой ее изучения в 20—30-е годы становится организация специальных учреждений (в Киеве, Вильне). В это же время формируется более глубокий научный подход к этому вопросу (в работах Д.Маггида, Р.Грубера), активизируется композиторское творчество (сочинения Крейна, Гнесина, Пульвера и др.).

* Хроника "Музыкального современника", вып. 21.

** Там же, вып. 20.

*** Там же, вып. 7.

Во все последующие годы этот высокий уровень изучения еврейской музыки остался непревзойденным. Исключение составляет деятельность С. Д. Маггид и М. Я. Береговского, чей вклад в еврейскую фольклористику занимает особое место, благодаря масштабности, глубине и серьезности историко-теоретического подхода, высокой редакторской культуре. Однако удручающе большое количество неизданных работ не может найти выход к читателю: ценнейшие, полностью готовые к публикации (некоторые даже были сверстаны) материалы уже по 20, 30, 40 лет безмолвно ждут своего часа.

-----ooOoo-----

Феликс НУЛИН¹⁸

К ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕЗАЛЬЯНСА ЗУБАТОВ—ВИЛЬБУШЕВИЧ*

На рубеже прошлого и нынешнего веков роль евреев в российском революционном движении становилась все заметнее, и это не могло не вызвать сильной обеспокоенности и раздражения царского правительства. На ужесточение репрессий евреи отвечали еще большей активизацией революционной деятельности, но правительство упорно отказывалось признать гражданские права еврейского населения. Взаимная ненависть накапливалась с обеих сторон.

Но наиболее дальновидные люди в правительстве понимали, что посвистом казацкой нагайки революции не остановишь. Среди этих высокопоставленных чиновников нужно в первую очередь назвать Сергея Васильевича Зубатова, полковника Отдельного корпуса жандармов, начальника Московского охранного отделения. В молодости ему были не чужды социалистические увлечения. Он начал карьеру как провокатор, работал среди интеллигентов, обладал высокой культурой, был великолепным оратором, в совершенстве владел искусством убеждения. Возглавив в 1896 г. московскую охранку, 32-летний полковник Зубатов коренным образом перестроил работу своего ведомства и сосредоточил в своих руках сыскную работу на громадной территории центральной России и Северо-Западного края.

В 1898 г. московскими филерами, работавшими по системе Зубатова, была выслежена сеть Бунда. Эта организация попала в поле зрения сыщиков в марте 1898 г., во время про-

* В работе использованы источники: Бухбиндер Н. Н. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925; Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1925; Фрумкин Б. Зубатовщина и еврейское рабочее движение. — В сб.: Пережитое, т. 3, СПб., 1911; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922.

ведения I учредительного съезда РСДРП в Минске, проходившего при значительном организационном участии Бунда. Выделив несколько центральных фигур, которые разъезжали из города в город и к которым приезжали представители из других мест, сыщики легко выследили связи между городами, а в каждом конкретном пункте — партийных функционеров. Была также выявлена бундовская типография в Бобруйске. Свыше трех месяцев Бунд работал под пристальным оком полицейских агентов. Слежка становилась все более ощутимой, поэтому ЦК Бунда издал в июне предупреждающую листовку. Это подтолкнуло Зубатова к активным действиям, и 26 июля в ряде городов одновременно были произведены массовые аресты. Было задержано около 70 бундовцев.

Следствие по делу Бунда велось 1,5 года, но ничего нового сверх того, что стало известно из слежки, жандармы не вытянули, поскольку почти все арестованные никаких показаний не давали. Но в то же время знакомство Зубатова с Бундом смогло убедить его, что он имеет дело с организацией более сильной, чем предполагалось. И сила ее, не в последнюю очередь, определялась четкими идеологическими позициями, близкими чаяниям широких народных масс.

Недаром непосредственный начальник Зубатова, московский оберполицмейстер Трепов, сообщал в докладе генерал-губернатору: "Пока революционер проповедует чистый социализм, с ним можно справиться репрессивными мерами, но когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит немедля вырвать из-под его ног саму почву, т.е. (...) надо открыть и указать рабочему законный исход из затруднительных случаев его положения." И далее: "Чем заняты революционеры, тем обязана интересоваться полиция. Если в последнее время агитатор ведет свои происки на почве законности, эксплуатируя недочеты деятельности фабричной администрации, то в интересах неотступного и безустанного созидания преград его проискам, полиция принуждена зорко следить за порядками фабрично-заводских заведений и вообще за всем, что имеет касательство до личности и обихода рабочего. Таково положение вещей и веление времени."

Толпы арестованных евреев проходили через кабинет Зуба-

това и создали у него впечатление, что "с Бундом возможно будет столкнуться". Зубатов был настолько уверен в успехе, что послал лидеру ЦК Бунда Александру Кремеру телеграмму с предложением прибыть в Москву для переговоров о судьбе товарищей. По получении телеграммы Кремер предпочел уехать в эмиграцию, а шефу московской охраны оставалось только посетовать на мышку, не пожелавшую играть с кошкой.

Желая пропустить через свой кабинет побольше еврейских революционеров, Зубатов разослал по всем городам черты оседлости своих агентов. В Минске подвизался жандармский ротмистр Г., аристократ, люто ненавидевший всех евреев. Ловлю еврейских крамольников он превратил в некий спорт, хватая всех без разбора, поскольку был убежден, что любой еврей причастен к революции.

Так Зубатов встретился с Марией Вильбушевич, участницей минского кружка студентов и курсисток, во главе которого стояла Евгения Гурвич. Дочь купца, Вильбушевич была натурой энергичной и самолюбивой, с экзальтированным и истеричным характером. Именно она оказалась наиболее подходящим объектом для эксперимента Зубатова, которому удалось использовать ее повышенную внушаемость и сделать своей идейной помощницей.

Все свое искусство Зубатов положил на то, чтобы убедить задержанных бундовцев во вредной роли интеллигенции, в дружественном отношении правительственных сфер к рабочим. Он создавал атмосферу доверия, ведя многочисленные беседы на различные темы: о литературе, журналах, еврейском вопросе и т.п. Все мелкие просьбы арестованных пунктуально исполнялись, некоторых Зубатов отпускал погулять по Москве, а Вильбушевич даже уходила в театр "на честное слово". Эти психологические приемы способствовали тому, что арестованные раскрывали различные аспекты своей революционной деятельности. Но никаких карательных последствий эти показания не имели.

Зубатов старался идейно заинтересовать своих собеседников выношенными им планами и соображениями, охотно снабжал их даже нелегальными книгами, например, запрещенной книгой Эдуарда Бернштейна, марксиста-ревизиониста. Он мог ошелом-

мить арестованного, предлагая ему ознакомиться с тем или иным секретным документом.

Вот выдержка из аргументации Зубатова: "Рабочее движение — вещь не политическая и не социалистическая, а может быть и капиталистической. Здорово только последнее (кредит, освобождение от нужды и бедности, темноты), а не борьба с правительством или хозяевами. Но кто может это громко сказать? Сами рабочие — глупы. Интеллигенция и понять сего не может, да ей и невыгодно это понимать, ибо останется без рук в борьбе за мировые проблемы. Правительство? Но деятельность его исключительно рефлексивная..."

Взгляды Зубатова выстраивались в теорию рабочей партии, и он с жаром и увлечением излагал свою утопию верных правительству рабочих союзов не только еврейским интеллигентам, но и царским сановникам. Он побуждал правительство учредить комиссию для выработки особого положения об устройении быта рабочих, уверяя, что "революционеры боятся инициативы правительства в деле улучшения жизни рабочего".

Вот комплекс предлагаемых им мер:

1) предписание соблюдать ст. 41 Устава о ремесленной промышленности, устанавливающую 12-часовой рабочий день;

2) ограничить вмешательство полиции в столкновения рабочих с хозяевами только случаями уголовщины и явной политики; смотреть сквозь пальцы на забастовки;

3) поощрять развитие среди рабочих культурных обществ и организаций, созданных на средства рабочих;

4) насаждать в рабочем коллективе правовые понятия путем школ, лекций, особых брошюр и газет;

5) издавать для еврейских рабочих популярную литературу на "жаргоне".

Зубатов с пониманием относился к националистическим устремлениям еврейских рабочих и приветствовал только что зародившееся сионистское движение. С его помощью Вильбушевич добилась от властей разрешения на проведение в 1902 г. в Минске Всероссийского сионистского съезда.

Но вернемся к июню 1900 г., когда в Минск из Москвы стали возвращаться освобожденные бундовцы (некоторых из них Зубатов ссужал деньгами на дорогу домой), которые принесли идею легализации рабочего движения. Критикуя политическую и

подпольную деятельность Бунда, они звали рабочих к легальной борьбе "за хлеб и знания". Зубатовские легализаторы, лидером которых становится Мария Вильбушевич, высмеивали бундовскую конспирацию, нереальные политические лозунги, амбиции его лидеров. Обо всех перипетиях развернувшейся борьбы Зубатов узнавал из подробных писем своей добровольной помощницы и всегда приходил ей на помощь. Так, в разгар борьбы вокруг Союза щетинников, весьма популярного в еврейском рабочем мире, Зубатов предложил 20 тыс. рублей для легального издания органа союза.

Летом 1901 г. сторонники легализации образовали Еврейскую независимую рабочую партию. В манифесте этой партии говорилось, что никакая теория не дает права вести рабочую массу к цели, которой она не понимает, что еврейский рабочий класс требует хлеба и знаний, что ему необходимы экономические и культурные организации, которые не служили бы орудием какой-либо политической борьбы. В отношении Бунда утверждалось, что он игнорирует в своей деятельности полезные для рабочих мероприятия, вносит дух умственного порабощения, не считается с психикой, привязанностями и стремлениями рабочих.

Вот основные программные положения "независимцев":

1) поднятие материального и культурного уровня еврейских рабочих путем создания экономических организаций (тред-юнионов, касс, клубов, ассоциаций и т.п.) и развитие у них научных и профессиональных знаний;

2) отсутствие политических целей;

3) объединение еврейских рабочих разных политических взглядов;

4) демократическая организация, т.е. управление снизу.

Лозунги Независимой партии были просты и понятны. Чего недостает еврейскому рабочему? — У него слишком длинный рабочий день и низкая зарплата, во время болезни или безработицы он ниоткуда не получает помощи, он невежествен. Расширение профессионального движения неизбежно приведет к тому, что правительство будет с ним считаться. О существующем строе партия не имеет никакого мнения, разве что отмечает наличие исторических и социальных корней всех современных событий. Раз царское правительство когда-то

освободило крестьян, нет ничего невероятного в том, что будет возможным легальное профсоюзное движение.

На практике "независимцы" были вынуждены проводить свои мероприятия через московское охранное отделение и местные жандармские управления. Отражая нападки своих противников, Вильбушевич говорила, что жандармы ничем не отличаются от других правительственных чиновников. Жандармская поддержка превратила создаваемые "независимцами" союзы в реальную силу. Рабочие и приказчики выигрывали одну стачку за другой (как же устоять мелкому хозяйчику перед требованиями жандармского полковника!). В Ферейн, как сокращенно называлась Независимая партия, потекли люди, он стал функционировать как бюро устройства стачек. В то же время Ферейн культивировал узкоцеховые тенденции: пытался установить высшую норму учеников, которых хозяин вправе принять, побуждал отказывать в найме рабочим из других городов (охраняя интересы местного населения). "Независимцы" организовали ряд лекций по рабочему вопросу, профсоюзному движению, истории и т.п., которые привлекли большое число рабочих. Был налажен выпуск органа Независимой партии под названием "Рабочий рынок" (вышло около десяти номеров). Отделения партии появились в Одессе, Херсоне, Елисаветграде, Николаеве, Екатеринославе, Гродно, Вильно и других городах. По некоторым оценкам, число "независимцев" составляло примерно 1,5 тыс. человек.

Эксперимент Зубатова блестяще развивался. Свою ближайшую сотрудницу, Марию Вильбушевич, Зубатов даже возил в Петербург, где представлял всесильному Плеве, и грозный министр с удивлением и вниманием прислушивался к советам простой еврейской девушки из черты оседлости.

Но Бунд развернул против "независимцев" настоящую войну, в листовках и на собраниях сыпались взаимные оскорбления; часто ретивого хулителя-бундовца по просьбе Вильбушевич выводили из спора чисто полицейской мерой: арестом.

Но у властей между тем наметилось охлаждение к затее Зубатова (в 1902 г. его сняли с занимаемой должности), и в министерских кабинетах стали ратовать за погромный способ борьбы с революционным элементом в еврействе. Кишиневский погром подрубил все основы деятельности "независим-

цев". Шумный и поначалу победоносный натиск на хозяев внушал надежду на серьезные улучшения в экономической жизни рабочих, но после волны погромов стала очевидной эфемерность этих завоеваний. Артели, созданные "независимцами", оказались нежизнеспособными, клубы не утверждались администрацией, чтение лекций прекратилось. Организации "независимцев" распались, и в июле 1903 г. было объявлено о прекращении деятельности партии. В своем последнем документе "независимцы" признали необходимость классовой борьбы и то, что в еврействе политика отдельных мер не даст результатов без соответствующего поднятия гражданского правосознания и организованности рабочей массы. На фоне подавления сионизма и других репрессий против евреев делается невозможным дальнейшее полулегальное существование независимого еврейского рабочего движения. Для евреев легальное рабочее движение возможно только в случае общей легализации российского рабочего движения, иначе это будет новой иллюстрацией к антисемитской выдумке, что в евреях — корень всех "вольнодумных зол".

Таков итог так называемого независимого еврейского рабочего движения. Только в умах провинциальной еврейской молодежи могли найти поддержку идеи о покровительстве царской власти еврейскому пролетариату, и только полицейская ограниченность могла создать утопию еврейской рабочей партии под жандармской сенью в условиях разнузданного юдофобства.

Оставив после себя несколько исковерканных жизней, "независимое" еврейское рабочее движение исчезло бесследно. Сразу после краха "независимцев" Мария Вильбушевич уехала в Америку, там она продолжала бороться с Бундом. В дальнейшем Вильбушевич репатриировалась в Палестину и работала в поселенческих колониях.¹⁹

Полковник Зубатов прожил всего 53 года: он покончил жизнь самоубийством в 1917 г., через несколько дней после Октябрьского вооруженного восстания.

Идеи Зубатова еще долгое время бередили умы. В русском рабочем движении "зубатовщина" переросла в "гапоновщину" и привела в 1905 г. к "кровавому воскресенью" из-за нежелания правительства считаться с интересами рабочих.

Михаил САЛЬМАН

**ЕВРЕИ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ:
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В XV—XVIII ВЕКАХ**

Первые сообщения о еврейских общинах на территории Польши появляются в XIII—XIV вв. К 1287 г. относится упоминание об организованной общине в Калище, к середине XIV в. — в Познани, к 1309 г. — о евреях Кракова, к 1376 г. — о Сандомирской общине; менее крупные общины были в Пыздрах, Костяне, Копашеве. В Мазовии евреи проживали в Варшаве, формируя там особый квартал. Итак, на конец XIV в. на территории Польши было 9 общин.

На территории Литвы XIV в. мы видим три организованные общины: в Троках, Гродне, Брест-Литовске. (Может быть, существовала община и в Луцке. Первое упоминание о ней относится к 1410.)

В целом еврейское население этих двух государств было очень незначительным.

XV век и особенно конец его был переломным моментом в истории польско-литовских евреев. В этот момент центр общественной и культурной деятельности евреев переместился с Пиренейского полуострова и Прирейнских стран в Восточную Европу, а именно в Польшу. В течение XV в. прекратили свое существование еврейские общины крупных городов Германии (Кельн — 1426 г., Шпейер — 1435 г., Майнц — 1438 г., Нюрнберг — 1498 г.). В 1496 г. евреев изгнали из австрийских владений. В конце этого столетия были также уничтожены две крупнейшие еврейские общины: испанская — в 1492 г., и португальская — в 1496—97 гг. Пути миграции западно-европейского еврейства шли по двум главным направлениям: в Польшу и в Турцию. В XV в. евреи могли свободно селиться на всей территории Польши, не испрашивая согласия местных властей. Даже на частновладельческих землях они могли селиться без разрешения собственников и оставаться

при этом королевскими подданными, под королевской юридической защитой (по крайней мере до 1539 г., когда король передал всю юрисдикцию над евреями, проживающими в частных владениях, земельным магнатам). И польские короли, ожидая увеличения налоговых поступлений, всячески поощряли процесс расселения.

Карта расселения евреев в Польше к концу XV в. обогащается многими новыми названиями. Население стремительно растет. Документы свидетельствуют о появлении в XV в. 45 новых общин, помимо 9 ранее существовавших на территории Великой Польши, Куявии, Малой Польши, Мазовии, Померании, Волыни, Червонной Руси, Подолии — всего 54 общины.

Для приблизительной оценки численности еврейского населения к концу XV в. будем исходить из подати, которую в то время платили евреи: владельцы крупных домов в размере 4 злотых, квартир — 2 злотых и т.д. Приняв во внимание цифровые данные относительно величины этого налога в отдельных общинах, приходим к следующим выводам.

1. Три крупнейших общины — в Познани, Кракове и Львове — платили по 200 зл. каждая, следовательно, имели приблизительно одинаковую численность еврейского населения. Поскольку имеются сведения, что к концу XV в. в Познани было 49 еврейских домов, а на один дом приходилось приблизительно 28 душ, получим для Познани около 1400 человек, а для всех трех крупных общин — 4200.

2. Менее крупные общины уплачивали годовой чинш (подать) в размере 25 зл. и насчитывали, следовательно, в 8 раз меньше жителей, т.е. по 175 душ каждая, а так как число этих общин 51, то получим, что в них проживало $51 \times 175 = 9000$ человек.

Итого, население еврейских общин Польши в конце XV в. составляло 13200 человек. Часть евреев была рассредоточена в сельской местности. Соотношение численности сельского и городского еврейского населения для более позднего времени равно 1:4. Для XV в., когда процесс расселения шел не вглубь, а вширь, эта пропорция должна быть изменена до 1:5. Отсюда в селах Польши проживало $13200 : 5 = 2700$ евреев, а всего в стране — 16000.

Для подсчета еврейского населения Литвы воспользуемся

соотношением численности евреев Литвы и Польши 1:2,72, приведенным в работе И.Шиппера "Расселение евреев в Польше и Литве" (В сб.: История еврейского народа, т. II, М., 1914) и получим, что в Литве проживало около 6000 евреев.

Таким образом, на территории Польши и Литвы к концу XV в. жило примерно 22 тысячи евреев.

Главный приток еврейских переселенцев в Польшу и Литву происходит в XVI в. из Чехии, Бранденбурга, Австрии. Иммиграция из Испании и Португалии не была значительной, иначе население росло бы гораздо быстрее. Сефарды хотели устроить свои колонии в Замостье, но из-за сильной торговой конкуренции ашкеназов вскоре отправились в Турцию. Однако некоторое количество сефардов, в том числе и из Италии, осело в Польше. Так, в течение 200 лет в архивах Кракова прослеживается история рода Калагора (Калафора), в котором были аптекари и врачи еврейской общины и даже личные врачи польских королей.

В то время только духовенство и мещанство добивались ограничения въезда евреев. Первоначально борьба шла за ограничение места жительства евреев определенным кварталом или улицей (Познань — 1532, Казимерж (под Краковом) — 1553). Потом некоторые города добились права "де нон толерантис иудаис", т.е. права полного недопущения евреев или ограничения их числа.

Тем не менее еврейская иммиграция в Польшу приняла в XVI в. большие размеры. К 1578 г. в одной Великой Польше (вместе с Мазовией) насчитывалось 52 общины в городах и местечках (в конце XV в. столько же общин имелось во всей Польше). (...) ²⁰ Община насчитывала в 1558 г. около 2500 человек, но в конце XVI в. часть ее жителей эмигрировала в Червонную Русь. Община Кракова к 1573 г. достигала 4500, Львовская — 3000 душ. На Волыни в Луцке в 1552 г. по результатам переписи насчитывалось 25 домов караимов и 31 — евреев. В Кременце из 430 домов 48 (11%) принадлежали евреям, во Владимире-Волынском было 30 еврейских домов из общего количества 243 (12,5%). В Червонной Руси, Волыни, Подолии было всего 79 общин (только тех, которые упоминаются в источниках до 1578 г.).

В Малой Польше — воеводства Краковское, Люблинское и Сандомирское — было 14 общин. Эти данные свидетельствуют о более густом заселении евреями восточных областей.

О еврейском населении Литвы в рассматриваемую эпоху имеется весьма мало данных. В 1552—1566 гг. в Бресте было 90 еврейских домов (12% от общего количества), в Гродно — 60 домов (11%), в Пинске — 43 (6,5%), в Кобрине — 27 (12%).

В Польше в середине XVI в. был введен особый еврейский поголовный налог. Данные о сумме налога могут помочь в подсчете числа евреев. Самая подробная перепись относится к 1578 г. Из нее мы узнаем, что общая сумма этого налога равнялась: Познань — 1058 зл.; Краков — 1500 зл.; Малая Польша — 960 зл.; Русские, Волынские, Подольские общины — 2884 зл.; Полесье (или Подляхия) — 531 зл. Нет данных относительно Померании, Киевского, Брацлавского воеводств и Литвы. Следует учесть, что в западных землях 1 злотый налога уплачивался только отцом семейства; на этот злотый, по Шипперу, приходится 6,1 человек, исходя из средней величины семьи плюс освобожденные от уплаты налога. На востоке — Червоная Русь, Волынь, Подолия — налог платил только состоятельный глава семьи, и на единицу налогообложения Шиппер принял коэффициент 10,8.

Для четырех главных регионов население определим отдельно.

1	Великая Польша и Мазовия	Познань	3600
		прочие общины 2078 x 6,1	13000
2	Малая Польша	Краков	4500
		прочие общины 960 x 6,1	6000
3	Подляхия	531 x 6,1	3500
4	Червоная Русь, Волынь, Подолие	Львов	3000
		прочие общины 2884 x 6,1	31500
Итого:			65100

Эту цифру следует увеличить еще на 10 тыс., приняв во внимание Киевское и Брацлавское воеводства и Померанию. Расчет еврейского населения Литвы произведем в соответствии с указанным ранее соотношением 1:2,72 и получим примерно 27 тыс. человек.

Всего к 1578 г. в Польше и Литве проживало чуть более 100 тысяч евреев. Эта цифра очень велика для XVI в. Крупнейшие общины Германии насчитывали примерно по 1300—1500 человек; во всей папской области проживало около 1000 семейств. Польская община ашкеназов была крупнейшей еврейской общиной и уступала по численности только турецкой. Такие еврейские общины как краковская, львовская, познанская уступали только константинопольской и венецианской.

Принимая установленную А. Носсигом еврейскую демографическую норму прироста населения в нормальных условиях 2,4% годовых и проецируя данные 1578 г. на 1648 г., получаем численность еврейского населения накануне казацких войн чуть выше 500 тыс. человек. Обратная проекция при той же норме прироста населения на 1578 г. в конец XV в. дает результат 15 тыс. человек. Это всего на 30% отличается от нашей приблизительной оценки в 22 тыс. человек (см. выше).

Сколько же евреев погибло во время казацкого нашествия и сопровождавших его русско-польской и шведско-польской войн? Это можно попытаться установить, получив численность еврейского населения на конец 50-х годов XVII в., когда более или менее улеглись страсти, и Польша освободилась от казацких набегов, русских и шведских интервентов.

Чтобы получить эту цифру, снова рассмотрим данные податного обложения Польши во 2-ой половине XVII в. Из конституций сеймов от 1662, 1673, 1676 гг. мы узнаем, что поголовная подать должна взиматься с евреев в размере 2 зл., с лиц обоего пола, за исключением детей до 8 лет. В манускрипте, воспроизведенном И. Шиппером в упомянутой статье, имеется ценный список поголовной подати, внесенной евреями Короны в 1676 г.; список этот составлен на основании переписи, проведенной в том же году. На основании этих данных составлена табл. 1.

Евреи Польши и Литвы

Табл. I

Численность еврейского населения Польши в 1676 г.

Провинции, земли	Сумма еврейской подушной подати	Число евреев старше 8 лет	Число евреев моложе 8 лет	Всего евреев
1	2	3	4	5
Великая Польша	24196	12098	3629	15727
Малая Польша:				
Воеводства Краковское и Сандомирское	33524	16762	5029	21791
Воеводство Люблинское	9200	4600	1380	5980
Червоная Русь:				
"Поветовые русские евреи"	45845	22923	6877	29800
Земли Холмская и Белзская	19913	9957	3187	13144
Земли Пшемысльская и Ржешов с окрестностями	26679	13339	4002	17341
Ординация Замойских	17047	8523	2557	11080
Всего:	109474	54742	16423	71365
Волынь	31065	15533	4660	20193
Подолье	8000	4000	1200	5200
Подляхия	15914	7957	2387	10344
Итого:	231383	115692	34708	150400

Графу 3 получаем, деля графу 2 на размер подати; графу 4 — умножая графу 3 на 0,3 (А. Носсиг установил, что дети в возрасте 1—12 лет составляли 24% населения). Для Короны получили приблизительно 150 тыс. евреев. Для Литвы установили количество населения по обычному коэффициенту 1:2,72 — примерно 55 тыс. человек. Итого: Корона с Литвой — 205 тыс. человек. Обратная проекция этой цифры, исходя из обычного процента годового прироста в 2,4% на 1660 г., дает 150 тыс. человек. Итак, демографические данные показывают провал в 350 тыс. человек, которые и составили общую убыль населения евреев Польши в тот трагический период. Какая-то часть этих евреев эмигрировала из страны, все остальные погибли или были проданы в рабство. Установить, кто ответственен за гибель этих людей: казаки, русские войска, выступившие на стороне казаков, шведы, оккупировавшие западные области страны, или польские партизаны под предводительством Стефана Чарнецкого, мстившие евреям якобы за сотрудничество со шведскими оккупантами, — не представляется возможным. Остается лишь с печалью констатировать, что число погибших составило не менее 300 тыс. человек. Удар, нанесенный евреям Польши, был ужасен и сопоставим, пожалуй, только с холокаустом Второй мировой войны. Катастрофа середины XVII в. унесла более 60% польского еврейства, причем в самом центре еврейской диаспоры, в стране, где наиболее полнокровно бился пульс еврейской жизни. Погибли до единого человека целые цветущие общины.

Киевский историк Владимирский-Буданов в своей статье "Передвижение южно-русского населения в эпоху Б. Хмельницкого", опубликованной в июльском номере "Киевской старины" за 1888 г. (статье, к сожалению, тенденциозно-шовинистической и без ссылок на источник), пишет: "Разнообразные чужеродные этнографические примеси, накопившиеся веками в составе этого населения, частью устранены, частью претворены... Еврейское население южной России 1649—1657 гг. уменьшилось на 90%. Так, в Кременце из 169 еврейских домов осталось 11; после погрома, произведенного в 1648 г. и повторенного во время Берестецкого похода, евреев осталось там лишь 'несколько человек'. При погромах еврейские дома разрушались железными ломами и все имущество истреблялось.

В 1653 г. в Кременце осталось только 5 еврейских домов... В местечке Клевани после разорения его сначала жолнерами (польскими кавалеристами), а потом казаками не осталось ни одного еврейского дома, оставшиеся два еврея жили в домах христианских... В местечке Козине, в самый день Пасхи 1652 г., татары перерезали почти всех евреев; осталось два дома... В местечке Новый Вишневец "евреи все перерезаны и дома их уничтожены" весной 1653 г. при возвращении татар из-под Берестечка... В местечке Базалине "еврейские дома все снесены огнем и ни одного еврея не осталось" при движении татарской орды в 1651 г. ... В местечке Ямполье осталось "пустых жидовских хат 45"... В городе Луцке в 1642 г. было еврейских раввинских 84 дома, а в 1649 и 1650 гг. осталось 29, караимских было 20, осталось 3... В городе Киселине до 1648 г. было еврейских 37 домов, в 1649 г. — 20, в 1650 — 8... В Новом Острове из 25 осталось 5... В Радзивилове осталось 7, а в 1650 г. — 4, в 1653 — 1... В городе Ковле в 1650 и 1653 гг. из 80 домов осталось 20 — дома стояли пустые, т.к. евреи одни убиты в бегстве, другие потоплены в реке, третьи с детьми и женами зарезаны... В старом Заславе из 30 еврейских домов не осталось ни одного..."

Этот жестокий мартиролог можно продолжать бесконечно. Воцарились нищета, голод, смятение. Польское еврейство не скоро смогло оправиться от удара, нанесенного катастрофой. Потребовалось около 100 лет, пока естественный прирост населения не заполнил пробела, оставленного роковым десятилетием. Чем же объясняется такая замедленность в росте населения и понижение естественного прироста?

Это была эпоха экономического кризиса, внешних неурядиц. Материальное состояние евреев резко ухудшилось, из кредиторов они превратились в должников. В крупных общинах каждые несколько лет повторялись погромы. Например, сохранились сведения о набеге брестских мещан на синагогу в 1665 г. и о ее разгроме, сопровождавшемся жертвами среди евреев; о набеге школьников во Львове в 1664 г.; около 1678 г. от эпидемии (по-видимому, чумы) вымерло большинство краковских евреев.

В 1664 г. произошел новый кровавый казацкий набег на Правобережную Украину. В письме казаков русскому царю Алексею Михайловичу говорится, что "ходили из Запорог (Запорожье) в Заднепровские Черкасские города и тех городов жители по Днестре и до Каменца Подольского и до Межибожа (Меджибожа) и Могилев и Бреславль царю в винах своих били челом, а старост и ляхов и жидов всех в тех годах побили".

В сеймовой конституции 1676 г. мы находим жалобы "на опустошение областей и воеводств Русского и Волынского и на то, что много евреев взято в плен и захвачено, а другие погибли...".

Следует также указать на последствия саббатанского движения — эмиграцию групп "благочестивых", достигавших 1000 и более человек, в Палестину.

Относительно численности еврейского населения в конце XVII—1-ой половине XVIII в. имеется слишком мало данных, чтобы воссоздать общую картину. Для второй половины XVIII в. имеются обширные данные переписи 1764—65 гг., проведенной на всей территории Польши, и в 1766 г. — в Литве. Согласно этим данным, приведенным в табл. 2, в Короне на 1765 г. жило 454625 евреев, в Литве 166477, итого 621102 человека. По сеймовой конституции 1764 г. предписывалось взимать по 2 зл. с каждого еврея, за исключением детей в возрасте до 1 года. Для Литвы численность еврейского населения увеличена на 5,6% — процент детей в возрасте менее года. Так получается цифра 166477 человек.

Анализ данных переписи показывает, что главная масса евреев была сосредоточена в юго-восточных воеводствах. Половина из них проживала в 7 воеводствах из 33: Русском, Волынском, Сандомирском, Подольском, Галицком и Виленском. Евреи Червонной Руси, Украины и воеводств Сандомирского и Люблинского составляли приблизительно 13—14% всего населения этих областей; на западе, в Великой Польше и Мазовии, этот процент падает до 5,6, а на северо-востоке — Витебск, Полоцк и Инфлянты — до 2,6.

Очень высок процент евреев-горожан по отношению к горожанам-христианам. В 1784 г. в Могилевской губернии насчи-

тывалось 32809 евреев-горожан на 15013 христиан-горожан. Полоцкая провинция: христиан в городах 1614, евреев — 653 (29%); Витебская провинция: христиан — 3487, евреев — 584 (14%).

Сельские евреи в Малой Польше составляют 1/3 всего числа евреев. В Литве (данные по Виленскому воеводству) 1/5 всех евреев жила в деревне. Сеймовая конституция 1764 г. установила периодические переписи польско-литовских евреев, которые должны были проводиться каждые 5 лет. Перепись 1764—65 гг. обошлась очень дорого: в Польше — 74, в Литве — 45 тыс. злотых. Издержки по производству переписи вносились в счет кагальных долгов, таким образом, в расчете на год долги возрастали на 25 тыс. злотых.

Табл. 2

Численность еврейского населения Польши и Литвы по данным переписей 1764—1766 гг.

Корона

Провинции	Число евреев	
	без детей до 1 года	вместе с детьми
1 Великая Польша с Мазовией	67 562	71 242
2 Королевская Пруссия	3 394	3 574
3 Малая Польша	359 668	379 809
в том числе:		
3.1. Малая Польша	82 420	87 075
3.2. Подляхия	19 043	20 099
3.3. Червонная Русь	126 340	136 415
3.4. Волынь	50 792	53 636
3.5. Подолия	38 384	40 504
3.6. Украина	42 689	45 080
Всего в Короне:	430 524	454 625

Литва

Воеводства	Число евреев
1 Виленское	26977
2 Тростское	33738
3 Жмудь	15759
4 Полоцкое	6689
5 Витебское	11959
6 Новоградское	21101
7 Брест-Литовское	21994
8 Минское	13422
9 Мстиславское	2615
10 Кн. Инфлянты	2996
<hr/>	
Всего в Литве:	
без детей до 1 года	157250
вместе с детьми	166477

Что же происходило с евреями Польши и Литвы далее?

В 1772 г. произошел первый раздел Польши. На территориях, отошедших к каждой из стран, в 1764—65 гг. проживало: в Австрии — 150 тыс., в Пруссии — 5 тыс., в России — 25 тыс. евреев.

Имеются данные о количестве евреев в отошедшей к Австрии Галиции. На 1772 г. оно составляло 171851 человек. Эта цифра показывает, что норма прироста несколько снизилась по сравнению со временем средневековья и составляла примерно 1,8% годовых. Это можно объяснить ухудшением экономической ситуации. Исходя из этой нормы, рассчитаем рост населения на территориях, отошедших к России и Пруссии: к России — 28750, к Пруссии — 5750, т.е. всего на исследуемых территориях проживало 206350 евреев.

Продельвая ту же операцию с цифрой еврейского населения Польши на 1764—65 гг., получаем, что к 1772 г. (непосредственно перед разделом) оно составляло 712000 человек; таким образом, первый раздел отнял у Польши 1/3 еврейского населения.

На 1772 г. (после первого раздела) на польской территории проживало около полумиллиона евреев.

Следующие подробные данные относятся к 1791 г. — 904300 человек, т.е. за 20 лет произошел огромный скачок в росте населения, больший, чем тот, что соответствовал бы даже более ранней норме прироста (2,4%). Если мы рассчитаем рост еврейского населения от 506 тыс. на 20 лет с вышеупомянутой нормой прироста (1,8%), получим 735 тыс. человек; таким образом, имеем излишек в 170 тыс. человек.

Откуда же он появился? Особенно удивителен этот излишек потому, что не было одновременно столь же значительного роста нееврейского населения. Общее население страны за период 1775—1791 гг. увеличилось с 6,9 млн. до 7,9 млн. чел., тогда как еврейское население почти удвоилось.

На этот вопрос можно получить ответ, рассмотрев демографические процессы, происходившие в отошедшей к Австрии Галиции. После перехода под власть Австрии еврейское население там непрерывно уменьшается в процентном отношении. Это является результатом ограничительной политики Марии Терезии и Иосифа II, направленной на уменьшение числа евреев в Галиции путем ограничения числа еврейских браков, выселения из страны нищих евреев, вытеснения их из аренды и шинкарства. По данным Бузека составлена табл. 3.

Табл. 3

Изменение численности еврейского населения Галиции
в конце XVIII века

Год	Общее население	Еврейское население	Процент евреев
1764		150000	
1772	2656152	1771851	6,45
1776	2580796	144200	6,6
1780	2797119	151302	5,4
1785	3229059	212000	6,5
1788	3290434	199735	6,08
1797		192840	

За 20 лет еврейское население Галиции увеличилось только на 15% вместо 50% при обычной норме прироста. Это может быть объяснено эмиграцией из Галиции в Польшу и Литву. Основная масса иммигрантов направлялась в Литовские области и на территорию, лежащую между Вислой, Бугом, Наревом, в губернии Витебскую, Полоцкую, Могилевскую, где резко возрастает количество городского населения.

Поток еврейских иммигрантов существенно изменяет демографическую ситуацию в стране. Данные по Короне показывают долю еврейского населения в общем населении страны:

Год	1578	1772	1791
Общее население, млн. чел.	2,348	6,9	7,9
Евреи, тыс. чел.	61,6	506	904
% евреев	3,5	7,3	11,4

На рубеже XIX в., перед прекращением существования Польши как независимого государства, происходит перемещение центра еврейства с юга на северо-запад, в области, которые позднее, после второго и третьего разделов Польши, войдут в состав России, а все миллионное тело польского еврейства подвергнется насильственной вивисекции, разделившей его на три неравные части, имевшие каждая свою историческую судьбу.

-----ooOoo-----

ЕВРЕЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР (фолькс-майсес)

Составитель Е.С.РАЙЗЕ

Ефим Самойлович Райзе родился на Украине, в Виннице, в 1904 г., в семье переписчика Торы. Он получил юридическое и экономическое образование, но больше известен как литератор. В "Советиш Геймланд" печатались его статьи о Шолом-Алейхеме и Менделе Мойхер-Сфориме, а в "Звезде" — статьи о Чехове и Горьком. Райзе был составителем двух сборников афоризмов: первый из них выпустил Лениздат в 1964 г., а второй — "О музыке и музыкантах" — увидел свет пятью годами позже. Ефим Самойлович был блестящим знатоком еврейской культуры, в совершенстве владел ивритом и идишем, дружил с известными еврейскими писателями и поэтами: Самуилом Галкиным, Давидом Бергельсоном, Давидом Гофштейном, Хаимом Ленским и многими другими.

Но главным делом литературной и общественной деятельности Райзе стало собирание еврейского фольклорного материала, которым он занялся в 60-е годы. Он изъездил много городов и местечек Белоруссии, Украины, Прибалтики, беседовал с сотнями людей, записывал перлы народной мудрости: песни, загадки, пословицы, сказки и анекдоты. В результате громадной работы Ефим Самойлович подготовил к печати в издательстве "Наука" рукопись объемом свыше 20 авторских листов. Этот сборник еврейского фольклора получил высокую оценку специалистов: члена-корреспондента АН СССР Брагинского и доктора филологических наук Померанцевой.

Преждевременная смерть автора в 1970 г. побудила редакцию исключить из плана практически законченную работу. Вниманию читателей предлагаются выдержки из этой неопубликованной книги.

СКУПОЙ БОГАЧ У ВОРОТ АДА

Жил один богач. И богач этот был скуп до жестокости. Гнал бедняков в три шеи, не давал никому пожертвований, даже если за ними являлись самые именитые люди местечка. Никто из самых последних нищих не соглашался идти к нему ойрехом* на субботу.

Короче говоря, жил этот скупой богач, пока, наконец, не преставился.

Как только он скончался, в ту же минуту к нему слетели несколько чертей и, схватив его душу, поднялись наверх. Подлетели они к воротам ада и стали подталкивать скупого богача в ворота. Но богач ни за что не давался и на все небо кричал, что его место в раю, а не в аду. Удивленные черти спросили его, на каком основании он так считает. Скупой богач тогда рассказал им, что когда-то — это было лет сорок назад — он совершил великую мицву — большое благое дело — он дал бедному одну копейку. На эти деньги тот купил себе хлеба.

—С какой же стати вы толкаете меня в ад? — закончил свое сообщение скупой богач. Проверили черти слова скупого, перелистали пинкас** указанного года и нашли, что он говорит правду, что действительно был такой случай.

Стали черти в тупик. Как быть? Тогда старший из них взмахнул крыльями, взмыл и поднялся к Божьему престолу:

—О, великий Боже! Как нам поступить с этим человеком?

Бог подумал, посоветовался с архангелами и, наконец, решил:

—Верните ему его копейку — и пусть идет к чертям в ад!

СКАЗАНИЕ О РАВВИНЕ, ПОПАВШЕМ В АД

В Шклове скончался раввин. Похоронили его с подобающими почестями. У сына раввина скоро прошли шлойшим***, и

* Ойрех — гость.

** Пинкас — памятные книги синагоги.

***Шлойшим — 30-дневный траур.

он стосковался по покойному отцу. А в Шклове на старом рынке день и ночь на стоянке дожидались специальные подводы и балаголы, которые могли отвезти любого пассажира в любое место назначения. Подходит к этой стоянке сын раввина и спрашивает:

— Сколько стоит поездка на тот свет?

— Это вам будет стоить, — отвечает балагола, — десять рублей, как один коржик — одна копейка.

И он нанял балаголу, сказав, чтобы его отвезли в рай, ибо он был уверен, что его святой отец находится там, где пребывают все праведные души.

Выехали из города. Смотрит сын раввина и видит, что они едут дорогой, почти сплошь заросшей бурьяном. Видать, по этой дороге очень редко кто ездит. Ехали-ехали и приехали.

Сошел пассажир с подводы, подходит к маленькому приземистому домику. Долгое время искал он дверь, заросшую мхом и паутиной. Открывает дверь и видит: стоит покойник сторож, с ног до головы облаченный в тахрихим*. Молча, ни слова не говоря, покойник пропускает его вовнутрь.

Вошел сын раввина внутрь помещения и видит длинный стол, а вокруг стола сидят старики и изучают Гемару**; около каждого под столом стоит ящик, и в нем — маца. Проголодавшись, каждый может, нагнувшись, взять кусок мацы и, не прерывая изучения Гемары, утолить голод. И стал сын раввина спрашивать сидящих:

— Не знаете ли вы, рабойсай, где находится мой отец, знаменитый шкловский раввин?

Отвечают ему ученые:

— Твоего отца мы не видели и не слышали про него.

— Как же так, неужели моему отцу, этому святому, по свидетельству всех знавших его, человеку, нет места среди этих ученых, допущенных в рай? Неужели у знаменитого шкловского раввина были тайные грехи, не допустившие его в это место?

* Тахрихим — саван.

** Гемара — заключительная часть Талмуда, содержащая выводы и решения, вытекающие из талмудических споров.

Что делать? Надо возвращаться. Выходя в дверь, видит он: над дверью висит большая полка, а на ней сидит старый еврей с длинной бородой, в руках у него горшок с кашей.

—Хочу кушать! — так без устали и без перерыва кричит он, но кашу не ест.

Сын раввина вышел из домика, сел в подводу и вернулся в Шклов. Вернувшись домой, он начал раздумывать: "Десять рублей я уже потратил, израсходую-ка еще десять рублей и поеду в чистилище. Может быть, у отца моего был какой-то незначительный грешок, и его временно поместили в чистилище с тем, чтобы потом перевести на постоянное пребывание в рай".

И он снова нанял того же балаголу и поехал теперь уже другой дорогой, которая вела в чистилище.

Сидя в подводе, он дивился разнице между той дорогой и этой. Дорога в рай была пустынная, заросшая травой и бурьяном, а эта дорога, ведущая в чистилище, — настоящая, благоустроенная, красивая дорога, и вся она усеяна подводами. Балаголы с шумом и свистом мчатся по ней в обе стороны.

Подъехали к высокому, красивому дому. Был уже вечер, и дом был ярко освещен, так что свет был виден за версту.

Войдя в чистилище, сын раввина сразу же увидел много знакомых лиц. Он увидел шкловских музыкантов — вот Бейнеш-скрипач, вот Берче-барабанщик, вот Шмул-Йосеф-флейтист, а вот много красивых молодых девушек, которые танцуют под музыку клезмеров*, старых клезмеров, которые на этом свете играли очень хорошо и еще лучше играют на том свете. А эти красивые девушки хорошо танцевали на этом свете и, видать, еще лучше танцуют на том свете. И безграничное веселье, и бесконечные танцы.

—Реб Бейнеш, реб Берче, реб Шмул-Йосеф! — обращается к ним сын раввина, — что вы поделываете? Как вам живется здесь? Я вижу, у вас тут не жизнь, а сметана: у вас тут сплошная музыка, сплошные танцы, это мне очень по душе. Объясните мне, что все это значит?

—Я бы тебе подробно ответил, друг мой, но увы, сзади

* Клезмер — музыкант (идиш).

меня стоят черти. Так вот, пока я играю, они стоят спокойно, но стоит мне на секунду отвлечься, как меня хватают за горло и начинают душить. И так вот уже на протяжении двадцати восьми лет мы играем без перерыва, не останавливаясь ни на минуту. Мы уже заболели, играя, мы уже тысячи раз падали в обморок от усталости! Посмотри, какие огромные капли пота текут по нашим лицам, каждая капля — с горошину!

Тогда сын раввина спрашивает у клезмеров:

—Мой отец умер. Искал я его в раю и не нашел — он здесь, в чистилище, не знаете ли вы, где мне его найти?

И ответили все как один:

—Тут его нет, это мы знаем наверняка.

Услыхав это, сын раввина был потрясен: как это так? Для святого шкловского ребенка не нашлось места ни в раю, ни в чистилище!

Выходя из чистилища, сын раввина над дверью увидел полку, на которой сидел знакомый длиннобородый еврей. Как и в раю, он держал в руках горшок каши и, не притрагиваясь к каше, беспрерывно кричал:

—Хочу кушать!

Вернулся сын раввина в Шклов и думает:

—Но где-нибудь отец ведь должен быть! Если его нет в раю, нет в чистилище — то он, наверное, в аду. Раввин ведь не может пропасть!

Поиски отца уже обошлись ему в двадцать рублей, пусть будет потрачено еще десять; он поедет в ад и найдет отца!

Нанял он того же балаголу, уплатил ему десять рублей и поехал.

Попав на дорогу, которая ведет в ад, сын раввина не переставал восхищаться ее красотой, ее шириной, ее оживленностью, шумом. Извозчики, дроги, коляски, кареты на мягких рессорах — все это проносилось быстро в обе стороны дороги, казалось — сама дорога бежит, мчится, плывет. Подвода остановилась у огромного стоэтажного дома. Все окна в доме были освещены электричеством, свет нестерпимо светил в глаза.

Сын раввина приоткрыл дверь и увидел, что швейцаром служит сам патриарх Авраам. Войдя в вестибюль, он обратился к нему за разрешением войти в дом.

—Если над тобой произведен обряд обрезания, то проходи беспрепятственно, — сказал отец Авраам. Войдя в дом, сын шкловского раввина остановился в растерянности, не зная, куда идти и где искать отца.

—Кого ты ищешь? — спросил его отец Авраам, и сын раввина рассказал ему о своих поисках и закончил просьбой указать, где он может найти своего отца.

— Да! — сказал патриарх, — он действительно здесь. Работает кочегаром. Подкладывает огонь. Можешь его увидеть...

И он дал сыну пропуск в кочегарку.

Когда сын раввина вошел в кочегарку, его прежде всего поразило огромное колесо, которое вращалось снизу вверх; на нем тысяча крючков, и на каждом крючке висит раввин. Колесо крутится, и раввины вращаются: один вверх, другой вниз, вращение безостановочно, колесо гонит пар, а сам шкловский раввин безостановочно подкладывает огонь под котел с водой для того, чтобы бесперерывно шел пар.

—О, папа! Здравствуй! Еле нашел тебя — искал в раю, в чистилище, вот, наконец, нашел тебя здесь. Рассказывай, как ты здесь живешь.

Продолжая подкладывать дрова под котел, шкловский раввин рассказал:

—Я свое уже отбыл. Всего месяц я висел, как все эти, на крючке колеса. Теперь меня сняли, и основное наказание закончилось. Я стал "вольным", и меня назначили на "вольную" самостоятельную работу. Одно плохо: жалко мне глядеть на всех этих висящих на колесе...

И — ни слова, почему он попал в ад. Ни слова о том, почему здесь столько раввинов.

Несколько часов пробыл сын с отцом. Вдоволь наговорились. Пришло время уходить, ибо, по закону, кто из гостей остается после полуночи в аду, оставляется там навсегда. Выходя из ада, сын раввина и здесь над дверью заметил полку, и на полке, как и в раю, и в чистилище, сидит тот самый длиннобородый еврей, в руках у него тот же самый горшок с кашей. Но на этот раз он с таким аппетитом и так старательно уплетал кашу, что пот градом катился по его лбу.

Сын раввина не удержался и спросил голодного обжору:

—Реб еврей! Почему вы не хотели есть в раю, где так тихо и спокойно, а забрались в ад, где так шумно и так противно и жалко смотреть на страдания раввинов?

—Я отвечаю тебе, сын мой, на твой вопрос. У меня была в горшке каша. Каша была мясная, а ее перемешали молочной ложкой. Возник ритуальный вопрос, но ни в раю, ни в чистилище не оказалось раввинов, чтобы разрешить его. Не было ни одного раввина, ибо все они попали в ад. Голоден я был смертельно, а есть невозможно, пока раввин не разрешит. Каша в руке, а есть кашу нельзя. Ну, я и кричал не своим голосом. Но вот я пришел сюда, и здесь — о, радость! Ты видишь это колесо, оно все утыкано раввинами и все только за то, что они запрещали бедному народу есть сомнительную пищу. Здесь они, конечно, не посмели объявить мою кашу трефной и разрешили мне кушать, объявив ее кошерной.

Тут-то сын шкловского раввина и понял, почему такой святой человек как его отец, как и другие раввины, попал в ад.

НЕБЫЛИЦА-СКОРОГОВОРКА

Я приехал в Петербург и услышал, что идет бойкая торговля мясозадами. Что такое мясозад? Ловят пчел, отрывают у них зады — вот тебе и мясозад. Так это же выгодное дело! Поймал я пять пчел, оторвал им зады, засолил пять пудов и пустился в дорогу. Еду лесом, пока не добрался до горы. Надрывалась-надрывалась лошадь, пока вконец не разорвалась надвое: одна половина по эту сторону горы, другая — по ту. Так нельзя же дальше ехать! Что делать? Поднялся я на гору, вижу, растет дерево. Отрываю я ветку, прокалываю насквозь обе половинки лошади — и поехал дальше. Но ветка от влаги лошадиного живота стала расти и выросла до неба. Уперлась в тучи — и ни с места! Ничего не поделаешь — пришлось мне подняться на небо. А в небе — ярмарка, бык за грош — а денег нет! Проблуждал я так целый день в небе и ничего не купил. К вечеру потерял я дорогу назад и не знал, как спуститься вниз. Тут я вдруг увидел яму, и в яме пенька. Выкрутил я себе веревку и стал спускаться. Спустился до половины — не хватает веревки. Отрезал я верхний конец,

привязал к нижнему и спускаюсь дальше вниз. Спустившись, попал я в глубокую яму и не мог выбраться. Что сделать? Побежал в ближайшую деревню, одолжил лестницу и выбрался! Тем временем я проголодался. Вижу, летят пять жареных тусей. Стал я за ними гоняться. Влетели они в дупло дерева, я — за ними, а там-таки плотно закусил. Плотно закусил, но настолько растолстел, что не мог обратно выбраться из дупла. Так я побежал в деревню, достал топор, подрубил дерево и выбрался наружу. Тут мне захотелось пить. Я к колодезю — но там вода глубоко-глубоко, а ведра нет. Я быстренько отрубил себе голову и бросил в колодезь — пусть пьет. Напившись, я вытащил голову и посадил на плечи. Но она не держится. Так я забежал к сапожнику, купил смолу и крепко приклеил голову к плечам. Но она держалась до восхода солнца. Как только солнце стало припекать, так смола растаяла, и голова опять отвалилась. Тут я рассердился, схватил длинный-предлинный гвоздь и вбил его себе в голову так, что он вылез наружу, аж внизу — вот здесь, видите? — след остался до сих пор.

КРОВАВЫЙ НАВЕТ И ЧУЛОЧНИК

Одному еврею подбросили в погреб убитого христианского мальчика и затем обвинили в ритуальном убийстве. Узнав об этом, праведник Гур-Арье стал поститься и молить Бога о спасении невинного еврея. И приснилось ему, что он должен поехать в некоторый город и отыскать там бедного чулочника. Этому чулочнику надо приказать спасти еврея, и он найдет способ это сделать. Поехал Гур-Арье в этот город и отыскал там бедного чулочника. А чулочник оказался амга-арец*, который двух слов сказать не мог. Но все это только для виду, и когда Гур-Арье начал его упрашивать, говоря, что от него зависит судьба многих евреев в этой стране, чулочник обещал сделать все, что нужно.

А в это время в столице шли приготовления к суду над не-

* Ам-га-арец — досл.: народ земли; невежда.

винным евреем. На суд должен был приехать папа римский и король. Чулочник отправился пешком в столицу, и по дороге его нагнал сам папа, сидевший в карете, запряженной четверкой лошадей. Увидя бедняка, шагающего пешком, папа посадил его к себе в карету. Узнав у чулочника, что он идет на суд, папа стал его расспрашивать, какое он имеет отношение к суду над евреем. Чулочник ничего на это не ответил, он только попросил папу не начинать суд без него, чулочника. Папа обещал ему это. На следующий день на суд явились папа, король и все придворные, пришли также и обвинители, а бедный еврей сидел на скамье подсудимых, с тоской поглядывая на собравшуюся враждебную толпу. Папа, верный своему обещанию, не открывал суда, ожидая появления чулочника. В это время на площади стали уже воздвигать эшафот для казни еврея.

Увидя, что чулочник появился в зале, папа открыл суд. Многие выступали, требуя для еврея смертной казни, так как всем известно, что евреи, мол, употребляют кровь детей для мацы; правда, некоторые говорили, что еврей не виноват, что еврейский народ смиренный, не жестокий и богобоязненный, но большинство собравшихся склонялось к тому, чтобы осудить невинного еврея. Тогда папа обратился к чулочнику:

—А ты что скажешь?

Чулочник поднялся и сказал:

—Прошу всех идти за мной!

Привел он всех на кладбище, где похоронен был убитый ребенок, и велел разрыть могилку. Когда показался гробик, чулочник сам открыл его и обратился к мертвому ребенку со следующими словами:

—Ты видишь, кто перед тобой? Садись. — Ребенок присел. — Что же ты молчишь? Расскажи, кто тебя убил.

И ребенок стал рассказывать:

—Я лежал больной. В это время к отцу пришел епископ и стал уговаривать его зарезать меня, так как я и без того умру от болезни, и подбросить меня еврею. Епископ за это обещал отцу полное отпущение грехов. Отец долго не мог решиться, но потом согласился, наточил нож и, несмотря на мои крики, зарезал меня. Дальше ничего не помню.

—Довольно, — сказал чулочник. — Ложись опять в гроб.

Ребенка засыпали землей. Судьи вернулись в помещение суда. Еврея оправдали, а епископа и отца ребенка судили и повесили, а чулочник сделался вице-королем.

Этот чулочник был ламедвавник*.

ЖАБА-ОБОРОТЕНЬ

Святой Бешт** однажды впал в задумчивость. Три дня он ходил погруженный в тяжелое, беспричинное для окружающих раздумье. На четвертый день он вдруг обнаружил себя в знойной пустыне. Он сам удивился этому и, озираясь по сторонам, думал, что неспроста его сюда перебросили. Думая так, он вдруг увидел неподалеку необычайно толстую уродливую жабу. Жаба очень медленно, короткими прыжками приближалась к нему, не сводя с него странно пристального взгляда.

— Кто ты? — спросил жабу Бешт.

— Я человек, — раздался голос жабы. — Ровно сто лет-назад я, по велению свыше, был превращен в жабу и изгнан в пустыню, где нет людей и где никто не может дать тикун*** моим грехам.

— Расскажи мне, в чем ты грешен, — сказал Бешт.

— Мои грехи начались с того, — раздался голос жабы, — что я не мыл рук перед едой. Когда сатана стал меня оговаривать, ему на небесном суде разъяснили, что за один грех нельзя строго наказывать и что если ему удастся ввести меня еще в один грех, мне зачтется и первый грех, и я буду строго наказан. Сатане удалось меня ввести во второй грех, я не устоял и поддался ему, совершив третий грех, затем четвер-

* Ламед-вавник (от буквенного значения числа 36: ламедвав) или нистор (сокрытый) — один из 36 скрытых праведников, необходимых для существования мира.

** Бешт или Баал Шем Тов (обладающий знанием имени Бога), — великий праведник, основатель хасидизма, жил в середине XVIII в., известен также как великий чудотворец.

*** Тикун — восстановление, здесь: искупление.

тый. Сказано ведь: "Грех влечет за собой грех." Так мало-помалу я совершил все возможные грехи, и всевышний суд решил лишит меня возможности раскаяния. Сатана поэтому сделал меня пьяницей. Я много пил и под влиянием винных паров не мог задумываться о грехах моих и о том, что меня ожидает. Так я и умер, не успев раскаяться в своих грехах. А так как впервые я согрешил пренебрежением к предписанию омовения рук, мою душу после смерти вселили в жабу, возбуждающую брезгливость, и отправили в пустыню, где некому помолиться за мою душу и принести мне прощение.

Тут святой Бешт понял, для какой цели он очутился в пустыне, и стал горячо молиться за упокой души.

Через некоторое время он увидел, что жаба лежит распластанная у его ног. Она была мертва, а душа ее вознеслась ввысь.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЕБ ЭЛИЗЕРА

Об отце Бешта — реб Элизере — рассказывают удивительную историю.

Однажды на местечко, где жил реб Элизер, напали татары. Жене его удалось скрыться, а сам реб Элизер был угнан в плен вместе со многими евреями. Все они были проданы в рабство, и реб Элизер попал в далекую страну, в незнакомый город. Хозяин его, очень богатый человек, был доволен своим рабом-евреем, а тот служил ему честно и добросовестно, старался сберечь хозяйские деньги и добыть ему как можно больше прибыли. Увидя его старательность, ум и расторопность, хозяин назначил его главным управляющим всеми своими делами. Реб Элизер уже начал было подготавливать побег, но сверху ему было дано предостережение: слишком рано. И он перестал думать о возвращении домой, ожидая знака свыше. Тем временем хозяин его, зависевший от великого визиря, вынужден был отдать ему своего раба, реб Элизера.

Великий визирь стал часто советоваться со своим рабом. Он ежедневно обсуждал с ним важные государственные дела и с каждым днем все больше убеждался в его мудрости.

Вскоре и султан заметил, что советы великого визиря очень дальновидны. И вот однажды султану понадобился срочный совет великого визиря. Не зная, как лучше посоветовать, великий визирь побежал к себе во дворец, спросил реб Элизера и, спустя короткое время, вновь предстал перед султаном и пересказал ему то, что советовал реб Элизер. Султан был поражен логичностью совета и сказал своему визирю:

— Скажи мне правду, кто надоумил тебя дать мне такой совет? Не иначе как ты колдун!

Услыхав слово "колдун", великий визирь очень перепугался. В те времена колдунов сжигали. Бросившись перед султаном на колени, он рассказал ему правду о своем рабе.

Султан повелел как можно скорее привести к нему еврея-раба. Реб Элизер понравился султану, и он назначил его своим официальным советником. Прошло два года. Султан был очень доволен своим советником и привязался к нему настолько, что стал ему сватать жену и вскоре отдал ему дочь одного знатного придворного. Спустя некоторое время женщина эта сказала ему с грустью:

— Ведь султан отдал меня тебе в жены, а ты до сих пор до меня не дотронулся. Скажи мне, почему?

Реб Элизер рассказал ей все, не скрыв от нее, что у него есть жена.

— В таком случае, — сказала женщина, — ты прав, и тебе надо ехать к жене домой.

Она дала ему много денег, и он уехал. По дороге на него напали разбойники. Они похитили у него все деньги и собирались уже убить его. Но тут вдруг появился Элиоу-ханови*. Он спас ему жизнь и даже вернул ему все похищенные деньги. На прощание он сказал ему:

— В награду за все то, что ты вытерпел, у тебя родится сын, который станет светочем у евреев.

Возбужденный вернулся реб Элизер домой и, к великой радости своей, застал жену в живых. Долго они прожили в довольстве и богатстве, и когда им исполнилось по сто лет, у них родился сын. Это был Бешт.

* Элиоу-ханови — искаж. Элиягу ха-Нави — Илья-пророк.

АД И РАЙ

Умер один еврей. Попав на тот свет, он очутился перед великолепным хрустальным дворцом. Вошел он во дворец и на каждом шагу восхищался то золотой колоннадой, то алмазными окнами, то общим роскошным убранством залов. По дороге он встретил одного старика, в котором узнал недавно умершего благочестивого талмудиста. Еврей обрадовался встрече: значит, он попал в рай. Идет он дальше, и то и дело встречает знакомых старцев — восьмидесятилетнего раввина, девяностодвухлетнего даяна*. Проходит дальше и вдруг видит: идет молодая кокетливая девушка, недавно умершая дочь аптекаря, о которой говорили, что она равнодушна к молодым людям. В другом зале заметил покойную жену зубного врача — о ней шла народная молва, что она любит только молодых офицеров и терпеть не может своего сорокалетнего мужа, которого она считала стариком. Увидя их, еврей упал духом: "Неужели я попал в ад?"

Пока он так стоял и предавался горестному раздумью, вдруг видит он: девяностодвухлетний даян и жена зубного врача кружатся в танце, тесно прижавшись друг к другу, он — закрыв глаза от упоения, а она — с выражением отвращения на надменном лице.

Все смешалось в голове у еврея. Он растерялся и не мог определить — на каком же он свете?

Подходит он к ангелу, который стоял у входа в зал, и обращается к нему с вопросом:

— Реб ангел! Извините, что я отвлекаю вас от вашей работы. Скажите, что здесь — рай или ад? Если рай — то как здесь появились эти молодые дамы, а если ад — то за какие грехи сюда брошены эти святые старцы?

Ангел разгладил свою длинную, широкую бороду и ответил:

— Не удивляйтесь, реб еврей. Здесь и то, и другое: ад — для этих дам, и — рай для святых старцев.

* Даян — член бет-дина, коллегии из трех человек, имеющих право религиозного суда.

НИЧЕГО НОВОГО

Еврей приехал из местечка в город и встретил там земляка. Обрадовались оба.

—Эй, реб Нахман! Шолом алейхем!

—Реб Мойше, дорогой! Алейхем ашолом!

Нахман, который оставил родное местечко больше года тому назад, жаждал узнать новости и забросал провинциала множеством вопросов. Удовлетворив первый приступ любопытства, он спросил:

—Ладно, расскажи, Мойше, сам, какие новости там у вас?

—Да ничего, — ответил Мойше, — новостей особых нет. Разве только, что с месяц тому назад черный пес твоего дяди выл всю ночь.

—Черный пес дяди? А почему он выл?

—Он обжег весь свой хвост на пожаре, когда сгорел дом дяди.

—Боже мой! — вскричал Нахман. — Дом дяди сгорел? Когда?

—А тогда, когда пришли стражники арестовать дядю.

—Час от часу не легче. Почему они его арестовали?

—Потому что он объявил себя банкротом и отказался платить деньги.

—Снова банкрот! Вечная история с ним.

—То-то я и говорю. Никаких новостей. Все по-старому.

ГОМУНКУЛУС МАЙМОНИДА

У Маймонида* был способный и преданный ученик. Очень любил его Маймонид и обучил всем тайнам науки.

Однажды Маймонид спросил юношу, согласен ли он участвовать в производстве опыта, описанного в каббалистической

* Маймонид (Моисей бен Маймон, 1135—1204) — философ, теолог и ученый, родился в Кордове (столице арабо-марокканского халифата), во время преследования евреев бежал в Каир (столицу египетского халифата), где стал лейб-медиком султана Саладина.

книге Сефер Иецира*. Опыт заключался в том, что человека умерщвляют, особыми снадобьями тщательно обрабатывают полученную человеческую материальную массу и помещают ее в герметически закрытую колбу, где поддерживается строго по расписанию соответствующая температура. В течение девяти месяцев из обработанной массы постепенно восстанавливается и оживает тело человека. Этот человек будет обладать необыкновенным свойством — он будет жить вечно.

— Но над кем мы будем производить этот опыт? — спросил, дрожа, ученик.

— Надо мной или тобой, по жребию, — ответил Маймонид. Ученик согласился.

Они дали друг другу клятву, что экспериментатор не причинит вреда подопытному, и бросили жребий, который пал на ученика.

Маймонид произнес Шем Хамфойреш** и извлек душу из тела ученика. После этого он тщательно выполнил опыт.

День за днем наблюдал Маймонид за колбой и видел, как из смеси постепенно восстанавливается тело ученика. Когда срок опыта приближался к концу, на Маймонида из колбы глядел почти живой человек.

Маймонид сам испугался содеянного им. Если довести опыт до конца, — подумал он, — человечество постигнет большое несчастье. Этого вечно живущего человека люди будут почитать как Бога, и учение Моисея будет отвергнуто и забыто.

Маймонид обратился за советом к раввинам. Те серьезно обдумали этот вопрос и решили, что нельзя допускать оживления. Но Маймонид был связан клятвой. Верный клятве, он продолжал опыт.

Но вот однажды случилось нечто ужасное и непоправимое. В открытую дверь лаборатории вбежала кошка, за ней мчалась собака. Завязалась драка. Слышались кошачье гневное шипение и яростный лай собаки. Ключья шерсти летели в воздухе,

* Сефер Иецира — Книга Творения, одна из книг каббалы, содержащая тайны мироздания; была передана Богом Адаму.

** Шем Хамфойреш или Шем-амфейреш (иврит: шем-ха-мефораш) — заменяет тайное произносимое имя Бога.

все кругом падало, звенело, ломалось, и вдруг — о, ужас! — заветная колба пошатнулась и грохнулась с пьедестала на землю. Человеческая масса вывалилась и растеклась по полу. Пропали результаты опыта, погиб человек.

— Это перст божий! — подумал Маймонид и, согласно обряду, похоронил тело ученика. После этого он торжественно сжег каббалистическую книгу. С тех пор никто не повторял опыта Маймонида.

СУД НАД ЛИЛИС*

Однажды владыка Ашмодай собрал к себе самых именитых своих вельмож, чтобы дать им новые указания, как совращать людей с истинного пути и заставлять их грешить. Вдруг он заметил, что в укромном уголке забился какой-то мелкий бесенок, которому никоим образом не полагалось присутствовать на таком представительном собрании. Разгневанный Ашмодай призвал к себе бесенка и спросил, что он тут делает.

— Прости меня, великий государь, — залепетал, трепеща, бесенок. Меня привела сюда необходимость сделать исключительно важное сообщение. Но прежде прикажи всем удалиться.

Ашмодай дал знак своим князьям, и те удалились, после чего бесенок стал рассказывать:

— Вчера поздней ночью, находясь в синагоге, я вдруг заметил, что в женском отделении мерцает огонек, и оттуда доносится заунывное чтение тхинойс**. Я забрался наверх и увидел такое, что страшно рассказать! Там сидела твоя супруга Лилис, скромно одетая, и читала тхинойс. Я сразу помчался к тебе, чтобы сообщить об этом.

Ашмодай глубоко задумался — такого в царстве бесов никогда не бывало. Нельзя было примириться с тем, что его жена Лилис, совращенная им, когда она еще была честной еврейской девушкой, и которая стала потом королевой демонов, сейчас превратилась в кающуюся грешницу. Он приказал не-

* Лилис (Лилит) — женщина-демон.

** Тхина — покаянная женская молитва.

медленно доставить Лилис во дворец. По его велению был созван суд с участием самых почтенных бесов, а также трех людей, мудрейших магов из Египта.

Когда суд под началом самого Ашмода собрался, Лилис сказала:

— Великий владыка тьмы! Некоторое время тому назад я решила совратить "полотняного цадика", который носит только полотняную одежду и живет в хижине в лесу, питаясь лишь плодами собственного труда. Я пришла в его хижину и вызвала его ангела-соблазителя. Тот вышел на мой зов из левой пяты цадика и был таким маленьким и тощим, что сразу было видно, что ему живется очень плохо у цадика. На мой вопрос, как мне пробраться в душу цадика, он ответил, что тот весь переполнен благочестием и пробраться к нему можно только сквозь левую пейсу. Я туда забралась и стала щекотать цадика. Тот почесал пейсу, я выпала оттуда и предстала перед ним полуобнаженной. Тогда он мне сказал:

— У тебя, должно быть, порвалось платье в дороге. Возьми в углу кусок полотна и накройся, а потом расскажешь мне про свою нужду.

Я попросила у него детей. Он мне ответил:

— Прежде чем стать матерью, ты должна доказать, что ты достойна быть ею. Для этого ты должна приютить сирот и заботиться о них, чтобы они были сыты и одеты, чтобы мальчики ходили в хедер. Пусть так пройдет некоторое время, и я посмотрю, смогу ли я вымолить детей для тебя.

Я послушалась совета цадика, и забота о детях так пришлась мне по душе, что я решила в самом деле раскаяться и обратилась к цадику за советом. Он мне сказал, чтобы я каждую ночь читала тхинойс, и за этим меня застал этот бесенок.

Вопросов было мало, так как вина преступницы была ясна. И Ашмодай предложил участникам суда высказаться о том, как следует наказать Лилис. Но ни один из бесов не мог придумать достойной кары.

Тогда сказал первый маг:

— Пусть Лилис разрубят на тысячу тысяч мельчайших кусков и сожгут, а прах развеют по всем морям.

Ашмодай усмехнулся:

—Так я наказываю за самые мелкие провинности. Твой совет нехорош.

Выступил второй маг:

—Лилис просила у праведника детей, так пусть она их имеет. Сделай ее многодетной матерью, но пусть все ее дети будут большими грешниками и пусть их казнят за их преступления. Тогда Лилис будет терпеть страшные муки.

Ашмодай сказал:

—Это сильное наказание, но все же недостаточное.

Тогда сказал третий маг:

—Великий царь тьмы! Не надо выдумывать никаких наказаний. Лилис и так страшно наказана. Ведь ей, вкусившей греховной жизни, никогда не стать настоящей праведницей, и люди не примут ее в свое общество. К нам она тоже не сумеет вернуться, мы ее не примем. Так она и будет тянуться одновременно и к людям, и к бесам, к праведной и к греховной жизни — и ни той, ни другой она не вкусит полностью. Нет более страшного наказания, чем то, которое она сама себе уготовила.

Ашмодай долго думал и сказал:

—Ты прав, мудрый маг, пусть будет так.

-----ooOoo-----

XXXXXXXXXXXX		XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XXXXXXXXXXXX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XX	XX
XX	XX	XXXXXXXXXXXX	XX

XXXXXXXXXXXX
 XX XX
 XX XX
 XXXXXXXXXXXX
 XX XX
 XX XX
 XX XX
 XXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX
XX	XX XX	XX XX	XX
XX	XX XX	XX XX	XX
XX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX
XX	XX	XX XX	XX
XX	XX	XX XX	XX
XX	XX	XX XX	XX
XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX	XXXXXXXXXX

-----ooO⁰oo ooO⁰oo-----

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

-----oo⁰ oo⁰-----

Выпуск 8

Декабрь 1985

Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Л.ПРАЙСМАН:	
Евреи и русское либеральное движение	235
И.ЦЕРЕЛЬЗОН:	
Гибель сефардской общины	250
Ф.НУЛИН:	
Евреи в Петропавловской крепости	275
Б.МЕДВЕДЕВ:	
Корней Чуковский и евреи	289
Еврейская народная поэзия (Составитель Е.Райзе)	296
И.БЕНОШОФСКИ:	
Путеводитель по Еврейскому музею в Будапеште	309

Леонид ПРАЙСМАН
(Л. Сегал)

Главы из книги²¹

ЕВРЕИ И РУССКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава I. ПЕРВЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОЕКТЫ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

1. Манифест 17 октября

17 октября 1905 г. напор революционной борьбы подавляющего большинства населения страны вынудил правящий слой пойти на колоссальные уступки, меняющие характер русского государства: на смену абсолютной монархии приходит монархия конституционная. Опубликован Манифест 17 октября. Его основное содержание выражено в следующих положениях:

”1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности ... все классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы.”*

Но, пожалуй, самый проклятый вопрос из всех сложных проблем российской действительности — еврейский — в манифесте не был даже намечен. Вместе с манифестом был опубликован доклад председателя кабинета министров С. Ю. Витте, дополняющий и разъясняющий его, но не имеющий силы закона. В этом докладе прямо по еврейскому вопросу тоже ничего не говорилось, но одну его фразу можно было при большом

* Цит. по: Витте С. Ю.. Воспоминания. М., 1960, т. 3, с. 34.

желании расценить как намерение правительства постепенно решить его: "Укрепление этих важнейших основ (политических свобод) политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнивания перед законом всех русских подданных независимо от вероисповедания и национальности."* Но поскольку прямо о евреях ничего не говорилось, то большинство населения страны решило, что по отношению к евреям все остается по-старому, на них права и свободы не распространяются. Из всех свобод, дарованных русскому народу, он понял только одну, о которой нет ни слова в манифесте, — беспрепятственно громить и резать евреев. Страшные октябрьские погромы прошли одновременно более чем в шестистах городах и местечках и стоили нашему народу более тысячи человеческих жизней.

Но, тем не менее, после Манифеста 17 октября, Россия становилась парламентской монархией. Рассмотрим подробнее отношение еврейского населения к Государственной Думе и роль I-й и II-й Дум, в которых господствовали русские либералы, в решении еврейского вопроса.

2. Булыгинская Дума

Прежде всего нужно отметить, что первоначально, по замыслам правительства, евреев предполагалось отстранить от участия в выборах в парламент. Одной из существенных уступок, которую вырвала первая русская революция у самодержавия, было согласие правительства на созыв парламента с совещательными функциями, еще задолго до Манифеста 17 октября. Этот так и не созданный парламент получил название Булыгинской Думы, по фамилии министра внутренних дел А.Г.Булыгина, под председательством которого заседала комиссия, разработавшая его проект. Этот проект лишал евреев избирательных прав, которые были несовместимы с гражданским бесправием. В этом, без сомнения, была извест-

* Там же, с. 5.

ная логика, но логика отрицательная. Вместо того, чтобы даровать евреям гражданские права (в том числе и избирательные), их соответственно с прежним бесправием лишили и новых прав, которые были дарованы всему остальному населению страны. Естественно, это намерение правительства вызвало бурю протеста в различных слоях еврейского общества. Посылались резолюции протеста от различных еврейских общин. Многие из них были выдержаны в крайне резких тонах. Например, в резолюции Виленской еврейской общины говорилось: "В проекте народного представительства ставят нас, шестимиллионную культурную нацию, ниже полудиких инородцев Восточной России. Политика умиротворения по отношению к другим угнетенным нациям сменяется политикой терроризирования по отношению к евреям. Безумная система, состоящая в том, чтобы раздражать и озлоблять евреев средневековыми гонениями и затем мстить им за проявление этого раздражения, ныне достигла своего апогея... Мы апеллируем к русскому обществу, призванному ныне обновить обветшалый строй родины... Мы надеемся, что не осуществится злобная месть евреям со стороны уходящей бюрократии, желающей перенести ферменты гниения в здоровую атмосферу будущего народного представительства..."*

Последовали протесты со стороны русских либеральных кругов. Во время приема царем городской и земской депутатий 6 июня ее глава, профессор С.Н.Трубецкой, в своей знаменитой речи заявил, что не следует никого исключать из народного представительства: "нужно, чтобы не было бесправных и обездоленных". Обстановка в стране была накалена, революция на подъеме, и правительство заколебалось. Кабинет министров исключил из проекта Булыгина пункт о недопущении евреев к выборам, мотивируя это нежеланием еще больше раздражать их.

В июле, в Петергофе, под председательством царя, состоялось совещание, на котором обсуждался проект Государственной Думы. Один из его участников, А.А.Нарышкин, по-

* Дубнов С.М. Евреи в России и Западной Европе. Берлин, 1923, т.3, кн.2. с.72.

требовал "недопущения вредной еврейской нации в Думу", но ряд других советников, в том числе и министр финансов Ф.Ф.Кокоскин и тогдашний фактический диктатор России В.Ф.Трепов, высказались за допущение. Прения были закончены кратким высказыванием Николая II: "Оставить проект без изменений."* Таким образом, нация, лишенная элементарных прав, получила одно из высших политических прав — право избирать и быть избранным в высший законодательный орган страны. Об абсурдности такого положения очень хорошо говорил в I Государственной Думе депутат от Вильны Ш.Левин: "Перед вами стоит депутат, который в прошлом году был выслан из Петербурга, когда он захотел остаться в столице на 24 часа, и который на точном основании закона должен будет быть выслан из Петербурга, как только сессия Парламента закончится. Я без права жительства и все же принимаю участие по высочайшему повелению в русском законодательстве. Может ли быть более вопиющее противоречие?"**

Но, тем не менее, евреи были допущены к избирательным урнам. В России развернулась первая в ее истории избирательная кампания.

3. Деятельность Союза для достижения полноправия евреев в России в 1905 и в начале 1906 гг.

Вне всякого сомнения, избирательный закон имел массу недостатков. Выборы не были ни всеобщими, ни прямыми, ни равными, ни тайными. От участия в выборах были отстранены "бродячие инородцы", военнослужащие, молодежь, женщины, прислуга и рабочие мелких предприятий (до 50 человек). Выборы проводились по четырем куриям: землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Голос одного землевладельца приравнивался в голосам трех горожан, 15 крестьян и

* Там же, с. 72.

** Стенографический отчет I Государственной Думы. СПб., 1906, т.1, с.1107.

45 рабочих. Нужно сказать, что отстранение от избирательных урн рабочих мелких предприятий и прислуги сильно ударило по еврейскому пролетариату черты оседлости, сосредоточенному в основном на маленьких предприятиях.

Но в выборах по городской курии в 16 губерниях черты оседлости еврейские голоса играли большую, а часто и преобладающую роль. Сложность заключалась в том, что после избрания выборщиков по всем куриям они встречались на общегубернском съезде и выбирали депутатов в Думу. При этом перед лицом крестьянских и землевладельческих выборщиков городские (еврейские) выборщики черты оседлости оказывались в меньшинстве. И чтобы провести в Думу своего кандидата, нужно было заключить соглашение с выборщиками других курий. Большими были шансы евреев провести своих депутатов в Думу от курий городов с отдельным представительством. В черте оседлости такими городами были Вильно, Одесса, Екатеринослав и ряд других городов. В них число еврейских выборщиков было довольно значительным.

Большинство еврейских избирателей по всей черте оседлости, а также вообще по всем местам Российской империи, где проживали евреи, сплотилось вокруг Союза для достижения полноправия евреев в России. Союз был образован на съезде еврейских общественных деятелей, состоявшемся в конце марта 1905 г. в Вильне. Основной целью его деятельности было "осуществление в полной мере гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России"* . Союз требовал: полного уравнивания евреев в гражданских правах, обеспечения равного участия в народном представительстве и во всех его органах, "свободу национально-культурного самоопределения во всех его проявлениях в форме широкой автономии общин, свободы языка и школьного обучения"**. Выдающийся еврейский историк С.М.Дубнов писал о значении образования такого союза и его программе: "То была первая в новейшей истории программа еврейской организации, которая поставила на своем знамени не только

* Дубнов С. М., ук. соч., с. 391.

** Там же.

гражданско-политическое, но и национальное равноправие, — первая попытка национальной борьбы внутренней автономной нации, а не религиозной группы, причисленной к господствующей нации, как было в XIX веке на Западе.”*

С первого дня своего существования Союз был непрочной организацией, так как в него вошли представители различных, а часто просто противоположных течений, существовавших в русском еврействе: сионисты во главе с Б. Гольдбергом и Ш. Левиным; либеральные еврейские группировки во главе с будущим кадетским лидером адвокатом М. Винавером и адвокатом Г. Слиозбергом; группа, занимавшая промежуточные позиции между ними, во главе которой стоял историк С. М. Дубнов (в будущем из нее будет образована Еврейская народная партия во главе с Дубновым), а также левые, близкие русским трудовикам и эсерам, под руководством Л. Брамсона и Я. Бикермана. Председателем Союза был избран М. Винавер. Такой состав предопределял в будущем выделение из Союза различных партий в 1906—07 гг., а затем летом 1907 г. окончательную ликвидацию Союза. Но в 1905 и в начале 1906 гг. Союз действует согласованно. Уже в первой своей резолюции он требует всеобщего избирательного права на выборах в будущий парламент с обеспечением представительства национальных меньшинств, говорит о необходимости воздействовать на русское общество для достижения правового и фактического равенства евреев.

Сразу же после I съезда Союз энергично начал свою деятельность. Его уполномоченные отправились во все еврейские центры черты оседлости для создания организаций, примыкающих к Союзу. Он организовал кампанию петиций и протестов против первоначального плана правительства не допускать евреев к участию в выборах в Булыгинскую Думу. Союз сыграл определенную роль в организации отрядов еврейской самообороны для отпора погромщикам. Он организовал широкую материальную и юридическую помощь жертвам погромов.

II съезд Союза состоялся 24—25 ноября 1905 г. в Петербурге, вскоре после страшных погромов, охвативших Россию.

* Там же.

Он принял резолюцию о погромах, в которой подверг резкой критике деятельность правительства С.Ю.Витте за попустительство, а часто и прямое руководство погромами, и потребовал расследования погромов при участии общественных представителей, смещения властей и предания суду виновных. Съезд отверг предложение о посылке депутации к графу Витте с просьбой о немедленном предоставлении евреям равноправия: "...следует обратить все усилия на то, чтобы организовать русское еврейство для борьбы его за равноправие, примыкая к общему освободительному движению."*

Впервые в своей истории, в стране, где они были совершенно бесправны, евреи требовали того, чего не имели евреи даже в демократических странах Запада: "... безотлагательно приступить к созыву на началах всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием Всероссийского Еврейского Национального Собрания для установления согласно воле всего еврейского населения формы и принципов его национального самоопределения и основ внутренней его организации."** Правда, съезд Союза испугался своей собственной смелости, и уже отпечатанное воззвание не было распространено.

Союз активно начал вести избирательную кампанию. Молодые юристы отправляются в черту оседлости для ознакомления населения на местах с технической стороной выборов. С этой же целью по всей черте оседлости распространяются десятки плакатов и брошюр в сотнях тысяч экземпляров. Организации Союза основываются не только в черте оседлости, но и по всей стране, где есть избиратели-евреи. К Союзу не примкнули только евреи левых взглядов, стоявшие на позициях Бунда, РСДРП и эсеров. Как известно, эти партии бойкотировали выборы в I Думу. Призывали своих сторонников бойкотировать выборы также левые сионистские партии: сионисты-социалисты и Поалей Цион. Но большинство евреев, даже левых взглядов, принимает решение участвовать в выборах и присоединяется к Союзу. Вопросам выборов депутатов

* Там же, с.77.

** Там же.

в Думу и непосредственной деятельности самой Думы был посвящен III съезд Союза, проходивший в разгар избирательной кампании. Отвергнув предложение левых о бойкоте Думы, съезд высказывается за самое деятельное участие в выборах. Съезд требует всюду, где это возможно, стараться избирать в Думу депутата-еврея, а если это невозможно, поддерживать депутата-нееврея, который за эту поддержку обязан требовать осуществления гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России. На съезде была принята резолюция о деятельности депутатов Думы: "настаивать на разрешении еврейского вопроса в Думе непременно в связи с основными статьями Конституции и вопросами об элементарных гражданских свободах". Съезд отверг предложение сионистов об образовании в Думе еврейской национальной группы, но признал необходимым, чтобы депутаты-евреи, "при всем различии своих общепартийных программ, при обсуждении всех вопросов, касающихся прав еврейского народа, объединились для коллективного обсуждения и совместных действий".

4. Первая избирательная кампания

Избирательная кампания ведется в очень трудных условиях, как для всех оппозиционных слоев, так, в особенности, для евреев. С одной стороны, власти в условиях военного положения арестовывают, высылают из городов возможных кандидатов в выборщики и депутаты. Черная сотня, правые, а в Польше — и не слишком правые, грозят евреям преследованиями и погромами за намерение выдвигать в Думу своих депутатов или просто за желание евреев принимать участие в выборах. С другой стороны, левые в черте оседлости, особенно Бунд, бывший тогда близким к большевикам, своей тактикой активного бойкота срывают предвыборные собрания, ведут бешеную травлю всех, решивших принять участие в выборах. Союз на выборах действует в тесном контакте с конституционно-демократической партией. Этот альянс еще больше укрепляет то обстоятельство, что многие активисты Союза на местах и его руководители в центре являются в то же самое время активистами и руководителями конституционно-демокра-

тической партии. Например, председатель Союза, Винавер, — один из лидеров кадетской партии. Сообщения газет и журналов тех лет показывают нам, как велась эта борьба на местах. Приведем несколько выдержек из кадетского журнала "Вестник Партии народной свободы".

"Умань, 24 февраля. 22 февраля арестован в Умани врач С. М. Френкель, видный член кадетской партии. Наиболее вероятный выборщик в губернском избирательном собрании от города Умань, где он как гуманный врач и общественный деятель пользуется популярностью среди населения, особенно еврейского.

При аресте полицией захвачено 5 экземпляров кадетской программы. Единственным основанием ареста является желание администрации устранить не только выборщика, но и парализовать влияние доктора Френкеля на избирателей-евреев, от которых, как составляющих здесь большинство, зависит успех выборов."*

"Елисаветград. 3 апреля приехало из уезда от 800 до 1000 избирателей-евреев, которые нуждались в разных справках и указаниях. Уездный раввин госп. Пино открыл свою временную канцелярию в помещении дешевой еврейской столовой, куда и явилось около 150 избирателей. Им выдали удостоверения о личности, справляясь в избирательных списках, занесены ли эти лица и проч. Полиция, узнав об этом, нагрянула с солдатами и казаками и окружила столовую. Произошла страшная паника. Через некоторое время столовая была очищена, некоторых переписали. Вслед за тем городовые начали ходить по гостиницам, заезжим дворам и разыскивать приезжих еврейских избирателей. У нескольких десятков лиц были отобраны паспорта. Некоторые, лишившиеся паспортов, были затем другими городовыми арестованы и доставлены в участок. После этого пошел слух, что приехавших в город евреев арестовывают всех поголовно. Несколько человек Комитета партии Народной свободы поспешили в участок и здесь после долгих

* Вестник ПНС. СПб., 1906, с. 165—166.

настояний добились освобождения арестованных... Несмотря, однако, на все меры, евреи утром 4 апреля отправились на выборы.”*

В большинстве городов и местечек в черте оседлости угрозы черносотенцев и действия администрации не могли остановить евреев от участия в голосовании, но в ряде случаев они оказались эффективными.

”Екатеринослав. Евреям всячески напоминают явно и тайно, что избрание депутата города Екатеринослава в Думу еврея или вообще прогрессиста повлечет за собой вспышку печальных последствий для местных евреев. Это обстоятельство повлияло на то, что многие евреи от выборов воздержались.”**.

Это привело к тому, что Екатеринослав стал единственным городом, депутатом от которого был избран правый, им стал правый октябрист Способный.

Но, пожалуй, наиболее страшный, человеконенавистнический характер носила деятельность правых и центристских польских партий в Царстве Польском.

”Варшава. Тактика запугиваний и погромов применяется народными демократами по отношению к еврейским выборщикам и вообще прогрессивным элементам все сильнее, а чтобы доказать, что от угроз легко перейти к делу, народные демократы устроили 9 апреля вечером на Маршалковской улице маленький погром, избив до смерти студента, который давал воззвания прогрессивного блока. А когда некоторые из прохожих поспешили на помощь студенту, нар.-дем. начали стрелять из револьверов и смертельно ранили прохожего. Последствием этого печального случая и вообще всей погромной агитации нар.-дем. является то, что среди еврейского насе-

* Там же, с.526—527.

** Там же, с.432.

ления вдруг появились люди, которые старались убедить евреев, что выборы возможны только тогда, когда конкурирующие между собой партии пользуются для своей агитации только законными средствами, но когда одна из партий начинает терять самообладание и прибегать к террору, тогда никакие выборы невозможны, и евреи должны от них воздержаться. Эта агитация имела успех, число евреев, являющихся в выборное бюро для получения повесток, вдруг упало до минимума, многие из получивших свои повестки также заявляют, что они на выборы не пойдут, и народные демократы уже ликуют по поводу своей победы.”*

Ликование было преждевременным, но оправданным. Народные демократы одержали в Царстве Польском полную победу. В I Думу от Царства Польского были избраны только их кандидаты; несмотря на огромное количество еврейского населения в Польше, ни один еврей, ни вообще представитель более левых взглядов, в Думу избран не был. Без сомнения, основная причина этой победы заключается в том, что в условиях бойкота Думы со стороны левых основные слои польского населения сплотились вокруг народной демократии, но очевидно, что тактика запугивания евреев также принесла свои плоды.

По всем же 16 губерниям черты оседлости был организован прогрессивный блок. На Украине в его состав входили конституционно-демократическая партия, Союз для достижения полноправия евреев России, а также польские и украинские партии. В Прибалтике состав был такой же, только место украинцев занимали литовцы и латыши. Места выборщиков от блока распределялись пропорционально количеству избирателей каждой партии. Часто к блоку присоединялись оппозиционно настроенные крестьяне. Например, в Киеве был заключен блок между конституционной демократией, польской кадетской партией, украинской радикальной партией, Союзом для достижения полноправия евреев в России и еврейской внепартийной организацией. Блок наметил 80 кандидатов в выборщики по городу Киеву: одного украинца, 12 поляков, 13

* Там же, с. 529.

евреев и 54 русских. против него выступил блок правых партий, в состав которого вошли партия правого порядка и торгово-промышленная партия. Как и по всей России, свободно агитировать в Киеве могли только правые и черносотенцы, митинги оппозиции запрещались полицией. Вся агитация правых была построена на обыгрывании национального вопроса: "Обыкновенно, в своих собраниях один оратор начинал с еврея и кончал поляком, а другой — начинал с поляка и кончал евреем. Казалось, что больше аргументов против нас и нашей программы у них нет."* Киев был известен как оплот черносотенцев. Они стояли во главе киевской городской думы, в Киеве издавалась одна из самых диких черносотенных газет "Киевлянин", а в Почаевской лавре создавались десятки антисемитских листовок и брошюр и рассылались по всей России в сотнях тысяч экземпляров. Но несмотря на все это, прогрессивный блок одержал в выборах по городу блестящую победу: из 80 выборщиков 68 — представители блока. Депутатом в Думу от города Киева был избран кадет барон Штейнгель.

В Минске и Минской губернии положение было иное, чем в Киеве. В самом Минске и во многих городах Минской губернии евреи преобладали. В Минске также оформлен прогрессивный блок в составе кадетов, Союза для достижения полноправия евреев и польских партий. Против них боролся Союз 17 Октября, минский отдел которого стоял на черносотенных позициях. Большинство выборщиков от города Минска — евреи, и они предложили избрать депутатом в Думу присяжного поверенного, известного сиониста С.А.Розенбаума. Поляки и русские их поддержали, Розенбаум избран депутатом Думы. Хотя поляки пошли во многих губерниях черты оседлости на союз с евреями, он их не вполне устраивал. Вроде бы и те и другие угнетает русское самодержавие, и те и другие ограничены в своих правах, евреи в значительно большей степени, чем поляки, поэтому союз между ними естественен. Но среди поляков был очень широко распространен антисемитизм, и поэтому польский избирательный комитет в Минске обратил

* Там же, с.525.

ся к своим избирателям со следующим извиняющимся воззванием:

”Вам известно, братья-поляки, что мы вступили в соглашение с евреями и со многими лучшими русскими людьми, чтобы солидарно подавать голоса за всех сообща выставленных кандидатов, среди которых находятся 2 поляка, 1 русский и 4 еврея. Кто будет вас убеждать, что мы плохо поступили, т.к. надо было выставить исключительно поляков, тот введет вас в заблуждение. Такой человек не имеет понятия и не знает о действительном положении вещей, не знает, что евреев гораздо больше, чем нас, и они здесь решают, кому дать место среди выборщиков.”*

Как я уже писал, правые в своей борьбе активно использовали антисемитские предрассудки русского и украинского народов. Особенно активно они вели свою антисемитскую пропаганду среди крестьян, но крайне малое количество правых в I Государственной Думе показывает, что им это не удалось. Как бы крестьяне ни относились к евреям, основным для них было требование земли, и никакими антисемитскими нападками правым не удалось скрыть правду, что они стоят на страже помещичьих земель владений. Депутат I Думы от Черниговской губернии, трудовик, профессор Локоть в своих воспоминаниях прямо-таки в идиллических тонах рисует отношение избирателей-крестьян к избирателям-евреям. Он пишет о реакции крестьян-избирателей на предложения нескольких ”мелких лавочников” ”...поставить еврейский вопрос в смысле сохранения ограничений и даже усиления их... Крестьяне-избиратели нетерпеливо перебивали таких ораторов. Почему же, — говорили крестьяне, — евреям не давать таких прав, каких мы себе добиваемся? Разве евреи не такие же люди, как и мы? Если давать права, так всем, чтобы никому не обидно было. Нужно только добиваться таких законов, которые действительно ограждали бы слабых от эксплуатации и насилия со стороны сильных, будь эти сильные — русские, евреи, армяне или турки, не все ли равно...’ И собрание дружно и единогласно принимало резолюцию о полном равноправии всех наци-

* Там же, с. 402.

ональностей во всех областях гражданской и политической жизни народа. А такие речи евреев-избирателей, как речь г.Биндера об эксплуатации крестьян землевладельцами или чисто политические речи присяжного поверенного г.Марголина ... пользовались у крестьянских выборщиков самым шумным и искренним успехом. Если г.Марголин не прошел в члены Думы, то только потому, что в решительный момент отказался от баллотировки и даже совсем уехал из Чернигова. Нет никакого сомнения, что он был бы избран именно крестьянскими выборщиками.”*

Журнал “Вестник партии народной свободы” знакомит нас с перипетиями предвыборной борьбы. Крестьянские выборщики вошли в блок с еврейскими выборщиками Гродненской губернии. Блок одержал победу на выборах. И в Думу попали как депутаты-крестьяне, так и депутаты-евреи: М.Я.Острогорский и В.Р.Якубсон. Но, например, в Подолии такой союз организовать не удалось. Крестьяне правых взглядов были настроены весьма антисемитски, и евреи заключили несколько странный союз с польской шляхтой. Правда, власти до конца все-таки крестьянам не доверяют и стремятся их оградить от вредных влияний: “...эта крестьянская масса, которая выделила из своей среды 12 членов парламента, обладающих с момента избрания неприкосновенностью. До дня голосования они представляли собой нечто вроде арестованных, запертых в Народном доме, бдительно охраняемых полицией.”

Антисемитские выступления в Полтаве были направлены против выдвижения кандидатом в депутаты от Полтавской губернии Г.Д.Иоллоса. Небольшая группа крестьян заявила протест против кандидата-еврея, и хотя большинство избирателей решительно выступило против протеста, на Иоллоса этот инцидент произвел очень сильное впечатление: “Если бы не слово, данное избирателям-евреям, я готов был отказаться от кандидатуры.”

Тем не менее, выборы состоялись, и Иоллас был избран депутатом Думы от Полтавской губернии, причем избран в основном нееврейскими голосами, т.к. из губерний черты осед-

* Локоть Т.В. I Дума. М., 1906, с. 93.

лости наименьший процент еврейского населения (4%) в Полтавской губернии.

Союз для достижения полноправия евреев в России, как и все еврейское население России, очень много ждет от Думы и принимает активное участие в избирательной кампании. Агитаторы Союза для привлечения еврейских голосов используют раввинов и синагоги. Пресса тех лет сообщает нам много подобных фактов.

”Бердичев. Наступление праздников значительно облегчило членам Бюро по выборам в Государственную Думу и другим лицам агитацию среди местного населения. Они ходили по синагогам, разъясняли народу значение выборов и предлагали единодушно поддержать выборщиков, намеченных на предвыборных собраниях.”

”Симферополь. На выборы городского выборщика наложен протест. Главные мотивы: ... и выдача казенному раввину 75 избирательных записок для раздачи своей пастве.”

Сообщения со всех мест черты оседлости, за исключением Екатеринослава, говорят о том, что евреи принимали очень активное участие в выборах, куда более активное, чем живущие здесь христиане; более 70% евреев, имеющих право голоса, пришли к избирательным урнам — процент очень высокий. Все сообщения рисуют радостную праздничную картину в дни выборов, евреи верят, что первый русский парламент даст им гражданские права и положит конец их многовековым страданиям в России. Насколько эти надежды оправдаются?

(Продолжение следует)

-----ooOoo-----

Ицик ЦЕРЕЛЬЗОН²²**ГИБЕЛЬ СЕФАРДСКОЙ ОБЩИНЫ***

Юг и Юго-Восток Европы в годы Второй мировой войны были особым миром, отличавшимся от Центральной и Западной Европы, территория которых послужила основной сценой трагедии европейских евреев. В истории этой трагедии события 1941—1944 годов на Балканах и в Италии — менее известная глава. В целом участь здешних евреев не отличалась от участи евреев к востоку или западу от германского Рейха. Однако специфическая и достаточно бурная политическая история этого района в годы войны, сложная, часто менявшаяся здесь ситуация наложили свой отпечаток на судьбу еврейского населения этих мест.

До Второй мировой войны Балканы были уникальным районом еврейского мира. Здесь проживали сефарды — потомки евреев, изгнанных из Испании в 1492 году и принятых турецким султаном в пределы Османской империи. Беженцы обосновались в Стамбуле и Салониках, откуда в XVI—XVII веках их потомки расселились по Балканскому полуострову и Эгейскому побережью Малой Азии, неся с собой специфическую сефардскую культуру и язык ладино, диалект кастильского наречия. Облик сефардского еврейства изменился под воздействием местных условий, но, тем не менее, оно сумело сохранить всю свою самобытность и язык до начала Второй мировой войны. Даже когда в XIX и начале XX века на Балканах образовалась большая ашкеназская община, сефарды не смешались с новоприбывшими и сохранили свою обособленность, поддерживавшуюся классовыми различиями: ашкеназы принадлежали к высшим слоям балканского общества (торговцы, промышленники, интеллигенция, служащие), а сефарды — к низшим слоям (мелкие торговцы, промышленные рабочие, ремесленники).

* Сокращенный журнальный вариант.

К концу 30-х годов еврейское население Греции составляло 76 тыс. сефардов, Югославии — 71 тыс. человек, из них 25 тыс. сефардов, Болгарии — около 50 тыс. сефардов.

Признанным центром сефардского мира были Салоники — первый город, приютивший беженцев из Испании. На 53 тыс. салоницких евреев приходилось 40 синагог, каждая из которых носила название какого-нибудь города давно покинутой Испании.

Граница расселения сефардов и ашкеназов проходила по Югославии. В Белграде и Сараево жили преимущественно сефарды (свыше 80% всего еврейского населения), в Загребе — ашкеназы (более 90%); около 20 тыс. евреев области Бачка были в большинстве ашкеназами; 7 тыс. евреев Македонии — сефарды. Сефарды и ашкеназы Югославии существовали независимо друг от друга, смешанных браков было мало. Только общие бедствия заставили эти общины объединиться.

Совершенно по иному выглядела 57-тысячная еврейская община Италии. Часть итальянских евреев была также сефардского происхождения (сефардом был, например, известный художник Амедео Модильяни), часть — выходцами из Центральной Европы, остальные были коренными жителями Италии, потомками евреев Древнего Рима. Однако к концу 30-х годов итальянское еврейство было настолько сильно ассимилировано, что с трудом можно говорить о каких-либо национальных, в частности, сефардских традициях применительно к итальянским евреям. Пожалуй, ни в одной другой европейской стране ассимиляция не зашла так далеко, как в Италии. Каждый десятый итальянский еврей был крещен; велико было число смешанных браков. В Риме проживало 13700 евреев, в Милане — 8 тыс., в Триесте — 5 тыс., общины меньших размеров были также в Турине, Флоренции, Венеции, Генуе, Ливорно, Анконе.

До 1938 года евреи в фашистской Италии не были ущемлены в своих правах. Среди евреев было много государственных чиновников и армейских офицеров. Были евреи и в фашистской партии, даже в высших ее звеньях. Более того, в период с 1923 по 1938 год Италия приняла около 10 тыс. евреев — беженцев из Рейха. Дело в том, что идеологией итальянского фашизма был не расизм, а этатизм, стержнем кото-

рого был тезис "государство превыше всего". Это не значит, что расизм был вовсе чужд фашистской партии, однако "низшей расой" для итальянцев были африканцы, жители завоеванных Италией территорий: Ливии, Эритреи, Сомали, а позже — Эфиопии.

Еврейский вопрос для итальянцев был вопросом прежде всего религиозным. 14 мая 1929 года, выступая в палате депутатов после заключения конкордата с Ватиканом, Муссолини заявил: "Евреи жили в Риме со дней цезарей... Нет разницы между ними и приверженцами других религий." Даже после того как Гитлер пришел к власти в Германии, Муссолини неоднократно делал заявления, свидетельствовавшие о его дружественной позиции по отношению к евреям. Так, в 1933 году Муссолини подчеркнул эту свою позицию в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. В 1937 году, когда в некоторых итальянских газетах началась антисемитская кампания, инспирированная Роберто Фариначчи, Муссолини сделал ряд заявлений, дезавуирующих эти выступления в печати, в частности, такое заявление: "Статьи, появляющиеся в печати, выражают только точку зрения издателей и не имеют ничего общего с мнением правительства."

Однако когда Италия из идеологического союзника Германии стала превращаться в военного союзника, положение евреев начало ухудшаться. Впрочем, даже в этот период, до 1943 года, то есть до того, как Италия была оккупирована немецкими войсками, положение евреев в стране не было отчаянным. Оно было много лучше, чем, к примеру, положение евреев в Румынии и Венгрии.

Первые слухи о том, что немцы вынуждают Италию вводить антисемитское законодательство, поползли по стране в 1937—1938 годах. Определенное давление немцев в этом направлении действительно имело место. Но давление на партийную верхушку в этот период оказывалось и изнутри. В фашистской партии Италии было антисемитское крыло; издавался антисемитский журнал "Ла вита италиана".

В марте 1938 года фашистская партия сделала такое заявление: "Большинство итальянского населения — арийского происхождения, и цивилизация его — арийская... Евреи не принадлежат к итальянской расе. Они — единственная этниче-

ская группа, которая никогда не ассимилировалась с остальным населением Италии, поскольку состоит из расовых элементов неарийских и полностью отличных от тех элементов, которые дали миру итальянскую расу.”

Первые в Италии мероприятия против евреев начали проводиться летом и осенью 1938 года, через 16 лет после прихода фашистов к власти. 8 августа 1938 года Муссолини приказал исключить евреев из списка дипломатов. В сентябре 1938 года, по указанию дуче, министерство внутренних дел приступило к выработке антиеврейского закона. Ряд видных деятелей партии и государства, в том числе председатель парламента Федерцони, выступили против закона. Однако к середине ноября 1938 года антиеврейский закон был готов. Он был эклектичен и отражал непонимание итальянцами ”еврейской проблемы” в том виде, в каком она виделась нацистам.

Прежде всего, закон определял, кто есть еврей. Евреем считался всякий, у кого а) оба родителя исповедуют иудаизм, б) один из родителей исповедует иудаизм, другой — иностранец, в) мать исповедует иудаизм, отец неизвестен, г) один из родителей — еврей, а сам он исповедует иудаизм или принадлежит к еврейской общине (или участвовал в еврейских мероприятиях до 1 октября 1938).

Тем же законом евреи изгонялись из армии, из партии, с государственной службы, из правлений фирм, производящих вооружение; лишались предприятий, где занято свыше 100 итальянцев. Евреям запрещалось владеть недвижимостью на сумму свыше 20 тыс. лир и сельскохозяйственной собственностью стоимостью свыше 5 тыс. лир. На ветеранов Первой мировой войны, старых фашистов и их родственников до третьего колена последнее ограничение не распространялось.

Указом от 29 июня 1939 года врачи, юристы, финансовые инспектора, инженеры, архитекторы и некоторые другие категории служащих и интеллигенции еврейского происхождения лишались работы и практики в нееврейской среде. Исключение было сделано для той же категории лиц, что и в предыдущем указе. Запрещались смешанные браки, кроме как с умирающими или с целью узаконения детей. Запрещалось усыновление евреями детей-христиан, использование христианской прислуги. Еврейские дети исключались из христианских школ. Ан-

нулировались все изменения имен. Указ предусматривал регистрацию евреев в особых списках.

Закон от 17 ноября отменял натурализацию евреев-иностранцев после 1919 года и обязывал их покинуть страну, если только данное лицо не состоит в браке с уроженцем Италии.

В целом итальянское расовое законодательство было мягче аналогичных законов в странах Восточной Европы. Однако оно столь резко контрастировало со всей предыдущей политикой Италии, столь не вязалось с итальянскими традициями, что явилось очень болезненным ударом для евреев. Надо отметить, впрочем, что эти законы предусматривали множество исключений, да и применялись весьма не строго. Так, из евреев иностранного происхождения, которых закон от 17 ноября 1939 года обязывал покинуть страну, в действительности ее покинула лишь 1/4 часть.

В Юго-Восточной Европе Вторая мировая война началась фактически в апреле 1938 года, когда Италия оккупировала Албанию, где жило около 200 коренных евреев, в основном в городе Корча, на юго-востоке страны. Это были потомки беженцев из Испании и евреев, переселившихся сюда из Италии еще в XVI столетии. После 1938 года в Албании нашли убежище еще несколько сот евреев, беженцев из Рейха. Они поселились в Тиране и Дурресе. Итальянская оккупация почти не отразилась на положении евреев в Албании.

Вторым, гораздо более серьезным актом военных действий на Балканах было вторжение итальянцев в октябре 1940 года в Грецию. И Италия, и Германия рассматривали Балканы как зону своих интересов и как направление будущей экспансии. Италия мечтала о превращении Средиземного моря во "внутреннее озеро". Германии нужны были стратегические позиции для войны с Англией на Ближнем Востоке.

Идеологически фашистские и полуфашистские режимы балканских государств не очень далеко отстояли от нацистского режима. Правительства этих стран руководствовались конъюнктурными соображениями. Первоначальные успехи Италии и Германии определили итало-германскую ориентацию правительств большинства стран Юго-Восточной Европы. Остава-

лось только оформить эту ориентацию в виде политических союзов (экономические связи с Германией у стран Юго-Востока и раньше были прочными). 20 ноября 1940 года к Оси примкнула Венгрия, 23 ноября — Румыния, 1 марта 1941 года — Болгария. Югославия колебалась, несмотря на нажим Германии.

В Греции у власти стояло полуфашистское правительство Метаксаса. Метаксас симпатизировал Италии и Германии и считал неизбежным включение Балкан в зону влияния этих стран. Но в греческом правительстве была и сильная прозападная прослойка. Колебания, однако, разрешились помимо воли греческих властей. 7 октября 1940 года Гитлер ввел войска в нефтеносные районы Румынии. Это привело дуче в бешенство: он считал Румынию зоной итальянских интересов. В ответ на этот шаг своего союзника Муссолини стал спешно готовить вторжение в Грецию. 28 октября итальянский посол в Афинах Граци вручил Метаксасу ультиматум с требованием пропустить итальянские войска в Грецию с целью дать им занять ряд стратегических пунктов, необходимых для отражения угрозы со стороны Англии. Через 2 часа после вручения ультиматума итальянские войска перешли юго-восточную границу Албании и вторглись в Грецию в двух направлениях: на Янину и на Салоники. Одновременно авиация Италии подвергла бомбардировке крупные города и порты. Но неожиданно итальянские войска получили в Греции резкий отпор. Через 10 дней, 8 ноября 1940 года, наступление приостановилось, греки перешли в контрнаступление и 21 ноября вошли в пределы Албании, освободив свою территорию.

Германия начала готовиться к вмешательству в этот военный конфликт и в марте 1941 года ввела войска в Болгарию. Англия в ответ высадила в Греции 50-тысячный экспедиционный корпус.

В это время резко изменилась ситуация в Югославии. До марта 1941 года Югославия считалась страной скорее итало-германской, чем прозападной ориентации. Королевское правительство — во главе его стоял регент князь Павел — вело страну на дальнейшее сближение с Германией. Население страны выступало за нейтралитет, особенно после того, как началась война. Идеи нейтралитета до этого момента придер-

живался и премьер-министр Югославии Цветкович. Однако в марте 1941 года он примкнул к прогерманской партии, начав переговоры с Гитлером. 25 марта был подписан договор с Германией о присоединении Югославии к Оси. По всей стране начались демонстрации протеста. Армия роптала. 27 марта генерал авиации Душан Симович взял власть в свои руки и отстранил от власти князя Павла и Цветковича. Симович старался действовать осторожно — он не объявил о выходе страны из Оси, однако повел переговоры с СССР и Англией. Гитлер быстро прореагировал на это. 6 апреля 1941 года был создан Юго-Восточный фронт под командованием Листа (800 тыс. солдат, 2200 самолетов) и в тот же день немецкие и итальянские войска вторглись в Грецию и Югославию. Во вторжении в Югославию приняли участие также болгарская и венгерская армии.

8 апреля немцы взяли Салоники — главную свою цель. 12 апреля греки вынуждены были уйти из Албании. 15 апреля под Сараево немцы взяли в плен верховное командование югославской армии, и 17 апреля Югославия подписала безоговорочную капитуляцию. 23 апреля в Салониках подписала капитуляцию Греция. Англичане спешно эвакуировались с континента на Крит. Арьергарды британской армии вели оборону Фермопил. 27 апреля немцы вступили в Афины. 20 мая 1941 года немецкие войска нанесли удар по единственному аэродрому Крита. 26 мая англичане эвакуировались с Крита, и к 1 июня немцы заняли весь остров.

Кампания на Балканах закончилась. И Югославия, и Греция были поделены между агрессорами.

Юго-Восток Европы лежал вдали от сферы жизненных интересов Германии. Балканы представляли для немцев прежде всего стратегический интерес. Это предопределило специфику событий на Юго-Востоке. Повсюду здесь — в Афинах, в Белграде, в Загребе, в Тиране — были созданы марионеточные правительства; оккупированные территории были превращены в эфемерные "государства". Значительным влиянием в этом районе пользовалась Италия. Власть немцев в Юго-Восточной Европе, во всяком случае, до 1943 года, была слабее, чем в Польше или во Франции. Но оккупация, в конечном счете, предопределила судьбу евреев Юго-Востока Европы.

Избиение югославских евреев началось с территории Сербии, и началось оно, по существу, еще в дни войны и в первые дни после капитуляции Югославии, когда статус оккупированной территории еще не был четко определен агрессорами. Холокауст в Югославии, по-видимому, открыла венгерская армия, когда в апреле 1941 года на сербской территории Бачка, отходившей к Венгрии, она ликвидировала 250 евреев и столько же сербов — жителей города Нови Сад. В проведении операции оказали помощь местные немцы — фольксдойче.

В Суботице в этот же период немцы расстреляли 250 евреев — членов молодежной организации "за диверсионные акты против оккупационных войск".

Официальные меры против евреев в Сербии начали проводиться незамедлительно после провозглашения "независимой Сербии". 30 мая 1941 года военные власти издали указ, определявший понятие "еврей" в соответствии с германскими Нюрнбергскими законами. Тем же указом евреи увольнялись с государственной службы, лишались практики евреи — лица свободных профессий, предписывалась регистрация еврейской собственности, вводились желтая звезда и принудительный труд. Кроме того, указ запрещал сербам укрывать евреев. Немецкие власти сразу ввели в Сербии антиеврейские законы, которые в самой Германии, в Польше и других оккупированных ранее странах вводились постепенно. Второй указ, от 22 июля 1941 года, декретировал принудительную ариизацию еврейской собственности. Все средства, вырученные от распродажи еврейских предприятий и даже мебели, формально поступали в собственность "сербского государства", фактически же были конфискованы немцами под предлогом покрытия ущерба, нанесенного военными действиями.

С начала июля 1941 года немецкая оккупационная армия начала практиковать расстрелы евреев, взятых в качестве заложников. Значительная часть югославской армии ушла в горы после подписания капитуляции; почти сразу же в Югославии началась партизанская война. За успешные операции югославских партизан первыми начали расплачиваться сербские евреи.

Геноцид начался с мелких акций. Так, 5 июля 1941 года на площади, где должен был состояться митинг фольксдойче, обнаружили заряд взрывчатки — в ответ на это немцами было

расстреляно 10 коммунистов и 3 еврея; 28 июля расстреляно 122 человека (в основном "еврейские интеллектуалы", а также коммунисты) в качестве репрессии за попытку поджечь немецкий военный автомобиль. Был и еще ряд акций такого рода.

Но уже в конце июля немцы начали проводить по всей территории Сербии массовые облавы на мужчин-евреев. Чтобы иметь резерв заложников, оккупанты создали два лагеря — в Белграде и Шабаце, где задержанные были интернированы. По подсчетам немцев, в Сербии им предстояло интернировать около 8 тыс. мужчин-евреев. 2 октября 1941 года была устроена засада на колонну военных грузовиков близ города Топола — 21 немец был убит, многие были ранены. В ответ на эту операцию партизан военные власти объявили, что отныне за каждого убитого немца будут расстреливать 100 заложников. 9 октября армия, как "пострадавшая сторона", сама начала расстреливать евреев под Белградом и Шабацем. Эйнзацгруппа СС, в обязанности которой вменялись подобные акции, оказывалась как бы не у дел — тогда военные власти поручили эсэсовцам производить строгую проверку, чтобы в число расстреливаемых попадали только евреи и цыгане. Так, в Сербии вермахт и СС поменялись функциями: СС отбирали заложников, военные их расстреливали.

Параллельно процессу взятия и расстрела евреев-заложников шел процесс "деиудаизации" Баната — спорной области на северо-востоке Сербии. В августе 1941 года немцы начали вывозить евреев Баната в лагерь Тасмайдан под Белградом, всего было вывезено 3 тыс. евреев, и 20 августа Банат был объявлен "юденрайн" (чистым от евреев). Евреи Баната пополнили число заложников и разделили судьбу всех евреев Сербии — они были расстреляны частью в самом лагере, а частью в его окрестностях. К концу октября в Тасмайдане не осталось в живых ни одного банатского еврея.

10 октября командующий немецкими войсками в Сербии Беме предпринял "молниеносную акцию" — неожиданный арест всех коммунистов, евреев и "националистически или демократически настроенных лиц". Тем самым запас заложников в Сербии резко увеличивался. Выполнение всех расстрелов Беме возложил на армию. Перед началом расстрелов, 25 октября 1941

года, Беме выпустил для своих войск инструкцию, напоминающую те, которую получили эйнзацгруппы СС на территории СССР: перед расстрелом следует выкопать рвы; жертвы ставить на колени на краю рва, лицом к могиле, стрелять с расстояния 8—10 метров, целиться в голову или грудь и т.д. Единственное нововведение Беме, изобличавшее в палачах "истинных рыцарей": при каждой такой спецгруппе должен быть военный врач, определяющий, кто еще жив, и приказывающий "из милосердия" произвести дополнительные выстрелы. Все остальное ничем не отличалось от эсэсовских расстрелов, в том числе — и использование личных вещей убитых.

Поначалу в Сербии расстреливали только евреев-мужчин. Как сообщает в своем рапорте офицер, участвовавший в расстрелах, когда мужчин из белградского лагеря вывели за колючую проволоку с вещами, их жены, оставшиеся в лагере, подняли плач и крик. Вещи у выведенных отобрали и погрузили на грузовик. Офицер жаловался, что очень много времени заняло рытье могил, зато сам расстрел проходил очень быстро: 100 человек за 40 минут.

Всего в этой первой крупной акции в Сербии немцы расстреляли 2100 заложников, преимущественно евреев, но также и цыган.

К концу октября 1941 года в Сербии было расстреляно около 4—5 тыс. евреев-мужчин, и перед армией поставили новую задачу: расстрелять 15 тыс. еврейских женщин и детей, оставшихся в лагерях. Представитель немецких властей в Сербии Турнер ответил, однако, что расстрелы женщин не в правилах немецкого солдата, кроме случаев, когда речь идет о женах или родственницах партизан. Он предложил заменить расстрелы депортацией. (Тут вермахт проявил неожиданную щепетильность: на Украине и в Белоруссии правила несколько не мешали немецкому солдату расстреливать женщин и детей.)

Все оставшиеся в городе евреи были собраны в лагере Саймиште на Дунае, около Белграда (в немецких документах лагерь называется Землин). Операция эта началась 3 ноября 1941 года. Время от времени группу женщин и детей грузили в крытые грузовики, помеченные Красным крестом, и вывозили

из лагеря якобы с целью депортации. На самом деле грузовики были душегубками, аналогичными применявшимся для этих же целей на оккупированной территории СССР. Душегубки доезжали до ближайшего леса, где из них выгружали трупы. В марте 1942 года количество евреев в Саймиште колебалось между 5 и 6 тыс., к 20 апреля упало до 2974 человек, в июле лагерь был уже пуст, и лагерное начальство отправило газвагоны (душегубки) в Берлин для дальнейшего использования. В августе 1942 года, когда сменился главнокомандующий войсками на Балканах, Турнер с гордостью докладывал новому командиру: "Сербия — единственная страна, где еврейский и цыганский вопросы полностью решены."

После своего поражения Греция была разделена на три части. Основная часть Фракии (кроме восточного района, примыкавшего к турецкой границе) отошла к Болгарии. Здесь проживало около 5—6 тыс. евреев. Остальная часть Греции была поделена на итальянскую и немецкую зоны оккупации. Итальянская зона была значительно больше немецкой. Немцам, кроме восточного куска Фракии, достались Салоники, к захвату которых они больше всего стремились, и значительная часть греческой Македонии. При этом большинство евреев Греции оказалось под властью немцев. В одних лишь Салониках проживало 53 тыс. евреев, в других местах — еще 2 тысячи. В итальянской зоне оказалось 13 тыс. евреев. Формально вся Греция, кроме аннексированной Болгарией части, была под властью марионеточного правительства в Афинах, но фактическая власть принадлежала оккупационным итальянским и немецким властям.

Первая акция против евреев в немецкой зоне оккупации была проведена в Салониках 13 июня 1942 года, когда на городской площади Свободы было собрано 6—7 тыс. мужчин-евреев в возрасте от 18 до 48 лет для регистрации на принудительные работы. Признанные годными были отправлены на малярийные болота, где многие из них погибли от болезней и голода.

Салоникские евреи начали бежать в итальянскую зону. Тогда немцы попытались договориться с итальянцами о совместных мероприятиях по отношению к евреям и для начала пред-

ложили одновременно в обеих зонах ввести обязательное ношение желтой звезды. Но итальянцы отказались.

К началу 1943 года немцы, оставив попытки уговорить итальянцев сотрудничать с ними в деле еврейского вопроса, начали планировать депортации только в своей зоне оккупации. В феврале 1943 года в Салоники прибыли Дитер Вислицени и Бруннер из РСХА²³, специалисты по депортациям. После этого события начали разворачиваться с необычайной быстротой. 6 февраля 1943 года был издан приказ всем евреям зарегистрироваться и зарегистрировать свою собственность. Но главное — приказ предписывал всем евреям района Салоник до 25 февраля перебраться в гетто. Приказ не распространялся только на иностранных подданных.

12 февраля 1943 года Дитер Вислицени направил руководству салоникинской общины письмо, в котором определял, кто считается евреем. Далее Вислицени подробно описывал желтую звезду, материал, из которого она должна быть сделана, размер и т.д. Согласно его распоряжению, звезду должны были носить все евреи, начиная с пятилетнего возраста, в том числе и те, кто состоял в браке с неевреями. Вместе со звездой руководство общины обязано было выдавать каждому еврею удостоверение личности. Удостоверения были пронумерованы последовательными номерами, и на каждой звезде должен был стоять номер удостоверения. За первым письмом последовало второе, от 17 февраля. Все еврейские врачи, адвокаты, владельцы предприятий и магазинов обязывались на своих конторах, кабинетах и т.д. вывесить желтую звезду; такими же звездами отмечались дома с еврейскими жильцами.

Во главе еврейской общины Салоник стоял в это время главный раввин Цви Корец, который учился на Западе и знал немецкий язык. Корец избрал своей тактикой беспрекословное подчинение; очень скоро эта тактика сделала его простым передатчиком немецких приказов. 13 февраля Кореца наделили "властью" над всеми евреями Салоник, и одновременно вышел приказ о переселении в гетто.

Салоникиское гетто представляло собой несколько несмежных секторов города. Евреям запрещалось покидать свой сектор, пользоваться городским транспортом и телефонами. В еврейской части Салоник беднейшим районом считался так на-

зываемый квартал барона де Гирша, примыкавший к железной дороге. Этот район отгородили забором; в трех местах в заборе имелись ворота, на которых были сделаны надписи на немецком, греческом и ладино, запрещавшие как выход, так и вход. Этому сектору суждено было стать самым зловещим местом в истории салоницкого гетто — он стал перевалочным пунктом для депортируемых на пути из города в Освенцим. Сюда немцы вселяли группу евреев, намеченную на ближайшую депортацию. Всякий раз после вывоза обреченных сектор полностью обезлюдевал, и немцы снова заполняли его евреями, опустошая другие секторы гетто. В результате через квартал барона де Гирша прошло все еврейское население Салоник, а также городов Кастория и Верроя.

В феврале 1943 года в этот сектор поместили первую партию обреченных — беднейшую часть еврейской общины. Вскоре после этого Корецу сообщили, что район барона де Гирша в полном составе депортируется в Польшу, так как многие жители этого сектора — коммунисты, и это угрожает безопасности оккупационной армии. Пункт назначения депортируемых — Краков, где их примет местная еврейская община. В подтверждение этой версии среди депортируемых были распространены польские бумажные деньги. Людям дали спокойно собрать вещи в дорогу, после чего они колоннами прошли к поездам. Первый транспорт из Салоник отбыл 15 марта 1943 года. Он проследовал через Белград в Освенцим.

Буквально через несколько часов после депортации первой группы немцы окружили сектор Агия Параскеви и выселили его жителей в квартал барона де Гирша. Кореца опять вызвали в немецкую штаб-квартиру и повторили ему примерно то же, что и в первый раз: в районе много коммунистов, он подлежит депортации, но лицам "среднего класса" бояться нечего. В секторе барона де Гирша опять начались сборы — упаковывались пожитки, строились планы, молодые люди поспешно заключали браки. Когда евреи Агия Параскеви были депортированы, в роковой сектор немцы вселили представителей "среднего класса".

Первые две волны депортации — в марте было вывезено в Освенцим 10 тыс. человек в четырех поездах, в апреле — 25 тыс. человек в девяти поездах, — захватили рабочих сало-

никского порта. Значительная часть салоницких евреев работала в порту — докеры, грузчики, ремонтные рабочие. В результате работа порта была парализована, но немцев это нисколько не смущало: идеологическая задача была превыше всего.

После первой депортации население гетто охватило беспокойство. 21 марта немцы взяли в гетто 25 заложников, и было объявлено, что они будут расстреляны при малейшем противодействии депортации. В гетто был введен комендантский час.

В конце мая к сектору барона де Гирша опять были поданы составы.* На этот раз в Освенцим было отправлено около 11 тыс. человек. Последние две депортации из Салоник были проведены 8 июня (880 человек) и 28 июля (1800 человек). Руководители общины, в том числе и сам рабби Корец, были отправлены в Берген-Бельзен; большинство из них там погибло. В августе 1943 года в Салониках оставались лишь евреи — иностранные подданные.

Сравнительно легко проведенная салоницкая операция была осложнена для немцев только вмешательством итальянского консула в Салониках и испанского поверенного в делах в Афинах. Когда в немецкой зоне оккупации начались первые мероприятия против евреев, генеральный консул Италии в Салониках Каструччи начал выдавать евреям итальянские паспорта. В апреле 1943 года в городе был 281 еврей с несомненным итальянским гражданством и 48 — с оспоримым (у лиц, желавших восстановить утраченное итальянское гражданство). Немецкие власти в Салониках через МИД Германии заставили Каструччи прекратить дальнейшие натурализации, но 329 евреев было вывезено им в итальянскую зону.

Помимо итальянских граждан, в Салониках в этот период было еще 600 евреев — испанских граждан. Немцы перехватили донесение испанского поверенного в делах в Афинах Эдуардо Гассеты в Мадрид, из которого следовало, что испанцы пытаются спасти от депортации своих подданных. Немцы через МИД потребовали у Испании, чтобы та вывезла своих подданных на испанскую территорию. Но Мадрид ответил, что пока

* Между концом апреля и концом мая в салоницких депортациях был перерыв, вызванный восстанием в Варшавском гетто.

Испания может принять только 50 евреев, остальных же согласится передать под юрисдикцию германских оккупационных властей, если те дадут гарантии их безопасности. Начался торг между двумя державами, в результате которого все 600 евреев с испанским гражданством были в январе 1944 года отправлены в "привилегированный" лагерь Берген-Бельзен, однако Эйхман получил указание обращаться с ними так, чтобы не дать пищу для "нежелательной пропаганды". Значительная часть этой группы интернированных уцелела; 375 человек после окончания войны вернулись в Испанию.

Одновременно с депортацией из Салоник немцы начали вывозить евреев из Восточной Фракии, где проживало 1250 евреев, большинство в городе Дидимотикон. 3 марта 1943 года по всей области была устроена облава, причем немцы не поленились отправиться даже на остров Самофракия, где проживало всего 3 еврея. Облавы сумели избежать 40 человек в Неа-Орестее и 33 человека в Дидимотиконе, остальные были депортированы в Треблинку и все до одного погибли.

4 марта 1943 года, то есть на следующий день, такую же облаву в Средней Фракии провели болгары. Было схвачено более 4 тыс. евреев, которые сначала были интернированы в лагерях в самой Болгарии, а затем на баржах были вывезены по Дунаю в пределы Рейха (одна баржа по пути затонула). В Вене немцы пересадили фракийских евреев в поезда и доставили в Треблинку.

В итальянской зоне оккупации в течение всего периода до осени 1943 года положение евреев было гораздо более прочным. Давление немцев с целью принудить итальянцев депортировать 13 тыс. евреев из итальянской зоны оказалось безрезультатным. Но в конце 1943 года в Италии произошел переворот, Муссолини был отстранен от власти, и во главе встал маршал Бадольо. 3 сентября Италия капитулировала перед западными союзниками. В ответ немцы оккупировали Северную Италию, а заодно и бывшие итальянские зоны оккупации. При этом под власть Германии перешли 16 тыс. евреев Греции, Албании и Черногории.

Новые власти сразу же приступили к подготовке депортации евреев. 3 октября 1943 года главный руководитель СС и полиции Шиман приказал всем евреям Афин зарегистрироваться.

Греческие евреи были уже начеку — из 3500 афинских евреев зарегистрировалось только 1200 человек. В наказание немецкие власти в Афинах конфисковали всю еврейскую собственность.

Депортации немцы решили начать с греческой "глубинки". Первая такая акция состоялась в Янине, где к этому времени уже было создано гетто. 23 марта 1944 года в 3 часа ночи немецкая и греческая полиция окружила гетто. В 5 часов утра председателя еврейской общины предупредили, что в течение трех часов ему предстоит собрать всех евреев в указанном месте на предмет "эвакуации"; в 10 часов утра 1725 янинских евреев были депортированы. Около сотни узников гетто было оставлено в Янине "навести порядок". Брошенная собственность была передана грекам в качестве подкупа: в районе действовали партизанские отряды.

Всего в конце марта из Греции было депортировано 5400 евреев, из них 1800 из Янины и 1500 из Афин. Примерно столько же греческих евреев сумели избежать этой участи: часть из них ушла в партизаны (командиром боевых сил одной из греческих партизанских армий был раввин Моше Песах); часть была спрятана греческими крестьянами или укрылась в многочисленных православных монастырях, — архиепископ Дамаскинос дал указание всем мужским и женским монастырям, в Афинах и провинции, давать убежище всякому еврею, который постучится в ворота.

В апреле 1944 года немцы провели аналогичные акции против евреев Албании, спокойно переживших итальянскую оккупацию. В начале апреля албанские власти силами албанской дивизии СС произвели облаву на евреев в Дурресе и интернировали около 400 человек в Приштине, бывшем югославском городе, отошедшем к Албании. Интернированные вскоре были депортированы в Берген-Бельзен, из них выжило около 100 человек. С 28 мая по 5 июля 1944 года в Приштину было согнано еще 500 человек, из них половина — из Корчи и Тираны; 249 человек из них также были депортированы.

Далее депортация перекинулась на острова. 2 тыс. евреев жили на острове Корфу (Керкире), 257 — на Занти (Закинфе), свыше 300 — на Крите и 2200 — на Родосе. Первую депортацию немцы провели на Корфу — 14 июня 1944 года 1795

евреев были вывезены: мужчины морем в Афины, а женщины через пролив в Ларису. Во время перевозки депортированным не выдавалась ни пища, ни вода, в результате многие умерли еще по дороге. Из Ларисы 20 июня евреи Корфу были отправлены в Освенцим и через 9 дней, сразу после прибытия, 1600 из них попали в газовые камеры.

Напротив, судьба 257 евреев Закинфа оказалась более счастливой. По замыслу немцев один из кораблей, везших евреев с Корфу, должен был зайти в гавань Закинтос и взять на борт эту группу евреев. Однако греческие власти острова отказались выполнить приказ гестапо собрать всех евреев Закинфа в гавани. "Если приказ о депортации будет выполнен, — заявил архиепископ Христостомос, — я присоединюсь к евреям и разделю их судьбу." 195 человек были спрятаны в отдаленных деревнях острова, остальные, в основном старики и дети, были собраны гестапо в гавани, однако переполненный корабль с евреями Корфу не причалил к Закинфу. Позже этой группе удалось бежать в Италию.

28 мая на Крите гестапо интернировало 260 евреев в Кании и 5 семей в Ретимноне. 4 июня их вывезли в Ираклион и вместе с 300 итальянскими военнопленными и 400 греческими заложниками погрузили на корабль. Корабль отплыл от Ираклиона и в 200 километрах от берега, близ острова Полегандрос, был затоплен. После войны на Крите осталось всего 7 евреев.

Последний удар был нанесен по общине острова Родос. 13 июля 1944 года был издан приказ всем евреям острова собраться в городе Родосе, а также в Кремасто, Трианде и Вилланово. Евреи Родоса уже хорошо знали, что значит такой приказ, поэтому сбор прошел с большим трудом. 17 августа 1700 родосских евреев были доставлены в Освенцим.

Пока СС и гестапо проводили депортации на Греческом архипелаге, союзники взяли Рим и высадились в Нормандии, советские войска, освободив Львов и Одессу, приближались к Освенциму. Немецкие войска отступали на всех фронтах, остро нуждаясь в кораблях и поездах — для подвоза боеприпасов и перевозки раненых. Но депортации шли по намеченному плану, словно ничего не происходило. Оккупационные войска в Греции не испытывали дефицита ни в транспорте, ни

в боеобеспечении. Казалось, именно здесь проходит главный фронт нацистской империи.

Сложнее обстояло дело в Хорватии, на территории которой 16 апреля 1941 года, через 10 дней после нападения Оси на Югославию, была создана "Независимая Хорватская держава" во главе с Анте Павеличем, лидером хорватских правых националистов — усташей. По сравнению с эфемерными, марионеточными государствами Балкан Хорватия была несколько более самостоятельным образованием. Фактически же Хорватия, как и Греция, была оккупирована немецкими и итальянскими войсками. Граница двух зон оккупации прошла по линии Загреб-Сараево-Черногория, при этом Загреб и Сараево оказались в руках немцев. Таким образом, под властью немцев оказалось 25 тыс. евреев, под властью Италии — примерно 5 тысяч.

Генеральной целью хорватского правительства было создание "хорватской Хорватии". Выполнение этого плана началось с грандиозных сербских погромов. Но не только от сербов хотели избавиться усташы — хотели они избавиться и от евреев, тем более, что это было весьма по нраву немцам. А свой нрав в еврейском вопросе немцы успели показать еще в период военных действий: в Руме немцы сожгли синагогу, в Вуковаре арестовали все руководство общины, выпустив его затем за огромный выкуп, в Осиеке немецкие солдаты совместно с фольксдойче сожгли синагогу, разрушили кладбище и наложили на общину огромный штраф. Во множестве городов и местечек Хорватии были расстреляны видные руководители еврейских общин. В Сараево и других местах Боснии существенную помощь немцам оказали местные мусульмане.

Первые официальные меры хорватского правительства против евреев копировали аналогичные немецкие мероприятия. В сфере юридической правительство начало с опубликования 30 апреля 1941 года определения, кто есть еврей. По сравнению с нюрнбергским определением оно было более жестким: увеличено было число категорий метисов, относимых к евреям. Однако в Хорватии существовал институт "почетных арий-

цев". Сюда относились крещеные евреи и лица, удостоенные этого звания за их ценный вклад в "хорватское дело", сделанный до 10 апреля 1941 года. Число "почетных арийцев" росло из месяца в месяц; один из них занимал даже пост в государственном аппарате (Александр Клейн). Некоторые члены хорватского кабинета были женаты на еврейках.

Власти Хорватии начали с того, что наложили на общину Загреба штраф в 100 кг золота, взяв заложниками нескольких состоятельных евреев. В мае во всей Хорватии были распущены еврейские организации и разграблены все синагоги. Дальнейшие указы хорватских властей еще более напоминали аналогичные немецкие указы: запрет смешанных браков, запрещение евреям нанимать арийскую прислугу, отмена всех изменений имен с 1 декабря 1918 года, введение опознавательных знаков на одежде и на магазинах, принадлежащих евреям, увольнение с государственной службы, лишение еврейской интеллигенции частной практики и, наконец, аризация собственности.

К концу октября 1941 года началось выселение евреев из городов и отправка их в лагеря принудительного труда. 6 тыс. евреев было отправлено на работы на соляные копи в Карловаце и Юдово, несколько сот было сослано в концентрационный лагерь Ясеновац на границе Хорватии и Боснии. К концу ноября из 15,5 тыс. евреев Хорватии и Боснии 14 тыс. человек было депортировано в концлагерь Крушица, откуда они были отправлены в лагеря Лобоград (4 тыс. женщин), Ясеновац (4 тыс. мужчин) и Стара Градиска (6 тыс. детей), где почти все они погибли; около 1600 человек бежало в оккупированную итальянцами Герцеговину и осело в Мостаре. Началось бегство евреев из Хорватии в итальянскую зону и даже в венгерскую Бачку. В общей сложности в Далмации и Герцеговине оказалось не менее трех тысяч евреев из немецкой зоны оккупации.

В конце 1941 — начале 1942 года немцы несколько раз запрашивали правительство Хорватии: не возражает ли оно против депортации той или иной группы хорватских евреев, проживающих на подвластной Германии территории. Хорватское правительство каждый раз соглашалось на депортацию. Поняв,

что Хорватия созрела для массовой депортации хорватских евреев, Германия направила в Загреб представителя РСХА Абромейта.

Поскольку Хорватия была формально независимым государством, депортация евреев должна была стать акцией самого хорватского правительства и одновременно начаться как в немецкой, так и в итальянской зонах оккупации. Однако итальянцы не спешили выдать евреев своей зоны усташам. При этом многочисленные беженцы стали проблемой для итальянских властей Далмации — усташа и стоявшие за их спиной немцы требовали их выдачи, собираясь отправить в Ясеновац. Губернатор Далмации Джузеппе Бастианини собирался интернировать беженцев на одном из далматинских островов. Пока шли дискуссии по поводу беженцев, евреев Далмации не трогали, и еврейские организации Италии и самой Далмации начали устраивать беженцев.

Первое серьезное столкновение между итальянскими и немецкими властями по поводу еврейского вопроса имело место в Мостаре весной 1942 года, куда прибыли представители немецкой организации ТОДТ, собиравшейся начать разработку бокситов этого района. Немцы рассчитывали, что персонал ТОДТа будет размещен в домах, принадлежащих мостарским евреям и беженцам из германской зоны, а сами евреи будут выселены. Итальянцы возмутились; Мостар был в их зоне, и такая мера подрывала престиж итальянской армии; кроме того, итальянцы были обеспокоены судьбой мостарских евреев после их депортации. Министерство иностранных дел в Риме 23 июня 1942 года подтвердило: политика Италии — гарантировать всем в ее зоне равные права.

После этого немцы усилили нажим на Италию. Риббентропу был подан меморандум, в котором говорилось, что для решения еврейского вопроса в итальянской зоне "хорватам может понадобиться немецкая военная помощь в деле депортации евреев". На эту крутую меру немцы, уважавшие своего итальянского союзника, не пошли, но давление на Рим росло. В конце концов, после беседы с немецким послом в Риме Отто фон Бисмарком, заявившим, что не следует осложнять стес-

шения из-за нескольких тысяч евреев, Муссолини сдался и на требование Риббентропа обеспечить хорватским властям беспрепятственное выселение евреев в итальянской зоне ответил согласием. Однако итальянские военные власти в Хорватии на экстренном совещании приняли решение не подчиняться этому приказу и тянуть сколько возможно. Потянулась длинная бюрократическая переписка между немецкими властями и итальянскими инстанциями, до окончания которой евреев итальянской зоны не трогали.

13 октября 1942 года итальянский МИД выпустил инструкцию, кого из евреев их зоны оккупации считать местным уроженцем, кого беженцем и кого итальянским гражданином. При этом круг лиц, имеющих право на итальянское гражданство, был так широко очерчен (например, в него попадали все лица, "оказавшие услуги итальянской оккупационной армии"), что при желании туда мог попасть практически каждый.

Однако сразу после того, как Муссолини в принципе согласился на депортацию евреев из итальянской зоны оккупации, она началась в германской зоне. В августе 1942 года загребское правительство указом лишало евреев хорватского гражданства и обязалось уплатить немцам 30 рейхсмарок за каждого депортированного еврея. До конца 1942 года из немецкой зоны было вывезено в Освенцим около 5 тыс. человек, в марте 1943 года — еще около 2 тысяч. Депортации евреев Хорватии из немецкой зоны шли небольшими порциями до сентября 1943 года. К этому времени все евреи страны уже были интернированы в лагеря (прежде всего, в Ясеноваце, где в общей сложности было собрано около 20 тыс. человек), и большая часть из них погибла еще до начала депортации.

Итальянцы в это время убеждали хорватское правительство отказаться от плана интернировать евреев их зоны. Неожиданно хорваты согласились, при условии, что евреи будут перевезены в Италию, а вся их собственность передана загребскому правительству. Итальянцы готовы были согласиться, но Германия заявила протест в связи со срывом ее политики, направленной на решение еврейского вопроса в Европе. Тогда итальянцы начали интернировать всех евреев своей зоны в особых лагерях, объясняя немцам, что это делается для строго расследования, кто подлежит выдаче хорватам, а кто

— нет. При этом часть еврейского населения была быстро вывезена в Италию. Около трех тысяч евреев было интернировано в районах Дубровника и Сплита, на острове Лопуд и в Кралевице. В последний лагерь перевезли, кроме того, еще 1161 человек беженцев из лагеря Црквеница.

Интернирование произвело на евреев итальянской зоны самое мрачное впечатление. Было несколько случаев самоубийств. Генерал Роатта вынужден был посетить Кралевицу и заверить евреев, что им ничто не угрожает. Однако в глазах населения эта операция действительно резко уронила престиж итальянской армии.

Интернирование было закончено в начале ноября 1942 года, а в январе 1943 года начались военные действия в Северной Африке. 22 января англичане взяли Триполи. Итальянской империи пришел конец. И тут Риббентроп снова напомнил Муссолини о далматинских евреях. Муссолини, рассчитывавший на поддержку немцев, согласился с планом вывезти всех далматинских евреев в Триест и передать немцам для депортации. Однако Роботти — преемник Роатты на посту командующего II армией — запротестовал против этого намерения, и Муссолини в устной форме посоветовал ему затягивать депортацию насколько возможно.

Весной 1943 года итальянцы потеряли Тунис. Ожидалось вторжение союзников в Италию. Окружение Муссолини требовало у него стянуть войска с Балкан и Юго-Восточной Франции в Италию и приготовиться к обороне, но Муссолини отказался.

Пока происходили эти бурные события, власти в Далмации решали, что делать с евреями. Все стороны сошлись в конце концов на том, что евреев следует собрать на одном из островов, как можно ближе к берегам Италии. На острове Раб был создан лагерь Арбе. В течение мая — июля 1943 года туда свезли всех евреев итальянской зоны. Всего в лагере Арбе оказалось около 20 тыс. человек, из них евреев — около 3500 человек. Условия жизни на острове были сносными: евреи были поселены семьями, функционировала своего рода лагерная община, велась даже культурно-просветительная работа. Был налажен контакт с югославским Сопротивлением.

В июле 1943 года правительство Муссолини пало; 3 сен-

тября Италия капитулировала. Итальянская зона оккупации в Хорватии перестала существовать. При всей суматохе, царившей в Далмации, у итальянских оккупационных властей нашлось время подумать о евреях. Они предложили МИДу перевести всех интернированных в Арбе в Италию, но МИД отказался, более того, дал телеграмму: препятствовать массовому уходу евреев в Италию за отступающими частями. МИД считал, что евреев можно оставить на попечение хорватов, получив у загребского правительства гарантии их безопасности, но военные скептически относились к гарантиям усташей. И тогда, уже после капитуляции Италии, итальянцы дали возможность интернированным уйти из лагеря, по существу — уйти к партизанам Тито. В лагере осталось около 200 человек, больные и старики, которых немцы вывезли в Триест и оттуда отправили в Освенцим. Из узников, бежавших к партизанам, половина составила особый еврейский пятый батальон, воевавший в составе словенских частей, а также пополнила другие отряды армии Тито медсестрами, врачами, инженерами. Другая половина, среди них 500 детей младше 16 лет, была укрыта среди словенского населения на освобожденной территории. В боях погибло 277 человек. Несколько тысяч хорватских евреев, еще до острова Раб, бежало в Италию.

Итальянцы, конечно, не были абсолютно безгрешны по отношению к евреям во время Второй мировой войны. Генерал Марио Роатта с партизанами воевал "по всем правилам": расстреливал заложников, проводил карательные операции, выселил не менее 250 тыс. словенцев с аннексированных территорий. Известно и другое: в Северной Африке итальянцы создали концентрационный лагерь Джадо близ Триполи, где было собрано свыше двух тысяч евреев — итальянских граждан. Когда англичане вошли в Джадо, там свирепствовал тиф, от которого умерло 318 человек. В том же лагере Арбе итальянские солдаты воровали продовольствие, а потом на него же выменивали у интернированных драгоценности. В Арбе царил голод, и 80% родившихся в лагере детей там же и умерло. Но видимо, был какой-то предел греха, который итальянцы перейти не могли. Может быть, это спасло жизнь нескольким тысячам евреев.

С 1939 года, когда началась Вторая мировая война, и по

1943 год, когда Италия капитулировала, антиеврейские меры в самой Италии ограничивались интернированием одной тысячи евреев — иностранных подданных — в лагерях Салерно и Козенца и в женском лагере Кьети, а также отправкой на принудительные работы евреев в Риме, Болонье и Милане в конце лета 1942 года. Немцы понимали, что если дело пойдет такими темпами, то до депортации не дойдет никогда, но в дела Италии не вмешивались. В январе 1943 года немцы потребовали с 1 марта передать под их власть евреев — итальянских подданных на оккупированных Германией территориях, однако Италия не спешила. Но в сентябре 1943 года, сразу после своей капитуляции, Италия была оккупирована немцами, за исключением Сицилии и Калабрии, где уже стояли союзники. В течение короткого времени Италия превратилась из дружественной для Германии страны в обычную оккупированную территорию.

В Риме немцы сразу же начали операции против евреев. Главным раввином римской общины (насчитывавшей 8 тыс. человек) был Израэль Дзолли, главой общины — Уго Фоа. Дзолли немедленно после оккупации ушел в подполье и оттуда попытался снестись с руководством еврейской общины и одновременно с руководством католической церкви, так как считал, что церковь откроет двери монастырей для евреев, ищущих убежища. Общину Дзолли убеждал уничтожить списки своих членов с их адресами. Но списки не были уничтожены, и глава общины передал их немецким властям по их первому требованию. Вначале немцы наложили на римскую общину штраф в 50 кг золота. За неуплату шеф полиции Каплер обещал расстрелять 300 евреев-заложников. Общине удалось собрать только 35 кг. Тогда Дзолли вышел из убежища и отправился к папе с просьбой выдать 15 кг золота в долг. Папа согласился, 50 кг золота было вручено Каплеру, и на первый раз община была спасена.

Около 15 октября 1943 года в Риме состоялась облава на евреев. Было взято 1259 человек, из которых были отпущены состоявшие в браке с итальянцами и метисы, а оставшиеся 1007 человек были 18 октября вывезены в Освенцим. 7 тыс. евреев нашли убежище, как предполагают, в основном в учреждениях, принадлежащих католической церкви.

Из Рима акции против евреев начали перемещаться на север Италии, когда к Риму уже подходили союзники. Однако и на севере большей части 35-тысячного еврейского населения этого района удалось скрыться. Во Флоренции евреев о готовящейся облаве предупредил новый фашистский префект. Число евреев Северной Италии, попавших в руки немцев в этот период (ноябрь 1943 года), было невелико. Так, в Болонье и Флоренции в облаве, проведенной 9 ноября, было схвачено 85 евреев. Первая волна облав закончилась неудачей. Тогда немцы решили сменить тактику: переложить всю работу на итальянцев. В начале декабря 1943 года за подписью дуче был выпущен закон, объявляющий евреев "враждебными иностранцами", с приказом перевести их всех в концентрационные лагеря на севере Италии. Началась вторая полоса облав на евреев, теперь силами самих итальянцев. В апреле 1944 года итальянские лагеря в Триесте, Карпи и Больцано перешли в руки немцев. С апреля по октябрь из этих лагерей немцы отправили в Освенцим около 8 тыс. евреев.

Несколько слов о дальнейшей судьбе раввина Дзолли. В июле 1944 года Рим был освобожден, Дзолли вышел из своего убежища и снова занял пост главного раввина. Осенью того же года, в разгар осенних праздников, ему было видение Христа, и 13 февраля 1945 года Дзолли был крещен под именем Эудженио.

-----ooOoo-----

Феликс НУЛИН²⁴**ЕВРЕИ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ**

Серый абрис облицованных гранитом стен Петропавловской крепости и золотой шпиль ее собора относятся, пожалуй, к главным приметам архитектурного облика города на Неве. День закладки крепости — 16 мая 1703 года — является датой основания города, который обязан ей также своим названием: Санкт-Питер-бурх, т.е. крепость святого Петра.

Крепость ни разу не использовалась по назначению — для защиты города, т.к. он ни разу не осаждался врагами. Однако, будучи оплотом самодержавия, Петропавловка вошла в историю России как центральная государственная тюрьма, как место расправы с врагами внутренними. Ну, а в таком случае можно отыскать здесь и следы пребывания евреев. Недаром у Чехова доблестный страж порядка на свой вопрос: "Кто есть нам унутренний враг?" — сам же и отвечает: "Жид, студент и социалист."

О пребывании в застенках Петропавловской крепости хасидского цадика Шнеур-Залмана бен Боруха нам рассказал М.Бейзер в своем цикле экскурсий *Евреи в Петербурге**. Шнеур-Залман дважды в царствование Павла I заточался в крепость по ложному доносу и оба раза блестяще отражал все обвинения.

Вместе с волной декабристов в крепость также попали евреи. О Григории Перетце, члене Южного общества, читатели ЛЕА знают из работы Л.Сегала^{**25}. Добавим, что в крепость Перетца доставили в феврале 1826 года.

Мы начнем рассказ с другого узника, бердичевского еврея

* М.Бейзер. Евреи в Петербурге. Экскурсия четвертая. Васильевский остров. ЛЕА N°6, 1985 [см. стр. 74—79 настоящего издания].

**Л. Сегал "...Херут — свободу означающее...". ЛЕА N°3, 1984.

Давида Лошака*, "жида Давыдки", как он именовался в материалах следственной комиссии. 42-летний Давыдка жил с семьей в Бердичеве лет тридцать и промышлял торговлей лошадьми и факторством (фамилия его как нельзя лучше подходит к роду занятий). Полковник Пестель, командир Вятского полка, несколько раз приезжал в Бердичев из местечка Линц, где квартировал его полк. Обычно Пестель останавливался в заезжем доме Боруха Лещинского и через Давида Лошака закупал для полка лошадей. В ноябре 1825 года Лошак вместе с еще одним евреем, торговцем холстами, поехал в Линц, но в цене на холст с прижимистым Пестелем евреи не сошлись, и Давыдка вернулся домой без заработка.

Известному предателю Южного общества капитану Майборде знакомство Давыдки с Пестелем показалось подозрительным, и он предположил, что последний использовал Лошака для сношения с членами польского общества. Об этом подозрении было доложено царю, и Николай I приказал вытребовать "жида Давыдку". 18 января 1825 года беднягу Лошака из Варшавы переправляют в Петербург, и вместе с ним — целый тюк бумаг на еврейском, польском и русском языках. Взяли "бердичевского декабриста" по тем временам очень быстро и уже 23 января доставили в столицу. На другой день Давыдку отправили в Петропавловку с личной запиской царя к коменданту: "Присылаемого жида Давыдку содержать по усмотрению хорошо." Узник был помещен в Кронверкскую куртину**, в камеру №26.

Следствие по делу Давыдки велось ускоренно. Его несколько раз допрашивали, но Лошак настойчиво повторял одно и то же: что с полковником Пестелем имел только торговые дела и никаких польских депутатов не знает. Свои показания

* Столетие восстания декабристов. Из-во Общества политкаторжан. М., 1928.

** Напоминаем, что куртина — крепостная стена между бастионами (которых в Петропавловке 6), бастион — пятистороннее крепостное укрепление, а рavelин — устроенное в виде угла укрепление для защиты ворот крепости, примыкающее извне к ее стенам.

допрашиваемый подписывал по-еврейски: "человек Давид сын Матусов Лошак".

Пестель, отвечая на вопросы о взаимоотношениях с Давыдкой, категорически отметал все подозрения, заявив, в частности, что "слишком неосторожно и безрассудно было бы с моей стороны верить жиду в деле тайного общества". Пестелю в этом поверили, и уже 16 февраля 1826 года Лошак был освобожден. Но в архивах сохранилось дело №179, из которого потомки узнали о неприятностях бердичевского еврея из-за знакомства его с Пестелем. Бедный Давыдка наверняка не подозревал, что полковник Пестель намеревался выселить его вместе с сородичами в бывшие владения его тезки, великого царя Давида.

В середине XIX века общее число камер Петропавловки равнялось 154, большинство из них было одиночными. В самом страшном застенке, секретном доме Алексеевского рavelина (в нем было 18 камер), холодом и сыростью расправлялись с наиболее опасными политическими преступниками. Поэтому смертность среди узников Алексеевского рavelина была особенно высокой, чему способствовало и скверное питание, приводившее к развитию цинги и туберкулеза у арестантов*. Декабристов здесь сменили петрашевцы, их, в свою очередь, разночинцы-демократы. За 45 лет (с 1825 по 1870) здесь было заточено 149 человек.

В феврале-марте 1860 года камеры Алексеевского рavelина были заполнены двадцатью участниками тайного студенческого общества, организованного в Харькове в 1855 году и к моменту ареста его участников уже распавшегося. Среди них — шесть евреев: Зиновий Юкельзон, Лев Зеленский, Леонид Росинский, Яков Шмулевич, Иона Кацен и Вениамин Португалов. Последний из этого списка был одним из активных участников тайного общества, он-то, собственно, и впутал

* Вот примерный суточный рацион узников Алексеевского рavelина: на обед — щи или суп с 1/4 фунта мяса, в постные дни — гороховый суп; на второе — гречневая каша, к обеду и ужину подавалось по кружке кваса. Хлеба полагалось по 2,5 фунта в день, но он был таков, что в нем нередко находили червей.

своих товарищей в дело "харьковских заговорщиков"*¹, поставивших себе целью ниспровергнуть существующий строй.

Вениамин Осипович Португалов, сын купца из города Лубны, после окончания полтавской гимназии поступил на медицинский факультет Харьковского университета. В 1856 году его привлекают в тайное общество студенты Яков Бекман и Митрофан Муравский. Эта группа вознамерилась произвести всеобщий переворот в России, начав с освобождения крестьян. Для восстания, по мнению участников общества, нужно было отпечатать несколько тысяч хорошо составленных прокламаций и разослать в разные концы агитаторов. После долгих дебатов члены общества решили начать с распространения либеральных идей, употребляя в дело собственные сочинения. Собрание, переписывание и распространение запрещенных изданий и составило всю деятельность общества.

Поначалу провинциальные "политики" долго спорили между собой о формах политического устройства России после переворота: быть ли конституционной монархии или республике. Но вскоре члены тайного общества пришли к убеждению о бесполезности его существования, так как начало царствования Александра II, названное "правительственным либерализмом", заставило уверовать в благие намерения правительства и более стойких революционеров. В 1857 году тайное общество распалось. Чуть дольше просуществовало легальное литературное общество, секретарем которого был Португалов. В 1858 году за участие в студенческих волнениях Португалов получил высочайший выговор, ему пришлось перевестись в Киевский университет, где год спустя он стал держать выпускные экзамены, во время сдачи которых был арестован по делу "харьковских заговорщиков".

Что же привело студентов-евреев в ряды заговорщиков? Своим вступлением в тайное общество они надеялись преодолеть враждебное отношение и презрение со стороны своих русских товарищей. "С нашим вступлением, — объяснял следственной комиссии под председательством князя Голицына Португалов, — исчезла из университета кличка 'жид' и сту-

* Б.Козьмин. Харьковские заговорщики 1856-1858 гг. Харьков, 1930.

денты-евреи преобразились. Последние годы мы были истыми русскими, только еврейского происхождения.”

Время, когда эта группа заговорщиков попала в Алексеевский рavelин, было либеральным, и студенты отделались мягкими наказаниями: 5 главных учредителей тайного общества были сосланы с употреблением на службу в уездные города. Студенты-евреи 24 июня 1860 года были переведены в III отделение для выслушивания строгого внушения.

Впоследствии Португалов стал видным врачом и публицистом, о нем была даже помещена статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Португалов был сотрудником радикальных журналов, одним из первых в России стал бороться с пьянством, выпустил брошюры “Пьянство — пагуба человека”, “Пьянство как социальный недуг” и другие, в 1875 году опубликовал книгу “Вопросы общественной гигиены”.

В народнических кружках Португалов проникся представлениями о якобы губительной роли евреев в хозяйственной жизни русского крестьянства. Проповедуя духовно-библейское братство, он жаждал переустроить на сектантский лад социальный быт и духовный уклад еврейской жизни. Подобно многим народникам, Португалов видел в погромах 80-х годов лишь “одно из выражений социального движения против несправедливостей эксплуататорских классов”. По его мнению, еврейство может двигать культуру и цивилизацию только тогда, когда растворится в европейских народах, точнее говоря, в русском народе. Под конец жизни Португалов со страниц “Судебной газеты” стал требовать репрессий со стороны властей против таких еврейских обрядов как обрезание и шхита, и ратовал за правительственную помощь в деле насаждения сектанства среди евреев.

Летом 1870 года в Трубецком бастионе началось строительство одиночной тюрьмы для политических заключенных, которая спустя 2 года приняла первых арестантов. Тюрьма представляла собой пятиугольное двухэтажное каменное здание, со стенами, параллельными стенам бастиона. На каждом этаже было по 36 пропитанных сыростью одиночных камер, каждая из которых была размером около 22 кв.м. (6 шагов в ширину и 10 в длину). Из-за низкого потолка сводом

и под ним небольшого окна, выходящего на крепостную стену, в камере даже в полдень царил полумрак. Стены-перегородки между камерами были очень массивными, с внутренними пустотами, заполненными войлоком, чтобы предотвратить перестукивание заключенных друг с другом. "Обстановка" камеры состояла из кровати с матрацем (которая была в распоряжении арестанта весь день), стола со стулом, умывальника и параша. При этом постельное белье и одежда менялись раз в неделю и были вполне доброкачественными. Раз в месяц водили в баню, расположенную во внутреннем дворике тюрьмы. Каждые 3—4 минуты поднимался "глазок", и жандарм наблюдал за поведением арестанта. Тягостно действовали на нервную систему куранты соборных часов. Через день узников выводили на 15-минутную прогулку. Раз в две недели предоставлялись свидания с родственниками (подследственные с разрешения полиции тоже пользовались этим правом).

В тюрьме была собрана довольно богатая библиотека; книги можно было менять ежедневно. Посредством подчеркивания букв в книгах заключенным часто удавалось обмениваться друг с другом посланиями. Запрет на чтение книг был весьма суровым наказанием.

Вот в такой тюремной атмосфере находились арестанты — участники новой волны революционного движения, среди которых все возрастает число евреев.

Осенью 1876 года в тюрьму Трубецкого бастиона попадает Соломон Лейзерович Чудновский, бывший студент Медико-хирургической академии, исключенный за участие в студенческих волнениях, организатор народнических кружков в Херсоне и Одессе. В начале 70-х годов он вместе с Желябовым руководил доставкой нелегальной литературы в Россию, и только арест его в январе 1874 года прервал эту деятельность. Почти через четыре года, пока собирались материалы по делу "противозаконного сообщества, поставившего целью ниспровергнуть правительство и установленный законом государственный строй в России в более или менее отдаленном будущем", Чудновский провел в тюрьмах, из них два года — в Петропавловской крепости. Правительство, решившее одним ударом расправиться с революционным движением, организо-

вало грандиозный процесс, вошедший в историю как "процесс 193-х". В крепости содержалось около 40 человек, проходивших по этому делу.

Суд, проводившийся особым присутствием сената, начался 18 октября 1878 года. Большинство подсудимых приняло решение бойкотировать судебный фарс. Чудновского за протест против хода судебного заседания 15 ноября вновь помещают в крепость (перед началом процесса его перевели в "предварилковку" — дом предварительного заключения, с более вольготным режимом). В камере ему был зачитан приговор — пять лет каторжных работ. Всего по процессу 193-х было осуждено 100 человек, оправдано — 90 (из них 2/3 тех, кто бойкотировал суд), трое — умерло во время суда, т.к. здоровье их было подорвано длительным заточением во время следствия. Вот фамилии других евреев, участников этого процесса: Рабинович, Л.Городецкий, Гауэнштейн, Кац, Эдельштейн, Фишер, Аронзон.

Просидев в крепости еще несколько месяцев, Чудновский дождался "монаршей милости": каторжные работы были заменены ссылкой в Тобольскую губернию. Чудновский и впоследствии не чурался политики, в 1905 году он стал видным членом партии кадетов. Он умер в Одессе в 1912 году, в возрасте 61 года.

В 1877 году в Трубецкой бастион был заточен видный деятель народнического движения, организатор "Северной организации", председатель "Земли и воли", Марк Андреевич Натансон. Почти три года провел он в одиночной камере, пока велось предварительное следствие. Несмотря на все старания, жандармы не смогли отыскать явных улик его революционной деятельности, и правительству пришлось ограничиться высылкой Натансона в Сибирь в административном порядке.

Натансон и его товарищи организовали в декабре 1876 года первую политическую демонстрацию, участники ее до суда содержались в Петропавловке, среди них евреи — Новаковский, Бубергаль и шестнадцатилетняя Фелиция Шефтель. Бубергаль за свое мужественное поведение получил наибольший срок — 15 лет каторги. Юная Шефтель, звавшая в страстной проповеди толпу народа идти за ней вперед, — 6 лет и 8 ме-

сяцев каторжных работ, замененных ввиду ее несовершеннолетия ссылкой на жительство в Сибирь.

В октябре 1880 года Санкт-Петербургский военно-окружной суд рассматривал дело о 16-ти лицах, обвинявшихся в различных государственных преступлениях. Среди них было 2 еврея: Аарон Исаакович Зунделевич и Лейзер Иосифович Цукерман (а третий — Григорий Давидович Гольденберг — еще до суда покончил жизнь самоубийством). Зунделевич перед арестом был членом исполнительного комитета "Народной воли", организовал в Петербурге "вольную типографию", руководил политическими связями народовольцев с заграницей. Его приговорили к бессрочной каторге, которую он отбывал на Нерчинских рудниках. Только через 19 лет вышло ему послабление и перевод на поселение.

Григорий Гольденберг — участник убийства харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина, которого народники приговорили к смерти за создание жестокого режима в Новобелгородском и Борисоглебском каторжных централах. Вместе с группой заговорщиков Гольденберг участвовал в подготовке взрыва царского поезда на Московско-Курской железной дороге. Принимал он участие и в Липецком съезде революционеров. Его связи с революционным подпольем были весьма обширными, поэтому когда он наивно доверился лживым уверениям и обещаниям прокурора, то дал в руки полиции очень ценные сведения, положенные в основу последующих процессов против революционеров. Зунделевич, встретившись в тюрьме с Гольденбергом, открыл ему глаза на совершенное им предательство. Не выдержав душевных мук, Гольденберг 15 июля 1880 года повесился в камере на полотенце. Он, в известной степени, стал жертвой особого психологического подхода к арестованным.

1 марта 1881 года, на Екатерининском канале у Михайловского сада, бомбой, брошенной погибшим при взрыве народовольцем-террористом Гриневицким, был тяжело ранен и вскоре скончался император Александр II. По делу "первомартовцев" на скамью подсудимых рядом с А. Желябовым и С. Перовской села двадцатипятилетняя еврейка — Геся Мироновна Гельфман, которая содержала конспиративные квартиры народовольцев по Троицкому переулку, дом 27, и затем по Те-

лежной улице, дом 5. На первой квартире была устроена тайная типография, где печаталась "Рабочая газета". Хозяйка квартиры была также наборщицей. Ко времени ареста Гельфман уже имела солидный опыт политической борьбы. Уже в 16 лет, оставив богатый купеческий дом, девушка с головой ушла в революцию. В 1877 году, на "процессе 50-ти", за распространение "преступных" книг в московской и других губерниях она была приговорена к двухгодичному заключению в рабочем доме и сразу же после освобождения начала активную деятельность в "Народной воле".

Через три дня после покушения на царя Геся Гельфман была доставлена в Трубецкой бастион. Уже в конце марта состоялся суд, приговоривший шестерых обвиняемых к смертной казни, в том числе и Гесю, но ввиду ее беременности смертная казнь, в соответствии с законодательством, должна была состояться через 40 дней после родов. То, что над беременной узницей Петропавловской крепости продолжал тяготеть смертный приговор, вызвало резкие протесты в печати за границей, начиная от революционеров-эмигрантов, в частности, Кропоткина, и кончая Виктором Гюго. Однако новый монарх-антисемит Александр II только на шестом месяце беременности заменил ей казнь бессрочной каторгой, и еще через месяц ее перевели из мрачной и сырой камеры бастиона в дом предварительного заключения, где режим содержания был намного легче. 12 октября она родила девочку. Через 3,5 месяца после родов, 1 февраля 1882 года, Гесья Гельфман умерла от гнойного воспаления брюшины. Хотя послеродовая смертность была в те годы обычным явлением, тяжелые переживания в связи с приговором и недоброкачественная медицинская помощь способствовали смерти Гельфман. Помещенная в воспитательный дом новорожденная не намного пережила свою мать.

Суды над народовольцами проходили один за другим. Всего за 70—80-е годы более 500 членов народнических кружков и организаций в период следствия перебивало в крепости. Среди них — участники "процесса 20-ти" 1882 года. Бывший студент Санкт-Петербургского технологического института ~~Лев~~ Соломонович Златопольский за подготовку ~~царевича~~ в Одессе в 1880 году был осужден на 20 лет каторги и ~~в~~

лен в Кару. Такая же участь постигла сына купца из Белостока, бывшего вольнослушателя Московского технического училища, Григория Михайловича Фриденсона, осужденного за попытку кражи из кишневского казначейства средств на нужды социально-революционной партии. Гомельский мещанин Айзек Борисович Арончик за участие в подготовке взрыва на 3-й версте Московско-Курской железной дороги поезда с царской свитой был приговорен к бессрочной каторге. После суда Арончика перевели в Алексеевский рavelин, где он пробыл до лета 1884 года. Среди узников рavelина в эти годы мы также встречаем Савелия Соломоновича Златопольского, члена центрального исполнительного комитета "Народной воли", и Меера Геллиса, приговоренного к каторге одесским судом за составление и расклейку прокламаций и покушение на шпиона. В рavelин Геллис попал с Карийской каторги за нарушение режима.

Суровыми условиями содержания узников Алексеевского рavelина царизм расправлялся с наиболее опасными врагами. Только в 1881—84 годах из 24 заключенных умерло 7. В 1884 году оставшихся узников вместе со смотрителем Соколовым, прозванным Иродом, перевели в Шлиссельбург. В 1895 году здание секретного дома Алексеевского рavelина было снесено.

В Петропавловской крепости содержались и участники "процесса 17-ти". Кроме вышеупомянутого Савелия Златопольского, приговоренного к смертной казни, замененной вечной каторгой, в Трубецком бастионе находились Хася Гершевна (она же Христина Григорьевна) Гринберг и Раиса Львовна Прибылева (в девичестве Гросман), жена ветеринарного врача, участника того же процесса. Хася Гринберг, выполнявшая функции связной, была сослана на поселение в Сибирь, а Раиса Прибылева, на квартире которой изготовлялись бомбы, — приговорена к 4 годам каторги.

Часто в Трубецком бастионе содержались лица, которые не привлекались к судебной ответственности из-за недостаточности собранных улик. Наказывались они в административном порядке. Среди них мы находим Льва Матвеевича Когана-Бернштейна, отправленного в административном порядке на поселение. Этот мужественный человек был участником воору-

женного сопротивления ссыльнопоселенцев, известного в истории как Якутская трагедия. Царским судом он был приговорен к повешению.

В 1884—85 годах в Петропавловке содержался известный революционер Лейба Дейч. Участник народнических кружков в 70-х годах, один из организаторов первой марксистской группы "Освобождение труда", Дейч был приговорен к 13 годам каторжных работ. В 1901 году он бежал из ссылки за границу, примкнул к "Искре", входил в оргбюро II съезда РСДРП, консолидировался с меньшевиками. Впоследствии он участвовал в работе V съезда, редактировал газету меньшевиков "Единство". После Октября Дейч отошел от политической деятельности, что позволило ему спокойно дожить до старости. Он умер в 1941 году, в возрасте 86 лет.

В последующие годы в Трубецком бастионе содержалась Ревекка Абрамовна Шмидова, участница группы Шевырева и Александра Ульянова, а позднее — Софья Гинзбург.

В 90-е годы Трубецкой бастион фактически превратился в подследственную тюрьму. Через его 72 камеры (правда, одновременно в тюрьме никогда не находилось более 32 человек) с 1873 по 1917 годы прошло 2094 заключенных. Как правило, сроки содержания были небольшими, что видно из следующей таблицы*.

Срок	1-7 дней	от 8 дн. до 1 мес.	1-3 мес.	3-6 мес.	от 6 мес. до 1 года	1-1,5 года	1.5-2 года	2-3 года	3-5 лет
Число узников	292	216	432	414	415	159	91	48	17

В 1896 году комендант крепости Эллис предложил закрыть государственную тюрьму Трубецкого бастиона, мотивируя это

* См. Гернет М. И. История царской тюрьмы, т. 3. Госюриздат, М., 1960—61.

тем, что "в крепости, где покоятся почившие императоры и члены императорской фамилии, не место тюрьме". Его поддержал военный министр, однако министерство внутренних дел выступило с энергичными возражениями, и тюрьма просуществовала еще 21 год.

В мае 1903 года в Петропавловку попал Григорий Гершуни, один из основателей партии социалистов-революционеров, руководитель ее боевиков, организовавший за 1,5 года убийства министра внутренних дел Сипягина и уфимского губернатора Богдановича, покушения на обер-прокурора синода Победоносцева, харьковского губернатора Оболенского и виленского губернатора фон Валя. Свою деятельность Гершуни начинал в середине 90-х годов в Минске: он читал лекции рабочим в субботней школе, организовывал массовые праздники, детские народные школы и т.п. "Среды" у Гершуни были признанным центром общения революционеров всех оттенков, на которых горячо обсуждались вопросы программы и тактики, шли бесконечные дебаты между социал-демократами и народниками.

В начале 1901 года Гершуни попал в сети зубатовских агентов и был доставлен в Москву. После длительных и обстоятельных бесед с Зубатовым* Гершуни написал "признание" на имя директора департамента полиции, в котором ярко описал жизнь интеллигента-культуртрегера. Формальных улик против Гершуни не было, и в июле того же года он был отпущен на волю без всяких условий. Впрочем, после возвращения в Минск Гершуни публично разоблачил тактику своего "благодетеля" Зубатова и вскоре занялся активной революционной деятельностью, целью которой были, по его признанию, "благо и интересы трудового народа".

Следствие по делу Гершуни велось почти целый год. Тюремщики во что бы то ни стало стремились сломить волю революционера, угрожая ему виселицей. И тогда стены камеры слышали гордые слова: "Я — еврей... Все твердят, что ев-

* Начальником московского охранного отделения, применявшим психологические методы воздействия к арестованным революционерам.

реи стараются уходить от опасности, что вследствие трусости избегают виселицы. Хорошо. Вам будет дано увидеть пример "еврейской трусости". Вы говорите, то евреи умеют только бунтовать. Вы увидите, умеют ли они умирать..."* Суд, состоявшийся в феврале 1904 года, приговорил Гершуни к смертной казни, которую через месяц заменили каторгой. В сентябре того же года узник камеры №46 был отправлен в Шлиссельбург.

Революция 1905 года вызвала ответные репрессии царского правительства. На основании закона от 19 августа 1906 года юрисдикция дел о революционерах была передана военно-полевым судам. По Санкт-Петербургскому военному округу заседания этого суда проводились в квартире начальника тюрьмы Трубецкого бастиона. Первый процесс, проведенный этим судом, — "Дело о нападении 14 октября 1906 года на помощника казначея Санкт-Петербургской портовой таможни". В этот день группа эсеров-максималистов на углу Екатерининского канала и Фонарного пререулка напала на карету, которую охраняли 6 конных жандармов. В мешках перевозилась крупная сумма денег — 360 тыс. рублей кредитками, 3,9 тыс. золотом и другие ценности на сумму около 300 тыс. рублей. Нападавшие ранили четырех дворников (одного — смертельно), трех жандармов, трех сотрудников таможни. Двое нападавших были убиты в перестрелке, третий покончил жизнь самоубийством. Мешки с деньгами эсерам все же удалось захватить, их увезла Адель Коган, которую жандармам не удалось отыскать. Только малая часть денег (около 10 тыс. рублей) была обнаружена у Адель-Гайды Адамсон, которую поместили в бастион 3 декабря 1906 года. Всего по этому делу было предано суду 11 человек, из них 8 повешено.

По всей России за полгода разгула военно-полевой юстиции было приговорено к смерти 950 человек, среди них — много евреев. Антисемитизм военных юристов был ничем не прикрыт, это была одна из последних отчаянных попыток задавить революционную крамолу, которая часто отождествлялась с евреями.

* Г. Гершуни. Из недавнего прошлого. М.-Л., 1928.

Вскоре после подавления революции 1905 года контингент заключенных крепости изменился. Это были уже в основном не революционеры, а высокопоставленные шпионы, затем — царские сановники, а сразу после Октября — министры Временного правительства, последние узники Петропавловской крепости.

-----ooOoo-----

Б. МЕДВЕДЕВ²⁶**КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ И ЕВРЕИ**

Дача Чуковского стоит на ул. Серафимовича в дачном поселке московских писателей Переделкино. Дом не маленький, но здесь есть много дач и пороскошнее. В этом доме Корней Иванович прожил около 30 лет. Здесь он и умер, и похоронен на местном кладбище. Родственники и друзья устроили самодеятельный музей в доме писателя. Музей просуществовал 15 лет.

Я посещал дачу-музей К.И. Чуковского, чтобы узнать о связях его с еврейской национальной жизнью, еврейскими деятелями. С нами беседовала Клара Израилевна, бывшая более 30 лет секретарем К.И. В статье мы будем называть ее имя полностью, а инициалами — только Чуковского.

—Что Вы можете рассказать об отношениях Чуковского с еврейским миром?

—Дело в том, что у самого К.И. отец был евреем. Его звали Эммануил Левинсон. Он был петербургским студентом, а мать К.И. — горничной из украинских крестьян. Их брак формально не был зарегистрирован, т.к. для этого требовалось крещение Эммануила. Еврейский дед К.И., владелец типографий в Петербурге, Одессе и Баку, запрещал сыну креститься, и стало быть, жениться официально. Связь распалась, когда родилось уже двое детей — девочка и мальчик. Мальчика крестили под именем Николай. Отчество дали Васильевич — по крестившему священнику; фамилию он получил материнскую — Корнейчуков. Впоследствии разделением фамилии образовался литературный псевдоним. Отчество стало Иванович.

Расставшись с матерью К.И., его отец переехал в Баку и там женился. Жена его была еврейкой, зубным врачом. Потомки от этого брака живут как будто сейчас в Ленинграде.

К.И. вспоминать об этом не любил. Дети знали, что спрашивать про дедушку запрещено. Дочь К.И. вспоминала,

что однажды в Куоккале (в 1914 или 1915) в доме начались хлопоты, уборка, пеклись пироги. Сказали, что приедет дед.

Подъехала коляска. В ней сидел седой старик, обложенный пакетами, подарками, куклами. К.И. встретил его и провел прямо к себе. Через 10 минут старик уехал.

Пушкинист И.Л.Файнберг вспоминал, что будто бы К.И. ездил однажды к отцу в Баку. Никаких других сведений об их контактах нет.

Мать К.И. совсем не так отрицательно высказывала свое отношение к отцу своих детей. В Одессе у нее в комнате висел его портрет. Она говорила дочери, что отец был добрым и хорошим, но только бесхарактерным человеком.

Мне самому как-то приходилось слышать, что К.И. учился в гимназии на средства отца.

Обида на отца не восстановила К.И. против всего еврейского. Женился он на еврейке, Марии Борисовне Гольдфельд, с которой прожил счастливо 53 года.

—Что Вы можете сказать об отношениях К.И. и Владимира Евгеньевича Жаботинского?

—Владимир Жаботинский стал (если так можно выразиться, говоря о Жаботинском) крестным отцом К.И. в литературе. Он был только на два года старше К.И. (род. в 1880), но их отношения были дружбой старшего и младшего, где старшим был Жаботинский. Благодаря Жаботинскому в газете "Одесские новости" 27 ноября 1901 г. была напечатана первая статья К.И. "К вечно юному вопросу" (об искусстве). Между К.И. и Жаботинским поддерживалась многолетняя переписка. Письма К.И. к Жаботинскому, кажется, уже давно опубликованы. Письма Жаботинского сейчас хранятся у внучки К.И., Елены Цезаревны.

В 1960-х годах по просьбе Рахили Павловны Марголиной, израильского литературоведа, К.И. отослал ей копии этих писем. Но в 1973 г. Марголина погибла в автокатастрофе. Судьба этих копий неизвестна. Может быть, они исчезли, т.к. позднее из Израиля еще раз просили выслать копии тех же писем. На этот раз просьба была отвергнута наследниками К.И.

На стол ложатся одна за другой книги с овальными штампами музея.

1. Ш. Руставели. "Витязь в тигровой шкуре", в переводе на иврит Гапонова. Книга подписана: "Корнею Ивановичу в знак глубокого уважения. А. Шлионский. Тель-Авив, апрель 1969 г."

2. Толстый том переводов на иврит А. С. Пушкина. Переводчик — А. Шлионский.

3. Небольшая книжечка на русском языке, изданная в Израиле в 1966 г. Это стихи известной там детской поэтессы Мириам Ялан-Штекелис "Ветви". Поэтесса родом из Кременчуга. Книга надписана: "Дорогому моему Корнею Ивановичу горячо любящая М. Я-Шт."

4. Неожиданно выплывает "Атлас по истории евреев", составленный в 1969 г. оксфордским профессором Мартином Гилбертом.

Еще еврейские книги на иврите, идише, английском :

5. Детский фотоальбом "Приключение в киббуце" на английском языке.

6. Фотоальбом С. Мерлина "Жаботинский возвращается в Израиль", о переносе праха Жаботинского из Лондона в Израиль. Англ. яз., 1965 г.

7. Еще книга о Жаботинском, иврит.

8. Пачка популярных брошюр на иврите, с пересказом некоторых книг Библии.

9. Книга детских стихов Л. Квитко, идиш.

Клара Израилевна вспоминает, что К. И. делал попытки учить идиш по присланной ему книжке Квитко. Она находит нужную цитату во втором томе мемуаров К. И. (с. 468). Читает вслух. Оказывается, один из сборников детских стихов Квитко на русском языке редактировал К. И.

Откуда-то появляется картонная коробка, на которой рукой К. И. написано "Израиль". В ней вырезки из газет и журналов. Сюда же попала статья из польской газеты на идише "Фольксштиме". С трудом разбираю, что там что-то написано про "Айболита". Иные вырезки содержат фотографии еврейских одесских писателей времен молодости К. И. Тут Менделе (во многих видах), Бялик, Шолом-Алейхем, С. Дубнов. Бен-Ами. Подписи на иврите переведены от руки там же

Чей это почерк? Ведь Чуковский и так мог знать всех этих людей.

А вот отпечатанное на машинке письмо:

Ленинград, 21 ноября 1966 г.

тов. К. И. Чуковскому.
г. Москва, К-6,
ул. Горького, 6, кв. 89.

Уважаемый Корней Иванович!

Зная Ваш интерес к языку иврит, посылаю Вам мою работу "Основные проблемы языка иврит". За Ваш отзыв буду очень благодарен.

С уважением и приветом

/А.Ф.Марголин/

г. Ленинград, Д-11,
До востребования.

Далее идет внушительная рукопись страниц на тридцать.

Интересно, что среди всех этих книг и статей я не нашел ни одного стихотворения К.И., переведенного на иврит, хотя определенно известно, что по крайней мере его стихи для детей издавались в Израиле.

Среди многих фотографий, картин, портретов, развешанных по стенам гостиной, кабинета, на лестнице — везде — есть фотокопия портрета К.И. работы И.Репина.

—Где же находится сам портрет?

—О! У этого портрета приключенческая история. Она записана в дневниках К.И.

Портрет был написан Репиным в 1910 г. и подарен Чуковскому. В 1912 г. в Италии устроили выставку картин Репина. Илья Ефимович попросил у К.И. разрешения послать портрет на выставку. При этом Репин указал охранную цену — весьма низкую. Устроители выставки, полагая, что это

продажная цена, продали портрет неким Цейтлиным, жившим тогда во Франции. Репин, узнав об этом, очень огорчился и ходил извиняться к К.И.

В 1916 г., в разгар войны, делегация русских деятелей культуры по приглашению короля Георга V посетила Англию. Делегация побывала также в Бельгии и во Франции. Эта поездка широко освещалась печатью. В составе делегации был и К.И. В Париже его пригласили в гости супруги Цейтлины. Когда К.И. увидел на стене гостиной свой пропавший портрет, он объяснил, что вышло недоразумение, что портрет подарен ему, и что он может сразу же вернуть уплаченную ими цену. Мадам Цейтлин готова была уже снять портрет со стены и отдать К.И., но вмешался муж, сказав, что по морю плыть сейчас опасно, и портрет может погибнуть (судьба самого К.И., по-видимому, не волновала Цейтлина). Порешили, что супруги сами привезут портрет после войны, когда будут возвращаться в Россию.

И они привезли портрет. Но попали под экспроприацию. Их имущество было конфисковано, а сами они сгнули. К.И. снова увидел свой портрет в Третьяковской галерее около 30-го года. В Третьяковке портрет висел не более месяца. Какой-то крупный функционер, знавший, что у К.И. не очень надежная репутация, увидев портрет, распорядился его убрать. Года через два К.И., посетив Москву, вновь увидел свой портрет — на сей раз в Торгсине. Валюты для его покупки не нашлось. Через год, будучи опять в Москве, К.И. встретил в отеле "Националь" американку, которая сообщила ему, что портрет находится у ее мужа в Иллинойсе. Чуковскому удалось уговорить ее продать портрет за советские деньги. Это было приблизительно в 1933 г. А в 1937 г., когда К.И. уже не думал о портрете, к нему как-то пришел мужчина в форменной фуражке посыльного из "Астории". В руках у него было письмо и пакет. К.И. не рискнул вскрыть ни то, ни другое, даже не взял их из рук посыльного. Только потом он узнал, что портрет тогда приезжал в Ленинград, и его предлагали за весьма умеренную цену.

Итак, портрет снова отправился за океан.

Как-то в 60-х годах К.И. отдыхал в санатории в Барвихе. Находившийся там же посол Израиля сообщил ему, что

видел этот неуловимый портрет в одном из особняков около Иерусалима, но не помнит, где именно. К.И. написал своей знакомой, Р.П.Марголиной, в Израиль письмо с просьбой разыскать портрет. Марголина рассказала историю портрета по радио, после чего нашелся обладатель портрета — Шеровер, богатый выходец из США. Вскоре Шеровер был уже в Москве и посетил К.И. на его даче. Это был маленький, сухой и уже тогда очень старый еврей.

Оказалось, что он еще в молодости принимал участие в оказании помощи советским евреям через американскую благотворительную организацию АРА. Прощаясь, старик обещал подарить (или завещать) портрет Третьяковской галерее. Но началась Шестидневная война. Так портрет и не вернулся.

Клара Израилевна рассказывает неторопливо, но очень легко, нигде не запинаясь и ничего не путая. Она вспоминает, что в 1967 году К.И. организовал выпуск детской книги "Вавилонская башня и другие древние легенды". Целью книги было ознакомить советских детей, никогда Библию не читавших, с некоторыми описанными в ней сюжетами. Упрощенное изложение подготовили хорошие специалисты. Художник украсил книгу яркими рисунками. К.И. написал предисловие. Но книга так никогда и не встретила читателя. И на этот раз помешала Шестидневная война.

Мы снова спускаемся в гостиную. Нам показывают недавно выпущенный библиографический справочник трудов Чуковского и тех работ, что написаны о нем. Была, оказывается, статья К.И. "Евреи и русская литература", опубликованная впервые в газете "Свободные мысли" 14 (27) января 1908 г., а затем в журнале "Нива" №36 от 4 (18) февраля 1908 г. Эту полемику мне читать не приходилось, но под рукой есть цитата из обзора литературы, помещенного К.И. в "Ежегоднике" газеты "Речь" за 1918 г.

"Место мое иссякает, но много осталось недосказанным. Как не упомянуть, например, о значительной книге Вл. Жаботинского "Песни и поэмы Х.Бялика", где с видимым напряжением, с натугой, почти через силу, даровитый публицист-журналист пытается передать своим твердым ... стихом страстную библейскую поэзию нового пророка Израилева."

И еще сохранился сонет Ричарда Гарнета в переводе Чу-

ковского: "Песни Сиона" (см. журнал "Еврейская жизнь", 1904, №7). А может быть Гарнет — это литературная мистификация, а стихотворение написал сам К.И.?

Уж нет моей арфы под кущами ивы, —
И страхом и горем мой разум пленен:
Боюсь позабыть ее сладостный звон,
Хоть был он напрасен, — тот звон сиротливый.

Нет, песню вернут нам сионские нивы,
Умей только сердцем проклясть Вавилон;
Где лира Сиона, там дышит Сион,
Услышь только лиры сионской призывы!

Ни ветру шальному, ни водам ручья
Вовеки не снять с тебя долга святого, —
Им песен души не вверяй!

Но песню, что пела родная твоя,
Не чти ее только, а спой ее снова,
Не память, а отзвук ей дай!

Мы покидаем музей. Мы, конечно, кое-что узнали. Но сколько еще осталось недосказанного и даже совсем неизвестного в теме "Корней Иванович Чуковский и евреи".

-----ooOoo-----

ЕВРЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ (Фолкслидер)

Составитель Е.С.РАЙЗЕ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Спи, дитя, мой светик ясный

Спи, дитя, мой светик ясный,
Спи, мой золотой!
Спи, мой кадиш, мой прекрасный,
Ненаглядный мой!
Спи, мой кадиш, мой прекрасный,
Ненаглядный мой!

Мать поет и до полночи
В люльку слезы льет.
Подрастешь — поймешь, сыночек,
Что ее гнетет.

Там, в Америке, за морем,
Папа твой, лю-лю.
Спи, пока не знаешь горя,
Спи же, спи, лю-лю.

Бог велик! Пришлет письмо нам
Бедный папа твой,
Осчастливит нас поклоном,
Спи же, мой родной!

А пока придет отец твой
Вестку — спи, родной!
Лучше сна не сыщешь средства,
Спи, сыночек мой!
Лучше сна не сыщешь средства,
Спи, сыночек мой!

Мой сынок всех краше

Мой сынок всех краше в мире,
Спи, а я не сплю.
Твой отец в цепях в Сибири,
Спи, лю-лю, лю-лю.

Колыбель твою качая,
Мама слезы льет.
Сам поймешь ты, подрастая,
Что ей сердце жжет.

Твой отец в Сибири дальней —
Я нужду терплю.
Спи покуда беспечно,
Ай-лю-лю, лю-лю.

Скорбь моя чернее ночи,
Спи, а я не сплю.
Спи, хороший, спи, сыночек,
Спи, лю-лю, лю-лю.

СЧИТАЛКИ, ИГРАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Пеки, пеки...

Пироги пеки, пеки,
Пекарь, делай пироги.
Кто захочет кушать — тем
Надо, чтобы было семь:
Масло и яйца,
Соль и молоко,
Сахар и мука,
И шафран, и шафран.
Будет вкусная еда.

Один кто знает?

Один кто знает?
Один я знаю:
Один — бедняк еврей.
Он мчится сам не свой
Полуживой
Между небом и землей.

Кто знает два?
Два я знаю:
Два конца у каждой палки.
Один — бедняк еврей.
Он мчится сам не свой
Полуживой
Между небом и землей.

Кто знает три?
Три я знаю:
Три угла у омен-таша,
Два конца у каждой палки,
Один — бедняк еврей.
Он мчится сам не свой
Полуживой
Между небом и землей.

Кто знает четыре?
Четыре я знаю:
Четыре ножки у кровати,
Три угла у омен-таша,
Два конца у каждой палки,
Один — бедняк еврей.
Он мчится сам не свой
Полуживой
Между небом и землей.

Кто знает пять?
Пять я тоже знаю:
Пять пальцев на руке,

Четыре ножки у кровати,
Три угла у омен-таша,
Два конца у каждой палки,
Один — бедняк еврей,
Он мчится сам не свой
Полуживой
Между небом и землей.

ЛЮБОВЬ, РАЗЛУКА, ИЗМЕНА

Деревце в лесу

Деревце в лесу на поляночке
Веточки распустило.
У меня, у бедного портняжечки,
Сердечко заныло.

Деревце дрожит листочками,
Сучочками бьется.
Мое бедное сердце, Иточка,
Как ниточка рвется.

На веточке сидит кукушечка,
Долго, громко кукует.
У меня, у бедного портняжечки,
Сердечко тоскует.

Сижу на скамеечке

Сижу я на скамеечке,
Расчесываю волосы,
Пройдет портняжка, упрекнет,
Что я не знаю совести.

Он говорит: "пух!",
А я ему: "перья!"

Он говорит: "люблю тебя!",
А я ему: "не верю!".

Сижу я, косыньку плету,
Перевиваю лентами,
Пройдет сапожник, упрекнет,
Скажет: совести нет во мне.

Он говорит: "зола!",
А я ему: "сажа!".
Он говорит: "посватаюсь!"
А я: "не пробуй даже!".

Вспоминаешь ли?

Вспоминаешь ли, моя радость,
Вспоминаешь ли обо мне?
Ну, а я о тебе лишь вспомню —
Кровь и сердце мое в огне.

Как фигурка ты восковая,
Слаще сахара ротик твой,
Твои глазки — две спелых вишни,
Где же твой поцелуй огневой?

Твои щечки цветут, как розы,
Твои кудри угля черней,
Твои ручки белей пороши,
Стосковался я по любви твоей.

Я садила виноградник

Я садила виноградник —
Не удался виноград мне.
Проигран мной сердечный друг,
Как в карты, безвозвратно.

Низала жемчуг я на нить,
Жемчужину обронила.
Был у меня дорогой алмаз,
Его не сохранила.
Сижу на лавочке у ворот
И все горюю об этом.
Проходит мимо друг его
С поклоном и приветом.
На что мне ласковый привет,
На что поклон учтивый,
Когда уехал милый мой,
Чьи кудри так красивы!
Куда вы, путники, держите путь,
В какие края, скажите?
От глаз моих, от заплаканных,
Ему привет снесите.

СЕМЬЯ И БЫТ

Мать умерла

Лежит в колыбельке дитя,
Кричит про горе свое,
Мать его умерла,
Положили на землю ее.
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Лежит в колыбельке дитя
Со стоном голодным в устах.
Но мама его умерла,
Черепки у нее на глазах.
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Кто будет, дитя мое,
Любить тебя и ласкать?

Кто будет, дитя мое,
Кроватку твою убирать?
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Кто будет, дитя мое,
День и ночь за тобой следить?
Кто будет, дитя мое,
Постельку твою стелить?
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Кто будет, дитя мое,
Тебя украшать, любя?
Кто будет, дитя мое,
В хедер водить тебя?
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Кто будет, дитя мое,
В люди тебя выводить,
Чтобы в торжественный день
Тебя под венец проводить?
Ой, матери нету —
Нет ласки-привету!

Только прилягу у мамы

Только прилягу у мамы я на кроватку пуховую,
Мимо меня проходя, мама промолвит с любовью:
— Спи, моя славная доченька!
Глазки твои — словно ноченька.

Только прилягу у папы я на кроватку пуховую,
Мимо меня проходя, папа промолвит с любовью:
— Спи, моя дочь шаловливая,
Самая в мире красивая!
Спи же, любимая, спи на здоровье.

Только прилягу на кроватку свекрови,
Слышу — проходит она, слышу старухи злословье:
— Ну и жена неумелая!
Ведь ничего-то не делает,
Только и знает, что дремлет лениво,
Только лишь ест торопливо.

Только прилягу у мужа я на кроватку пуховую,
Мимо меня проходя, муж мой промолвит с любовью:
— Зубки твои, как жемчужины,
Спи же, никем не разбужена,
Спи же, любимая, спи на здоровье.

Пока в девицах я хожу

Пока в девицах я хожу,
Жизнь кажется прекрасной,
А только замуж выхожу —
Вмиг становлюсь несчастной.

У мужа дел — всего одно:
Уходит в синагогу
И Тору, как заведено,
Читает понемногу.

А я дрова колоть должна,
Обед сготовить дельно,
Детей выхаживать одна,
Да каждого отдельно:

Того — в коляске покатать,
Спать уложить второго,
Того — во двор сводить опять
И покормить другого...

Таков семейный мой удел,
Так пролетают годы...
А кроме всех домашних дел,
Что год — то снова роды!

ПЕСНИ О НУЖДЕ И ТРУДЕ

Отчего я такой несчастливый

Боже благостный и справедливый!
Отчего я такой несчастливый?
Когда мать меня в муках рожала —
Уж тогда мое счастье пропало.
Когда бабка меня принимала —
Мое счастье она затеряла.
Светит радостью счастье людское,
Но нигде не найду своего я.
Исходил я все страны на свете,
Своего только счастья не встретил.

Плохие дела

”Священной субботе хвала...”
Как быть мне? Плохие дела!

”Услышь нас, вершитель судеб!”
Как трудно дается мне хлеб!

Субботный окончился день,
Ушел, как от дерева тень.

”Избавь нас от бед и нужды.”
А в доме — ни крошки еды.

Ах, скоро, ах, скоро придут
Счастливые будни и труд.

”Господь, на меня погляди...”
Как тяжело в лавчонку идти!

Сидеть, словно пес у крыльца,
”Фунт соли!” — кричать без конца.

Я — трубочист

Я — трубочист печальный,
Как сажа, жизнь моя.
Копаясь в дымоходах,
Не вижу света я.

Когда б не эти руки
И не моя метла —
Давно бы все местечко
Сгорело бы дотла.

Я веселый лавочник

Я — веселый лавочник,
Я — веселый лавочник!
Мирно жизнь моя течет
Без печали и забот.

Чем торгуешь, лавочник?
Расскажи, подумай!
Много ль в лавке у тебя
Миндаля, изюма?

— Мало стоит мой товар,
Два гроша, наверно,
Волоку свою нужду
И молюсь усердно.

ПЕСНИ БОРЬБЫ И ПРОТЕСТА

В дверь железную

В дверь железную тук-тук!
— Ты открой мне, сторож-друг!
Не могу терпеть я боле,
Отпусти меня на волю.

В дверь железную тук-тук!
— Ты открой мне, сторож-друг!
Буду дни стучать и годы,
Отпустите на свободу!

— Здесь не велено стучать,
Здесь приказано молчать.
Арестант ведь ты уж старый
И сидишь в тюрьме не даром.

— Неповинен я ни в чем,
Тяжело мне под замком.
Ох, за правду посадили,
Замурован, как в могиле!

Ни управа, ни темница

Ни управа, ни темница
Не смирят наш дух.
Мы упорны, непокорны,
Протестуем вслух.

Если в карцер тайно друга
Враг наш поведет,
Мы бунтуем, протестуем —
Мы такой народ!

САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Субботный пирог

Ох, женка моя, забодай тебя рог:
Ты печь не умеешь субботний пирог!

Ты печь начала в понедельник с утра,
А кончила в пятницу, позавчера!

Хватилась в субботу — и нет ничего:
Беда с пирогом — кошка съела его!

Вдруг палка попалась тут под руку мне —
И начал я женку лупить по спине!

И старые туфли схватила жена —
И тут же бежать припустилась она!

Сбежала к отцу и молчит — ни гугу,
А сам я обеда варить не могу!

Просил я соседей, чтоб к женке пошли,
Чтоб с миром обратно ее привели:

”Ты можешь себя, муженек, хоронить!
Ты сам свою женку стал палкой лупить!”

Ох, женушка, чтоб забодал тебя рог...
Не слишком ли дорог субботний пирог?

Мне медведя приведи

Мне медведя приведи,
Грамотного только.
Вот тогда, вот тогда
Я твоею стану.

Я медведя приведу
И писать заставлю,
Но роди мне семь детей —
И останься девой.

Семь детей тебе рожу
И останусь девой —
Только сделай зыбку ты
Из пустого места.

Зыбку сделаю тебе
Из пустого места —
Только вышей без иглы
Семь рубашек шелком.

Семь рубашек вышью я
Без иголки шелком —
Только вылови всех рыб
До одной из моря.

Ладно, выловлю тебе
Я всех рыб из моря,
Но поджарь мне семь язей,
Чтоб живыми были.

Я поджарю семь язей
И в живых оставлю —
Только сделай для меня
Лестницу до неба.

Ладно, сделаю тебе
Лестницу до неба.
Кто глупей из нас двоих —
Помолчим об этом.

-----ooOoo-----

Д-р Илона БЕНОШОФСКИ

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЕВРЕЙСКОМУ
МУЗЕЮ В БУДАПЕШТЕ**

Сейчас в Венгрии живет около 80 тыс. евреев. В Будапеште существуют несколько действующих синагог. При центральной синагоге имеется йешива, в которой обучаются кандидаты в раввины из всех социалистических стран. Тут же — еврейская гимназия, с преподаванием Торы, еврейского языка и истории евреев. Община располагает кошерными столовыми (есть кошерный ресторан в центре столицы), домом отдыха для стариков на озере Балатон, обширной библиотекой. В стране ежегодно печатаются факсимильные издания старинных еврейских рукописей и научные работы по гебраистике. Существует культурный обмен евреев Венгрии с еврейскими общинами других стран, в том числе с Израилем.

Ближайший дом к центральной синагоге занят еврейским музеем, краткое описание которого мы предлагаем вашему вниманию. На здании музея — мемориальная доска, сообщающая посетителям на английском и иврите, что в доме, находившемся на месте музея, в 1860 г. родился Теодор Герцль.

(...)²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ

1. Полный текст стихотворения С.Г.Фруга "Светочи Маккавеев" см.: С.Г.Фруг, *Полное собрание сочинений в 3-х томах*. Книгоиздательство Шермана, Одесса, 1917, т. 3, стр. 191—193.
2. Л.Сегал—псевдоним Леонида Прайсмана.
3. Опущенный нами фрагмент носит название Гóлус (галут). Он начинается стихом "Я царский сын. Взгляни ж: от ветхости истлела..." и кончается стихом "Последний иудей" (см. В.Ходасевич, *Собрание стихов в двух томах* под ред. Ю. Колкера, La Presse Libre, Paris, 1983, т. 2, стр. 248—251).
4. Авиталь Эйзери — псевдоним Татьяны Макушкиной.
5. Феликс Нулин — псевдоним Семена Фрумкина.
6. Имеется в виду повесть И. Белова *Воспитание по доктору Споку*. Роман-газета № 13/14, 1982.
7. В полученной машинописной копии шестого выпуска ЛЕА отсутствует стр. 6, содержащая начало стихотворения С.Я. Маршака и, возможно, редакционный вступительный текст к нему. На стр. 7 указан источник, откуда редакторы ЛЕА заимствовали стихотворение, сборник *Библиотека еврейской семьи и школы*, вып. IV, С.-Петербург, 1913. Более раннюю публикацию того же стихотворения см.: *Еврейская жизнь*, № 12, СПб, 1906. Нами приведен текст из сборника А. Доната *Неопалимая купина*, Нью-Йорк, 1973, стр. 299-300.
8. Т. Шатилова. "Эпизоды из жизни евреев-студентов (1886—1910)". *Еврейская летопись*, сб. II, Пг.-М., 1923, стр. 146—151.
9. А.М. Яновицкий — псевдоним Даниила Романовского.
10. А. Вергелис. *Шестнадцать стран, включая Монако*. Путевые очерки, М., 1982.
11. *Гаавара* (или *Ха-Авара*; перемещение) — агентство по переводу в Палестину имуществ репатриантов из нацистской Германии. Образовано в августе 1933 г. Палестинским бюро

- германской сионистской организации по соглашению с правительством Германии.
- 12.Статья Л. Корнеева "Шпионский спрут сионизма", *Огонек*, 1977, № 5.
 - 13.Иосиф Яффе — псевдоним Михаила Цирельсона.
 - 14.ЛЕКОПО — Ленинградское отделение ЕКОПО существовало до 1930 г. ЕКОПО — общество, создано в России в 1914 г. для помощи евреям—жертвам войны, бежавшим или выселенным из зоны военных действий. Общество продолжало свою деятельность и в годы гражданской войны. В 1920 г. вошло в Еврейский Общественный Комитет (1920—1924).
 - 15.М.Компанеец — псевдоним Михаила Бейзера и Семена Фрумкина.
 - 16.ЛГИТМиК—Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.
 - 17.ЛОЛГК—Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория.
 - 18.Феликс Нулин — см. прим. 5.
 - 19.В Палестине, а затем в Израиле, М.Вильбушевич (1880—1961) становится известным общественным и политическим деятелем. Здесь ее знают как Маню Шохат. Вместе со своим мужем Исраэлем Шохатом она в 1907 г. основала первое в Израиле коллективное сельскохозяйственное поселение, а в 1909 г. — военнизированную организацию самообороны поселенцев "Хашомер". М.Шохат была в числе основателей общества израильско-арабской дружбы (1930), работала в одной из левых израильских партий. В последние годы, оставив киббуц, жила в Тель-Авиве. Опубликовала воспоминания.
 - 20.Смысловая неувязка с последующей фразой указывает на то, что в этом месте полученной нами машинописной копии допущен пропуск (по-видимому, небольшой).
 - 21.Л. Прайсман продолжает исследование на тему книги в Еврейском университете в Иерусалиме.
 - 22.Ицик Церельзон — один из псевдонимов Даниила Романовского.
 - 23.РСХА — Главное имперское управление безопасности нацистской Германии, которому подчинялись Эйнзацгруппы, формировавшиеся из состава СС, СД и полиции безопасности.

- 24.Феликс Нулин — см. прим. 5.
- 25.Статью Л. Прайсмана (Л. Сегала) из ЛЕА № 3 см. предыдущий том "Еврейского Самиздата", изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1988, т. 26, стр. 185—192.
- 26.Б. Медведев — один из псевдонимов Михаила Бейзера.
- 27.Текст статьи д-ра Беношофской в переводе Виктора Биркана нами не приводится.

רומניה, נכללו באלמנך כדי להראות לקורא שגם בארצות סוציאליסטיות אפשרי יחס סובלני לתרבות היהודית ולישראל. מכתבו של רואלד ז'לצ'ונוק לא' בייילוב, שפורסם כחצי שנה לפני מאסרו — ראיה לחיזוי הנטיות ה"אנטישמיות" בתהפחותם של הסופרים מ"אסכולת הכפר".

המאמר הקצר "אודות היחס הביקורתי לתולדות עם ישראל" נכתב ע"י מיכאל בייזר במגמה לשים ללעג את הודעות הוועד האנטי-ציוני לציבור הסובייטי, על רקע הצהרות דומות שהשמיעו יהודים בגרמניה הנאצית. ד' רומנובסקי אסף את החומר למאמר. הידיעה "לאיש שגורלו עלול היה להיות מנת חלקי" — מוקדשת למסורת שראשיתה ב-1982, לציין את יום השואה והגבורה בבית הקברות היהודי. מחבר ההקדמה, לצידי של ס' פרומקין, נטל חלק בהכנתם ובעריכתם של כל גליונות האלמנך שנכללו בקובץ זה. את העריכה הספרותית עשתה ר' זפסוצקיה. עזרה רבה בהכנת החומר לדפוס הושיטה ורוניקה גורבונוקה.

מ' בייזר

ירושלים, 1991

דבר המוציא לאור

בקובץ "הסמאיזוט היהודי" כלול חומר המופץ בצורה בלתי רשמית בכרית המועצות ומגיע למערב. הקובץ רואה אור במרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה של האוניברסיטה העברית בירושלים. המרכז מוציא לאור פרסומים נוספים שעניינם יהודי ברית המועצות: "עצומות, מכתבים ופניות של יהודי ברית המועצות" וקובץ הרואה אור פעמיים בשנה — "ליקוטים מהעתונות הסובייטית". הוצאתו לאור של קובץ זה, כמו גם של פרסומים אחרים בסדרה "יהודים והעם היהודי" היא בעלת מטרה כפולה: ראשית, להציג תמונה מקיפה של חיי היהודים בכרית המועצות כפי שהם משתקפים בעתונות הסובייטית הרשמית המבטאת את מדיניות השלטונות הסובייטיים כלפי השאלה היהודית וכלפי מדינת ישראל; ושנית, לראות כיצד בוחנים יהודי ברית המועצות את עצמם, את מהותה של היהדות, תולדותיה ותרבותה וכיצד הם מביעים את יחסם למדינת ישראל. בהעדר אפשרות גישה למקורות אינפורמציה מהימנים ובהעדר כלי ביטוי בכתב לבעיותיהם הלאומיות המעיקות, פנו יהודי ברית המועצות לשיטת הסמאיזוט — הפרסום הבלתי-רשמי.

מפיקי הסמאיזוט עולים תהליכים ותמורות שחלו בחיי היהודים בכרית המועצות, בייחוד לאחר מלחמת ששת הימים, התעוררות הכרתם הלאומית וצמיחתה עד להזדהות עם מדינת ישראל ולמאבק למען יציאה ממקום מושבם; הערכת עברם ההיסטורי של היהודים, השואה ונושאים אחרים. ראשיתו של "הסמאיזוט היהודי" בכרית המועצות בפרסום שהחל להופיע בריגה בפברואר 1970. משנת 1972 מתחיל להופיע כתב העת "יהודים בכרית המועצות", ביוזמתם ובעריכתם של קבוצת פעילים יהודים במוסקווה. מרכזנו הוציא עד כה לאור 26 כרכים של "הסמאיזוט היהודי".

בתחילת שנות ה-80 התבלטה לנינגראד כאחד המרכזים היהודים הפעילים. בספטמבר 1982 הוכנה והופצה ההוצאה הראשונה של "אלמנך יהודי לנינגראד" (ЛЕА). בכרך שלפנינו רואים אור ארבעה גליונות של האלמנך היהודי בלנינגרד. כיום, כתוצאה מן השינויים שהתרחשו בכרית המועצות בשנים האחרונות, הוקמו בערים שונות ברחבי המדינה אגודות לתרבות יהודית, אשר רבות מהן מוציאות לאור ביטאונים. הסמאיזוט היהודי איבד את אופיו כפרסום בלתי-רשמי; המו"לים והמחברים שלו אינם נרדפים עוד. על-אף זאת, למחברים העוסקים במחקרים תולדות עם ישראל ותרבותו, אפשרויות מצומצמות מאוד לפירסום חיבוריהם.

פרסום זה יוצא לאור בסיוען האדיב של
קרן הזיכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
והאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

יהודים והעם היהודי

סמאיזדט יהודי

אלמנך יהודי לנינגרד

ערך יורי קולקר

כרך 27

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה
ירושלים תשנ"ב

יהודים והעם היהודי

סמאיזדט יהודי

